

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

 Содержание номера

Роль размежеваний в российском политическом процессе 6

В.Завьялов

Указав, что важнейшей чертой российского политического процесса является размежевание, автор дает определение этому явлению и рассматривает его влияние на электоральное поведение населения, формирование конкретного типа партийной системы, модели политического управления обществом, а также на судьбу российской цивилизации в процессе глобализации.

Правовые основы российского федерализма 19

Ю.Бойко

Рассматривая базовые принципы конституционного законодательства Российской Федерации и проблемы их реализации в контексте формирования российского федерализма, автор обращает внимание на необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы в рамках соблюдения принципа разграничения полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

**Не совсем интеллектуальные рассуждения
об интеллектуальной собственности НИИ и КБ** 27

Б.Габараев, В.Ершов

Широкомасштабное преобразование государственных НИИ и КБ в ОАО внесло в повестку дня вопрос об инвентаризации, оценке и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (ОИС) и их вовлечение в хозяйственный оборот и развитие инновационных процессов в экономике. В этой связи в статье рассматриваются пробле-

мы распределения прав на интеллектуальную собственность, определения владельцев и оценки ее стоимости, а также охраны коммерческой тайны.

Становление кредитно-банковской системы в дореформенной Российской империи 36

Е.Илларионова

Характеризуя особенности становления кредитно-банковской системы и использования банковских ресурсов в дореформенной Российской империи, автор показывает динамику развития банковского дела от создания первых банков до формирования разветвленной системы кредитных учреждений, а также экономическое состояние страны к концу 50-х годов XIX в., заставившее правительственные круги начать серьезные преобразования в экономической жизни и коренные изменения кредитной системы.

Армянская диаспора России 45

В.Кардумян

Освещая влияние армянской диаспоры России на внешнеполитическую линию Армении, ее роль в развитии армяно-российских стратегических отношений, потенциал в продвижении различных проектов для укрепления дружественных отношений между двумя странами, автор сравнивает деятельность армянских диаспор России и США, методы лоббирования армянских национальных интересов в этих странах, их влияние на политическую жизнь Армении.

Проблема миротворчества в деятельности ОБСЕ и интересы России 52

Е.Лазько

В статье рассматриваются становление и основные события миротворческой деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в конце XX – начале XXI вв., а также некоторые положения основных документов ОБСЕ и РФ по этому вопросу и делаются выводы относительно дальнейших перспектив миротворчества Организации и интересов России на данном направлении.

Правовой режим недропользования и инвестиций в ТЭК Ирана 60

Э.Касаев

Исследуя уникальную систему недропользования Ирана, автор подробно раскрывает основные ее понятия, детально анализирует “нефтегазовое” и инвестиционное законодательство страны, сравнивая права и обязанности внутреннего и иностранного инвестора, и дает оценку сложившемуся инвестиционному климату в стране.

Запад и “исламский терроризм” 70

А.Вавилов

В первой части статьи об одном из самых актуальных вопросов современной мировой обстановки – активизации международного терроризма рассматриваются мифы и реальность об исламском терроризме, его активизация на современном этапе и вопросы борьбы с ним в американской внешней политике.

Монголия в поисках новой стратегии безопасности 81

Батсайкхан Авирмед

Указав, что распад Советского Союза коренным образом изменил международные позиции Монголии, автор рассматривает состояние и развитие монголо-российских и монголо-китайских отношений и их влияние на безопасность и развитие Монголии.

Рационализм в применении военной силы США 87

О.Иванов

Определив рациональный подход в качестве одного из основных при оценке и анализе международной и национальной безопасности, автор проводит его политологический анализ и раскрывает некоторые особенности применения военной силы США.

Национальные вызовы, угрозы и риски безопасности 97

К.Кокунов

Характеризуя соотношение между понятиями “государство” и “глобализация”, а также современные подходы к определению “национальная безопасность”, автор дает классификацию видов безопасности и рассматривает проблемы оценки угроз национальной безопасности.

Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации 103

И.Гордеев

Исходя из тезиса о том, что современный мир развивается в направлении двух основных тенденций – процесса глобализации и процесса становления общества постмодерна, автор анализирует оба этих феномена, показывает как идет трансформация власти и политики и делает вывод, что становление общества постмодерна и процесс глобализации во многом определяют каким будет будущее планеты.

Мифологические персонажи аварцев-койсубулинцев 111

М.Алиев, Р.Сефербеков

Указав, что в духовной культуре народов Дагестана важное место занимают пережитки ранних форм религий: магии, анимизма, фетишизма, тотемизма, авторы констатируют, что это явилось результатом длительности процесса распространения ислама в Дагестане, когда пережитки язычества органично вплелись в мусульманство, получив форму так называемого “народного”, “бытового” ислама. А так как койсубулинцы, как и большинство аварцев, принимали ислам в XV в., то в их духовной культуре сохранилось немало мифологических персонажей, о которых идет речь в статье.

Этнография и этнополитика 116

Инал-ипа Наала

На основе исследования взаимосвязи между этнографией и этнополитикой в статье делается попытка теоретического осмысления связи этнической идентичности и политической мобилизации человеческих общностей, а также анализа факторов, которые вовлекают этнические группы в экстремистские националистические движения.

В.Ли, В.Лукин

Авторы – видные ученые-историки рецензируют книгу известного российского синолога Е.П.Бажанова “Китай: вчера и сегодня”, состоящей из двух эссе. В первом из них отмечаются особенности китайского языка и его влияние на образ жизни китайцев. Второе посвящено китайской кухне и традициям питания китайцев. В целом авторы отмечают полезность книги для читателей, интересующихся богатой и интересной культурой нашего великого соседа.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Роль размежеваний в Российском политическом процессе

Виктор Завьялов,
кандидат философских наук

Важнейшей чертой российского политического процесса является размежевание, влияющее на электоральное поведение населения, формирование конкретного типа партийной системы, модели политического управления обществом, а также на судьбу российской цивилизации в процессе глобализации.

Взаимосвязь размежевания и самоидентификации в политическом процессе

Размежевание включает структурные и сущностные компоненты.

К структурным относятся:

– дифференциация между социальными группами;

– осознание ее в виде конфликтности;

– организация этого конфликта в защиту групповой идентичности и ее целеполагания.

К сущностной характеристике относится проявление масштабности социальных и политических конфликтов в обществе.

Политические размежевания проявляются в виде развития политических установок и моделей поведения социальных групп. Сущность размежевания рассматривается по-разному. Одни авторы полагают, что оно должно пройти стадию организации в виде образования политических партий и общественно-политических движений. Дру-

гие – отмечают, что оно не обязательно должно проявляться через конфликты и организацию. Также отмечается условность между социальным и политическим размежеванием.

На этом фоне более привлекательным является определение размежевания, высказанное немецким политологом А.Реммелем: “Размежевания – это долговременные структурные конфликты, которые приводят к появлению противоположных позиций, представленных состязавшимися политическими организациями ... Наше определение заставляет нас рассматривать как социальные, так и политические элементы...”¹.

Размежевание возникает и сохраняется на определенной самоидентификации различных социальных групп общества. Первое предполагает второе проявление, которое более устойчиво и менее изменчиво в политическом процессе. Самоидентификация характери-

зует приверженность разных слоев устойчивым ценностям оснований развития той или иной цивилизации. Усвоение людьми ценностей иной цивилизации в родной стране меняет их самоидентификацию и способ поведения в обществе. И тогда новое поведение начинает не совпадать с предшествующей самоидентификацией людей в том же обществе.

Размежевание и самоидентификация в современной России происходит параллельно аналогичному процессу на Западе. Там партийные системы и демократия характеризуются проявлением кризисных явлений, которые порождены не только изменением самоидентификации гражданского общества в условиях постиндустриального развития, но и вызовами однополярного мира, который по американскому образцу создается Западом.

Возникает новая шкала ценностей: как нематериальных, так и геополитических, возникает новый феномен "гражданин всего мира", сущность которого А.С.Панарин раскрывает так: "Парадокс демократической Америки, ведущей свое глобальное наступление, состоит в том, что ею последовательно отвергается ключевое для демократии понятие политического суверенитета народа. Дело в том, что там, где имеет место такой суверенитет, национальные интересы по определению не могут быть предметом купли-продажи. Для того чтобы это произошло, властные элиты должны приватизировать этот суверенитет, получить полную свободу и бесконтрольность своих действий в международной политике.

Национальный интерес должен стать товаром, а властная элита – его товаровладельцем, не связанным никакими императивными мандатами со стороны нации"¹².

Проблема самоидентификации – это проблема выбора оснований жизни, становящихся "сертификатом" подлинности повседневной жизни. Самоидентификация является условием вза-

имодействия членов общества и социальных групп, развития национальных форм демократического развития общества, становлением общества в субъект цивилизационного развития России в условиях глобализации. В философском аспекте самоидентификация России означает стабильность цивилизации и ее воспроизводство в сочетании совести, правды, доблести и героизма.

Однако в социально-политическом аспекте самоидентификация россиян в настоящее время стала подчиняться преимущественно экономическому критерию – выгоде отдельных слоев за счет всего общества, или выгоде отдельных предпринимателей и чиновников за счет других людей и даже всего общества. В этих условиях происходит утрата социокультурной и политической граней самоидентификации российского населения. Нарушается баланс представительства интересов собственников и лиц наемного труда в структурах власти, баланс интересов города и деревни в центральной власти в пользу крупных городов, баланс интересов между центром и периферией в пользу центра.

В политическом процессе современной России размежевание социальных групп на различные типы поведения сопровождается дальнейшим размыванием социокультурного ядра – менталитета, культурно-исторических традиций и общественных норм российского общества. Эта тенденция охватила глубинные пласты самосознания разных поколений – изменение их отношения к смыслу и ценностям жизни в процессе развития капитализма в современной России.

Эта тенденция стала предметом Всероссийской научной конференции "Национальная идентичность России и демографический кризис", организованной Отделением общественных наук и академическими институтами РАН РФ (октябрь 2006 г.).

Разрушение российской самоидентификации вызвало демографический кризис общества.

Так, С.С.Сулакшин отмечает, что причинами этого кризиса являются: эрозия традиционных смыслов российской жизни; идейно-духовное опустошение; отсутствие спланированных нацию национальной идеи; подмена ценностных кодов российской цивилизации; искажение сущности российской государственности, и ее отход в 90-е годы от стимулирования социального и экономического развития общества³.

В результате в России население не образует единого народа, и российское общество еще не определило общее целеполагание. Народ еще не осознает себя субъектом цивилизационного выбора страны. Путь развития был осуществлен небольшой группой людей, отличающейся равнодушием к фундаментальным проблемам цивилизационного развития страны, когда “проблему выбора пути подменили проблемой технического решения. Говорили не о том, “куда и зачем двигаться”, а “как-ким транспортом” и с “какой скоростью”⁴. Неудивительно, что в ежегодных посланиях Президента России Федеральному Собранию отмечается углубление пропасти между властью и обществом, то есть большинством населения, которое тормозит демократизацию политического строя.

Раскол российского общества вызвал глубокие изменения в менталитете различных социальных групп.

По данным социологических замеров и мониторинговых опросов, проведенных ИКСИ РАН в 2004 г., как и 6 лет назад, главная установка россиян направлена на доминирование государства в экономической и социальной сферах. У россиян нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отвергается. Причем, не только потому, что они сами проиграли при ее

утверждении, но и потому, что она, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. Там же отмечается, что представление “о приоритетах государственной экономической политики относится для большинства россиян к числу консенсусных позиций, то есть разделяются большинством в любой демографической и социально-профессиональной группе”.

В то же время “в ближайшие годы не следует ждать существенного изменения позиций россиян в этом вопросе. Более того, в российском обществе нет сколь-нибудь массовых групп, которые способны были бы обеспечить качественный сдвиг представлений наших сограждан об оптимальной модели социально-экономического устройства страны и в среднесрочной перспективе”⁵.

Отмечается, что, неоконсервативная волна, начавшаяся в конце 90-х годов, характеризуется возвращением “от западных увлечений периода становления демократии к исконно российским представлениям, нравственным устоям и образу жизни. Традиционные ценности постепенно восстанавливают свое влияние на общество, переходящее от романтических увлечений к реальной жизни в условиях современного демократического устройства и рыночной экономики.

Тем самым ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть.

Даже в условиях системной трансформации, практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством, получают в России специфическое звучание и окраску. А это говорит о том, что и под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований, общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то, во всяком случае, величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу или указу”⁵.

Но возникает опасность деполитизации массового сознания, размывание ядер ос-

новых идейно-политических групп. При этом "одновременно формировалась синтетическая идеология, вбирающая в себя фрагменты ранее полярных идеологических течений (либеральные и патриотические ценности, социальная справедливость и рынок). Подобный синтез получил название "путинского консенсуса", который охватывает 2/3 современного российского общества.

В качестве ведущих парадигм массового общественного запроса сформировалась триада – благосостояние, порядок, социальная справедливость. Эта триада занимает ведущие позиции во всех электоральных группах"⁵.

Там же отмечается, что "на фоне общей деполитизации несколько возросли ценности русского этнического национализма, русской самобытности, также претендующей на роль некоей "синтетической идеологии". Их носителями являются активные слои общества, в том числе молодежь, что говорит о его перспективности. Однако этот "новый национализм" не носит мобилизационного характера, он является скорее компенсацией на слабую общероссийскую идентичность и выполняет функции замещающей локальной идентичности, что подтверждается, в частности, тем, что многие "новые русские националисты готовы поддержать региональный сепаратизм"⁵.

По данным того же института размежевание общества в современной России выглядит следующим образом:

– Традиционалисты (41%) отличаются ярко выраженной патерналистской ориентацией, поддержкой принципов общества социального равенства.

– Либеральная часть (26%), ориентированная на принципы личной ответственности, инициативы, на общество индивидуальной основы.

– Промежуточная группа (33%) ориентирована в сторону последовательного традиционализма⁵.

Размежевание в России проходит по трем направлениям:

– Между центром и периферией.

Крупные города развиваются динамично, в них сосредоточено большинство финансовых потоков и квалифицированных кадров с высоким уровнем жизни. В нескольких многомиллионных городах России развивается слой 190 тыс. долларовых миллионеров и миллиардеров. На периферии же продолжается ухудшение финансового положения предприятий многих отраслей производства, растет миграция населения, происходит отток квалифицированных кадров в города.

– Между городом и деревней.

Это проявилось в разрушении ведущих отраслей машиностроения (авиапром, станкостроение, сельхозстроение, судостроение, текстильной промышленности и др.), в снижении объемов сельхозпроизводства, растениеводства и животноводства, что породило массовую безработицу на селе. И в городе, и на селе увеличилась армия неквалифицированного наемного труда, ухудшились условия жизни горожан и селян, снизилась их зарплата. Появились отряды малообеспеченных людей в городе и деревне.

– Между предпринимателями и наемными работниками.

Между ними не упорядочены трудовые отношения, у наемных работников увеличилась продолжительность рабочей недели, зарплата выдается не в полном размере и не отвечает новым жизненным стандартом рыночной экономики и др.

Реформирование российского общества вызвало новые тенденции в размежевании, но не по классовому признаку, а по восприятию результатов политики политического режима, с одной стороны, и по отношению к личностным качествам политической элиты, с другой.

С этой стороны, размежевание проходит по осям:

– форма правления и эффективность управления обществом;

– ответственность исполнительной власти за проводимую политику и обеспечение политического порядка, устойчивости, борьбы с коррупцией и организованной преступностью.

Вокруг этих осей в настоящее время происходит развитие политических партий и выдвижение ими соответствующих программ по преодолению раскола и наведения порядка и устойчивости в развитии общества.

Основной политической силой в преодолении размежевания стала партия “Единая Россия”, которая обеспечила себе монопольное управление обществом. В декабре 2006 г. на VII очередном съезде партия оформила официальную идеологию. Но что является главным в ее управлении обществом?

В литературе высказана мысль о том, что “действуя в партийном облики в рамках состязательной партийной системы, партия власти представляет собой инструмент, который власть использует для получения электоральных преимуществ и приобретения доминирующего положения в обществе. И в этом смысле здесь все происходит иначе, чем в западной политической игре”⁶.

Примером являются итоги региональных выборов в 68 субъектах РФ, (8.10.2006 г.) и в Госдуму (2.12.2007 г.), где победу одержала партия власти.

В настоящее время партия власти использует удачный опыт начала 90-х годов, когда при различных комбинациях блоков партий и движений, она удержалась во власти. Речь идет об опыте создания разных проправительственных партий при игровой оппозиции ЛДПР, которые в условиях антагонизма между ветвями власти обеспечили электоральную поддержку населения для проведения либерализации экономической и политической сфер.

Эта партия создала формат партийной системы – однопартийность с игровой оппозицией.

Для ослабления левых сил и традиционализма в их борьбе за власть были приняты различные законы о партиях, избирательном барьере, о перерегистрации партий, о введении пропорциональной избирательной системы, закон о борьбе с экстремизмом.

Процесс размежевания в России сопровождается проявлением четырех тенденций.

Первая – активизация партии власти в сохранении правового поля для функционирования авторитарного политического режима;

Вторая – возникновение суверенитета российской власти из недр самой же власти, а не из общества.

Российская власть находится вне системы сдержек и противовесов между ветвями власти, характерной для развитой демократии.

Ю.С.Пивоваров, отмечает, что в российском обществе настоящую роль партий играют министерства и ведомства. Эта русская специфика снижает эффективность деятельности административного аппарата. Это наша норма в сегодняшней России, одно из важнейших свойств русской системы управления, ее неинституциональность¹².

Третья – систематическое проявление социальных конфликтов, стихийного выступления обиженных слоев общества на фоне отрицательных результатов реформ в социальной сфере. Отсюда – постоянные требования разных групп общества в защиту их интересов от произвола чиновников и коррупционеров.

Лидер новой партии “Справедливая Россия” С.М.Миранов ставит вопрос об изменении некоторых статей Конституции РФ, гарантирующих ответственность власти за проводимую социальную политику.

Как отмечает Ю.С.Пивоваров, “именно коррупционный механизм, механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением “власт-

ной плазмы". В известном смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты – переделы. Коррупция – это среда, в которой разворачивает себя в пространстве и времени "государство"⁷.

Четвертая – ослабление конституционного строя и тенденция воссоздания этого строя на новой правовой основе.

Так, Председатель Конституционного суда РФ В.Д.Зорькин в ИСПИ РАН в докладе "Об угрозах конституционному строю в XXI в. и необходимости проведения правовой реформы в России" (10 марта 2004 г.) обозначил следующие угрозы Российской Федерации в настоящее время:

- борьба США и его союзников против национального суверенитета многих стран мира;
- ухудшение социально-экономического положения населения России и других стран мира;
- отсутствие в обществе правосознания населения и самой власти;
- масштабность проявления коррупции в обществе.

В.Д.Зорькин предлагает принять ряд законов, направленных на защиту конституционного строя России и ее суверенитета. В настоящее время разрабатывается теория суверенной демократии для России.

Россия идет противоречивым путем к демократии. Разные партии пытаются оказывать влияние на власть для корректировки модели проводимых преобразований. Но этого недостаточно. По самой сути, назад дороги уже нет, а дальнейшее продвижение вперед невозможно на основе функционирования в России мнимого конституционализма. Рыночная, социально ориентированная экономика и развивающееся гражданское общество нуждаются в защите со стороны правового государства, которое возможно в условиях реального конституционализма. Поэтому разные политические партии не снимают требований по обновлению отдельных статей Конституции для создания

механизмов "сдержек и противовесов" между ветвями власти и их ответственности перед обществом за проводимую политику.

Любая политическая партия борется за власть – это аксиома. Главное – власть не должна пренебрегать возможностью защиты своей легитимности посредством диалога с оппозицией, заключения с ней различных соглашений по актуальным проблемам развития страны. В противном случае может случиться так, что власть будет опираться исключительно на силовые структуры. Такой выбор общество вряд ли одобрит. Однако в России обозначился такой поворот развития⁷.

Консолидация политических сил не исключает поиск компромиссов, нахождение опорных точек для совместного решения общественных проблем. Такой точкой могла бы стать проблема экономической и национальной безопасности нашей страны в условиях неоднозначной оценки результатов глобализации, особенно для России. Можно найти общее решение и по выводу России из глубокого общественного кризиса. На этом пути важно преодолеть стереотипы поведения по отношению друг к другу, снять образ "врага" и проявить терпимость к инакомыслию, сделав первый шаг навстречу друг другу.

Важно также исключить заигрывание друг с другом в целях ничегонеделания. И власть, и оппозиция выступают от имени народа, значит, им и отвечать за свой выбор в политике диалога и соглашений перед народом. Соглашение между властью и оппозицией открывает дорогу к согласию между властью и большинством общества. Оно не должно носить верхушечный характер (по примеру сговора). Важно иметь в виду поддержку власти со стороны общества, поддержку той политики, которая не расходит с интересами

большинства населения, которое свою жизнь не считает достойной.

Так, сейчас свыше 200 российских семей владеют 80% богатства России. Соотношение доходов богатых и бедных составило 15:1, тогда как по общемировым стандартам оно не должно превышать уровень 6:1.

Процесс согласования интересов власти и оппозиции во многом определяется особенностями политической культуры российского общества. Она еще не стала демократической и гуманистической. В условиях этой культуры различные политические силы апробируют актуальные идеи и ценности современной демократии, которые способствуют росту политического участия народа. Развитие демократической и гуманистической политической культуры невозможно одновременно в рамках всей страны. Не везде произошел демократический перелом в политическом сознании и поведении населения. Мировой опыт говорит, что в тех странах, где сосуществуют различные субкультуры, отсутствуют условия для повсеместного развития демократической и гуманистической политической культуры. Она формируется, прежде всего, в промышленных центрах и крупных городах. А в целом продолжается взаимодействие различных субкультур и их ценностных установок.

В этом вопросе нельзя не считаться с мировой практикой. В настоящее время власть сверху навязывает большинству населения новую шкалу ценностей в условиях глубокого общественного кризиса, не учитывая специфики российской духовной жизни и повседневного уклада большинства россиян, их традиций.

Не вызовет ли это обратный эффект, когда традиции россиян окажутся сильнее? И именно они в дальнейшем могут стать главным препятствием на пути реформирования российского общества.

Важной проблемой является также проблема формирования демократического сознания у различных групп населения, в том числе и у представителей политической элиты. В составе элиты встречаются не только “новые” демократы, но и выдвиженцы из различных регионов страны, которые порой не освоили демократические и гуманистические ценности. С их стороны нередко проявляется генетическая неприязнь иной шкалы ценностей, нежелание идти на компромиссы. Подобные штрихи характеризуют политическую культуру части политической элиты.

Очевидно, именно эта часть элиты отталкивает многих россиян от политического участия и уводит их из политики в сферу семьи, повседневного уклада жизни.

В настоящее время в общественно-политических движениях участвует менее 1% населения, в отдельных политических акциях участвует 2–3%, в выборах 30–40%⁹.

Уход недовольного своим положением населения в сферу быта и семейных отношений отвечает интересам самой власти. Эта тенденция дает в руки власти “новые социальные рычаги. Это само по себе представляет мощный социальный клапан: сюда оттягивается социальная энергия, здесь, в потребительской гонке, перерабатывается социальное недовольство. В этой ситуации власти нужно только подтверждать... свою традиционную роль социального регулятора и интегратора, время от времени производить акции по принципу “народной расправы”..., а также общенародную мобилизацию для собственной поддержки (то есть выборы)¹⁰.

Часть политической элиты своим поведением не способствует гуманистической активизации политического участия различных групп общества. Невысокий уровень политического

участия россиян объясняется также тем, что они по-прежнему ориентируются на помощь государства в решении своих жизненных проблем. На государство они порой смотрят как на орган социальной защиты и наведения строгого порядка в обществе. Создается впечатление, что в ходе политических конфликтов участники борются не за коренные, а за сиюминутные интересы, используя при этом игровые приемы. В целом сохраняется желание многих граждан отождествлять свои социальные права с политическими и социальными гарантиями государства. А это далеко не одно и то же. До сих пор многие россияне не могут понять, что политические права и свободы должны исходить из их побуждений и интересов, а не дароваться государством.

Сказанное выше означает, что общество недостаточно продвинулось по пути реформирования экономической и политической систем. Гуманизм и демократия не могут быть достигнуты разом при жизни одного поколения людей, а потому будет сохраняться устойчивая тенденция аполитического поведения многих россиян, их нежелание идентифицировать себя с современными политическими силами, утверждающими демократическую политическую культуру.

Проблема идентификации россиян с этими силами может быть решена при условии сохранения преемственности между опытом старшего и среднего по-

колений людей с опытом молодых. Политическое развитие не бывает чистым, односторонним, оно многофакторное. Нельзя исключать из сферы внимания также стремление разных групп общества к самоорганизации при любом политическом режиме.

Так, при советской власти существовали различные формы самоорганизации людей, особенно по месту жительства. Сейчас это опыт вновь начинает учитываться в политике региональных властей, в том числе в г. Москве.

Главное в современных условиях – найти такие формы самоорганизации людей, которые помогли бы им как можно быстрее усваивать новые демократические ценности, что отвечает особенностям российской цивилизации, проявляющиеся в солидарности, совестливости, критическом отношении к власти, в осуждении ее за отчужденность от общества. Формирование гуманистической и демократической политической культуры в современной России должно происходить не только сверху, со стороны реформаторов, но и снизу, через различные элементы самоорганизации граждан. На этой основе, возможно, и возникнет в будущем та форма демократии и реального конституционализма, которая станет приемлемой для российской цивилизации. Политический процесс и демократизация общественной жизни органично увязывается с защитой их основ развития – российской цивилизации и ее культуры.

Проблема сохранения матрицы российской цивилизации в демократизации политического процесса

В настоящее время актуализируется проблема развития российской цивилизации. Россия и Запад представляют собой разные, параллельно развивающиеся цивилизации, которые генетически и исторически с древнейших

времен имеют общие корни и взаимовлияние, которое в условиях глобализации ставит вопрос о судьбе российской цивилизации: она либо будет развиваться со своей матрицей, либо превратится в составную часть западноев-

ропейской цивилизации. Возможен и другой сценарий, что Россию в перспективе ожидает унижающее национальное достоинство место на периферии западной цивилизации в качестве зависимой страны, обслуживающей потребности Запада. В этой противоречивой ситуации прогнозирование эволюции российской цивилизации, на наш взгляд, возможно, если его увязывать с решением вопроса субъекта цивилизационного выбора России.

Судьба России неотделима от взаимодействий с другими цивилизациями, в процессе которого проявляются тенденции:

- взаимовлияния развития мировой и локальных* цивилизаций;

- чередование поколений в развитии цивилизаций;

- изменение исторических условий и среды функционирования цивилизаций;

- смена лидерства в развитии мировой цивилизации¹¹;

- эволюция политических систем, оказывающих разноплановое влияние на функционирование локальных и мировой цивилизаций;

- эволюция политических институтов мировой цивилизации (ООН и др.), которые влияют на социокультурное развитие и политическую самоорганизацию локальных цивилизаций.

Смена лидерства в мировой цивилизации в процессе глобализации ставит вопрос о судьбе локальных цивилизаций. Одни авторы полагают, что новым лидером станет какая-нибудь восточная цивилизация, другие исследователи лидерство видят со стороны США. Лидерство в мировой цивилизации и судьбы локальных цивилизаций определяются различными обстоятель-

ствами, и, прежде всего, проявлением сущности цивилизации в конкретное историческое время.

Одни авторы исследуют цивилизации с точки зрения и экономических, и духовных факторов развития. Другие акцентирует внимание на приоритете социокультурного начала в исследовании сущности цивилизаций.

Так, А.И.Арнольдов, И.А.Василенко, В.К.Егоров, Б.С.Ерасов, В.Л.Иноземцев, И.В.Кондаков, А.С.Панарин, Е.С.Троицкий, Р.П.Трофимова, В.Л.Цымбурский, М.А.Чешков, Ю.В.Яковец под цивилизацией понимают развитие и сохранение социокультурного начала – ядра цивилизации. Именно социокультурные начала характеризуют самобытность каждой цивилизации.

А.С.Панарин отмечал, что история мировых цивилизаций свидетельствует, что цивилизация способна претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело ее ценностное ядро. И, напротив, разрушение этого ядра порождает удивительное бессилие даже в условиях изобилия материальных ресурсов.

Это в высшей степени актуально для современных обществ, и в особенности для России, ценностное ядро которой пытаются разрушить внутренние и внешние вестернизаторы, раздраженные сопротивляемостью российского менталитета.

Цивилизации различаются социогенетическим кодом, типом культуры, пространством и геополитическим влиянием на другие цивилизации.

Ю.В.Яковец одним из первых ввел в научный оборот понятие цивилизационной матрицы и ее пять направлений применения, наряду с понятием "генотип" цивилизации. Эти понятия позволяют выявлять динамичность в развитии цивилизации и отличать ее от понятий: "формация", "общество", "государство", "страна", "мировая цивилизация"¹².

Интерес вызывает исследование С.Г.Кирдиной о восточных и западных ин-

* Локальная цивилизация обозначает социокультурную судьбу народов, проживающих в одном регионе. (Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 526).

ституциональных матрицах в развитии цивилизаций¹³.

Ю.В.Яковец обратил внимание на закономерность передачи биосоциального наследственного ядра (генотипа) при переходе как от одной мировой цивилизации к другой, так и от фазы к фазе в жизненном цикле локальной цивилизации, наследственной изменчивости – обогащения генотипа приобретенным опытом на каждой стадии и фазе, стихийного и целесообразного отбора наиболее эффективных и жизненных элементов из множества цивилизаций, особенно в переходные эпохи¹².

Геополитическая направленность локальных цивилизаций оказывает либо усиливающее, либо ослабевающее воздействие на их духовное начало, подкрепляемое особенностями менталитета, национального характера различных этносов, а также типом политической системы и политикой власти. Упадок или гибель локальных цивилизаций является следствием незаметных внутренних изменений, происходящих в течение длительного времени в менталитете и культурно-нравственном облике народов и этносов, в смене типов власти и политических систем.

Смена духовно-нравственных ценностей, присущих локальной цивилизации и отличающих ее от других цивилизаций, на новые ценности под влиянием геополитических факторов происходит в течение жизнедеятельности нескольких поколений. Если со временем новые поколения людей не сохраняют генетический код, то на их же территории образуется другая цивилизация с новой культурой и шкалой ценностей.

С этой стороны, важно выяснить особенности сложившихся или надломленных защитных механизмов ядра цивилизации. Там, где существуют устойчивые социокультурные защитные механизмы, локальные цивилизации сохраняют способность к выживанию даже при длительном чужеземном гне-

те. Это происходило, к примеру, в Древней Руси в период татаро-монгольского ига, или в период оккупации советских территорий во время немецко-фашистской оккупации. И, наоборот, там, где чужеземный гнет вызывает необратимые последствия в ядре локальной цивилизации, начинается ее распад и гибель.

Структура современных цивилизаций включает:

- живой народ и этносы, занятые творческой (в идеале) жизнедеятельностью, способствующей выживанию и развитию цивилизации;

- развивающиеся языки и письменность;

- культурно-генетический код – ядро каждой цивилизации;

- рост народонаселения и развитие этносов;

- духовное и экономическое богатство, технологический прогресс, развитие информационных и коммуникативных связей и отношений;

- функционирование политической власти и политической системы общества.

Отметим главное: судьба каждой цивилизации зависит от ее способности сохранять и развивать свою духовную сущность в геополитических условиях ее циклического развития, которые либо стимулируют прогресс, либо вызывают регресс и даже ее гибель.

На Западе проявляется порой негативное отношение к судьбе периферийных и полупериферийных стран. “Центр” по своему усмотрению (на основе спланированных различными организациями экономических, политических, военных и информационных “игр”) дает или не дает согласие на поддержку действий тех стран, которые выразили готовность войти в постиндустриальную цивилизацию. Пространствуется закономерность: процесс глобализации развивается односторон-

не, преимущественно в интересах стран “золотого миллиарда”.

В этой связи актуальным является вывод Ю.В.Яковца о том, что “анализ взаимодействия цивилизаций будет не полон, если не рассмотреть процессы формирования, распределения и перераспределения мировой ренты, антиренты и квазиренты. Эти глубинные процессы до сих пор почти не исследованы, хотя именно здесь находится тонкий механизм увеличения пропасти между богатыми и бедными странами и цивилизациями, присвоения результатов глобализации транснациональными корпорациями (ТНК)”^{11, 12}.

Схожую мысль высказывает и А.И.Некlessа. Он отмечает, что ТНК развитых стран капитализма главное внимание уделяют стратегии извлечения системной прибыли, что они делают ставку уже не столько на развитие производства, НИОКР, сколько на глобальное управление, контроль, взимание дани с деятельности полупериферийных и периферийных стран, введения налога на их производство и потребление. Весь мир превратился в объект управления со стороны немногочисленной наднациональной элиты¹⁴.

Глобализация вызывает процесс обесценивания культурных достижений человечества. Под влиянием постмодернизма везде и повсюду распространяется культ силы и страха людей перед злом, исходящим от преступного мира, происходит тотальная дегуманизация общественных отношений.

С.Хантингтон пишет: “Жившим за пределами Запада очевиден также тот разрыв, который существует между провозглашенными принципами Запада и его действиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в “да” и “нет” – вот цена его претензий на универсализм”¹⁵.

Возникает надлом в развитии и подрывается авторитет западных духовных ценностей, что впоследствии может привести

к возникновению межцивилизационных конфликтов.

С.Хантингтон отмечает, “по мере относительного усиления мощи других цивилизаций привлекательность западных ценностей уменьшается, и незападные народы испытывают все большее доверие и приверженность к своим собственным коренным культурам. Поэтому главная проблема взаимоотношений между Западом и остальным миром заключается в том, что его усилия (и в особенности США) по продвижению универсальной западной культуры предпринимаются на фоне объективно сокращающихся возможностей в этой области”¹⁵.

Обозначенные тенденции углубляют цивилизационный кризис, суть которого состоит в смене парадигм во взаимоотношениях между Западом и Востоком. Культура Запада стала объектом критики, от ее ценностей начинают отказываться многие народы незападных цивилизаций.

В настоящее время в эволюции российской цивилизации обозначились признаки надлома и регресса, вызванные последствиями разрушения политической системы СССР и многими отрицательными результатами политики монетаризма.

Прошло 20 лет со дня начала “перестройки” в России. Но за эти годы уровень социально-экономического развития (кроме сырьевых отраслей экономики) и эффективность управления обществом в России продолжает снижаться.

Одной из причин сложившейся ситуации является, на наш взгляд, отсутствие ответственности политической элиты за судьбу России в процессе глобализации, что отразилось на выборе модели экономического реформирования общества – монетаризма, не учитывающего особенностей российской цивилизации, менталитета и традиций российского общества.

Опасность надлома российской цивилизации в политическом процессе

Суть возможного надлома состоит в том, что цивилизационное развитие России стало напрямую зависеть от эффективности управления обществом, способности политической элиты решать актуальные проблемы развития общества, в преодолении наследия брежневского “застоя” и горбачевской “перестройки”, в замедлении темпов снижения активности трудоспособного населения и сокращения объема общественного богатства, которого хронически не хватает для удовлетворения потребностей общества.

Надлом в развитии российской цивилизации в 90-е годы обозначил проблему возможности катастрофы в развитии общества. После 1991 г. в научной литературе возросло число работ, посвященных причинам возникновения и путям предотвращения катастрофы в России. Теория катастроф стала востребованной в научной среде для нахождения оптимальных путей преодоления системного кризиса российского общества.

Так, по мнению И.Н.Шургиной, понятие “катастрофа” “применительно к изучению кризисных процессов несет двойственную смысловую нагрузку: с одной стороны, оно характеризует масштабы кризиса, с другой – содержит элемент непредсказуемости развития экономических процессов. Абсолютизация каждой из сторон понятия составляет предмет изучения для различных направлений анализа”¹⁶.

Интересной является попытка О.Ф.Шаброва выяснить соотношение между кризисами, катастрофой и развитием. По его мнению, общественная система, оказавшись в условиях системного кризиса, вступает в зону бифуркации, и ее будущее состояние становится непредсказуемым. Под влиянием внутренних и внешних флуктуаций система либо разрушается и с ней

произойдет катастрофа – исчезновение, либо она вернется в нормальное состояние в новом качестве.

Катастрофа не может служить условием развития для системы, в которой она возникла. Поэтому он называет катастрофу преждевременной гибелью системы. Но в других случаях, по его мнению, для какой-либо из ее подсистем или для системы более широкой, гиперсистемы эта “катастрофа может служить необходимым фактором сохранения и развития. Не будь смертен отдельно взятый человек, общество просуществовало бы недолго. Так же как одной из причин распада Советского Союза стала, по-видимому, чрезмерная устойчивость, окостенелость его отжившей политической системы”¹⁷.

Итак, катастрофа может быть причиной исчезновения систем и в то же время “фактором сохранения и развития” систем.

Данный вывод автора является спорным. И вот почему. Если общественные системы рассматривать как составную часть развития цивилизации, то в случае надлома и кризисного состояния в ее ядре – духовной культуре, возникает угроза распада, как самой цивилизации, так и ее общественных систем.

Кроме того, политическая система в результате неэффективного управления со стороны политической элиты может стать причиной подрыва ядра российской цивилизации, поставив тем самым общество перед де-факто.

Смена лидерства в России в начале XXI в. порождает надежду на создание демократической эффективной системы управления обществом и развитие российской культуры – основы преодоления появившихся в духовной сфере черт надлома и размежеваний в российском обществе.

Примечания

- ¹ Реммеле А. Структура размежеваний и партийные системы в Восточной и Центральной Европе // Политическая наука. 2004. № 4. С. 37.
- ² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 131–132.
- ³ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007. С. 39.
- ⁴ Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. С. 201.
- ⁵ Горшков М.К. Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ИНИОН РАН, 2005. Вып. 1. С. 64–68.
- ⁶ Глебова И.И. Партия власти в русской публичной политике // Политическая наука. 2005. № 1. С. 85.
- ⁷ Пивоваров Ю.С. О некоторых “истоках” и “смыслах” русской публичной политики // Политическая наука. 2005. № 1. С. 111–112.
- ⁸ Шевцова Л.Ф. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 48–51.
- ⁹ Политическая наука. 2004. № 1 С. 141.
- ¹⁰ Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией. М.: РОССПЭН, 2006. С. 57–58.
- ¹¹ Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001. С. 16, 209–220.
- ¹² Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. М., 2001. С. 4–9, 39–41.
- ¹³ Кирдина С.Г. О восточных и западных институциональных матрицах: новая макросоциологическая гипотеза // Диалог и взаимодействие Востока и Запада: альтернативы на XXI век. М.: МФК, 2001. С. 249–252.
- ¹⁴ Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. 2000. № 1. С. 179–180.
- ¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 536, 537.
- ¹⁶ Шургалкина И.Н. Реформирование российской экономики. М.: РОССПЭН, 1997. С. 29.
- ¹⁷ Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1997. С. 58–59.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Правовые основы российского федерализма

Юрий Бойко,

доктор политических, профессор
(Дипломатическая Академия МИД РФ)

Новая Россия ищет стратегию национальной и федеративной политики, и от этого выбора во многом будет зависеть судьба федерации.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. зафиксированы такие соответствующие теории правового государства принципы и положения, как принцип плюрализма в политической жизни и идеологии, верховенства закона, разделения и относительной самостоятельности законодательной, исполнительной и судебной властей. Содержание Конституции РФ 1993 г. позволяет выделить следующие принципы права: демократизм, федерализм, приоритет прав и свобод человека, непосредственное действие общепризнанных принципов и норм международного права, законность, равноправие, равенство всех форм собственности, правосудие¹.

В Конституции РФ 1993 г. зафиксировано, что российское государство является социальным и правовым.

Однако несовершенство правового инструментария затрудняет реализацию данных положений в полном объеме.

Применение принципа плюрализма при построении новой Российской Федерации требует более четкого правового отношения. Важно помнить, что политический плюрализм, позволяя полно реализовать демократическое управление, имеет и обратную сторону. В обществах переходного периода, принцип плюрализма не всегда адекватно реализуется в некоторых субъектах Федерации. Это ведет к тому, что последние стремятся всячески продемонстрировать свою “самодостаточность”, объясняя это стремлением к независимости².

Такое понимание оборачивается на практике непродуктивными и неэффек-

тивными взаимоотношениями между Центром и регионами.

Практика федеративных отношений в российском государстве на протяжении всего последнего десятилетия подтверждает стремление субъектов Федерации к обособлению как на вертикальном уровне (Центр – регионы), так и на горизонтальном (регион – регион). Таким образом, плюрализм при отсутствии опыта компромиссного взаимодействия Центр – регион, установления многосторонних связей на горизонтальном уровне в образовавшемся “прерывистом” политико-правовом пространстве России влечет за собой, в том числе, и отрицательные последствия.

Действительно, во многих российских регионах в 90-е годы присвоение федеральных полномочий происходило без всяких попыток легитимизации – принятия, например, республиканских законов. Подобные подходы грозили переходом в неформальное подчинение региональных властей территориальных подразделений федеральных органов власти. Пожалуй, это – наиболее опасная тенденция, препятствующая построению нормального правового государства в России.

Присвоение властных полномочий главами региональных администраций имело место в отношении как федеральных, так и региональных органов власти – правительств, законодательных собраний, судов и органов местного самоуправления. Такая стратегия была характерна для целого ряда субъектов Федерации³, и усугублялась тем, что договоры о разграничении полномочий, заключаемые в начале 90-х годов между Федеральным центром и этими субъектами, не соответствовали Конституции РФ. Ряд полномочий по Основному Закону РФ были отнесены к ведению Российской Федерации, согласно договорам – к компетенции субъектов Федерации.

Со стороны региональных властей зачастую шло давление на территориальные подразделения Федерального центра, например, на подразделения МВД, прокуратуры и суды. Ряд руководителей – в основном президенты республик – считали эти структуры либо незаконными, либо обязанными, как минимум, согласовывать свои действия с региональным руководством.

С приходом к власти второго российского президента – В.В.Путина, стратегия реформирования федеративного устройства в России кардинально изменилась. Демократические принципы в управлении государством

стали носить вспомогательный характер, уступив главенствующее место этатистскому подходу.

Новый президент, по сути дела, взялся за распутывание клубка противоречий, накопившихся за полтора десятилетия в отношениях между российскими регионами и Центром.

Главным делом В.В.Путина в первый год его правления явилось укрепление федеральной исполнительной “вертикали” власти. Президент подал знак регионам о своей готовности идти до конца в деле отстаивания суверенитета Центра на всей территории страны.

Прежняя договорная практика отношений между Центром и субъектами Федерации подверглась резкому ограничению. Вышестоящие руководители получили внесудебное право отстранять нижестоящих от занимаемой должности в случае, если обнаружат нарушения федерального законодательства.

Президенту предстояло работать в условиях действия Конституции РФ 1993 г., которая упорядочила политические отношения внутри страны и ненадолго ослабила остроту противоречий между курсом реформ Президента и оппозицией, однако не устранила всех расхождений между ветвями власти. Не было завершено закрепление национально-государственных основ российского федерализма, особенно в отношении прав и обязанностей национальных и территориальных субъектов Федерации. Действующая Конституция была создана и функционирует на основе строго определенных правовых принципов, к которым относятся: принцип государственной целостности, принцип единства государственной власти, принцип построения Российской Федерации на основе разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ, с одной стороны, и органами государственной власти субъектов

РФ – с другой, принцип равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации. Однако механизм обеспечения реализации данных принципов только предстояло формироваться.

В отечественных исследованиях 2000–2001 гг. отмечалось, что “конституционные основы российского федерализма нуждаются в тщательном структурно-содержательном анализе и в настоящее время требуют определенного совершенствования, в том числе в связи с необходимостью выполнения недостающих элементов в системе разделения государственной власти по вертикали”⁴.

Безусловно, за последние годы в стране проведена большая работа по усилению принципа законности, в том числе и в регулировании отношений, вытекающих из федеративного устройства РФ.

Вместе с тем, например, как отмечено в докладе Генеральной прокуратуры за 2005 г. уровень соблюдения федерального законодательства представительными и исполнительными структурами региональной власти по-прежнему невысок.

Имеются случаи незаконного нормотворчества.

В 2005 г. опротестовано 3904 незаконных правовых акта органов государственной власти субъектов Федерации и более 80 тыс. – органов местного самоуправления, в том числе 967 уставов муниципальных образований⁵.

Фактор интенсивного обновления федерального законодательства может являться одной из причин проблем формированием единого правового пространства на территории страны.

За последние годы обновлено более 150 законодательных актов, в том числе Налоговый, Бюджетный и Жилищный кодексы РФ, которые разграничили компетенцию федеральных и региональных органов государственной вла-

сти. Возникла необходимость приводить в соответствие правовые нормы субъектов Федерации, что не вызвало встречной активности региональных властей.

Уже несколько лет проводится работа по приведению уставов и конституций субъектов Федерации в соответствие с российской Конституцией и федеральным законодательством. Однако до настоящего времени, по мнению надзорных органов, не все положения основных правовых документов субъектов Федерации находятся в таком соответствии.

Несмотря на решения Конституционного Суда РФ признавшего по заявлениям Генеральной прокуратуры РФ ряд норм республиканских конституций противоречащими Конституции РФ и федеральному законодательству, государственными органами республик пока не принято мер по их отмене. Аналогичное положение сохраняется и в отношении ряда государственных территориальных образований, отдельные положения уставов которых были оспорены надзорными органами. Внесение изменений в уставы затягивается, оставаясь на стадии подготовки.

Между тем, меры конституционно-правовой ответственности, установленные федеральным законодательством в виде предупреждения, досрочного прекращения полномочий или роспуска законодательного органа власти субъекта Федерации, а также предупреждения, выражения недоверия высшему должностному лицу субъекта федерации или отрешения его от должности за неисполнение решений суда, в том числе Конституционного Суда РФ, о признании нормативных актов недействующими и не подлежащими применению, на практике остаются неустраиваемыми⁵.

Вопрос о механизме исполнения постановлений Конституционного Суда

РФ, от которого напрямую зависит эффективность конституционного правосудия, по-прежнему не решен. Законодательные и исполнительные органы зачастую не спешат исполнять его постановления, признавшие принятые ими правовые акты не соответствующими российской Конституции. Между тем, по мнению специалистов, обеспечивающий исполнение решений судебной власти, инструментарий отсутствует.

Частично, такое относительно малоэффективное функционирование механизма правового регулирования в области действия конституционного законодательства можно объяснить тем, что в переходные периоды развития стране требуется осуществление столь значительной перестройки всей законодательной системы, что она просто не успевает за изменениями, объективно происходящими в жизни государства и общества.

Конституционное законодательство переходного периода представляет собой развивающуюся систему конституционных актов – законов, действующих на данном этапе в той или иной стране. Наряду с конституцией государства такая система включает в себя все законы, с помощью которых вносятся в нее изменения, дополнения или же производятся изъятия из нее отдельных положений. К системе конституционных актов относятся также законы, издание которых предусмотрено данной конституцией.

Согласно, например, Конституции РФ 1993 г. в число таких законов входят: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. 2-ФКЗ "О Правительстве Российской Федерации", определяющий порядок деятельности Правительства РФ (п. 2 ст. 114 Конституции РФ); Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. 6-ФКЗ "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Россий-

ской Федерации", регламентирующий порядок принятия в Российскую Федерацию и образование в ее составе новых субъектов федерации (п. 2 ст. 65 Конституции РФ); и иные федеральные конституционные законы устанавливающие: полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и иных федеральных судов (п. 3 ст. 128 Конституции РФ); порядок и условия изменения статуса отдельного субъекта нескольких субъектов Федерации (п. 5 ст. 66 Конституции РФ) и др.

Характер, сущность и содержание конституционного законодательства, так же как и другие его отличительные параметры, никогда не остаются неизменными, застывшими. Они постоянно развиваются. Каждому этапу развития общества – его экономическому, социально-политическому, культурному и иному уровню – всегда соответствует определенный уровень развития конституционного законодательства. В соответствии с уровнем развития государства, общества и установившихся связей между субъектами Федерации разграничиваются и полномочия власти Федерации и ее субъектов.

Реализация органами власти Федерации и субъектов только тех полномочий, которые им переданы в соответствии с перечнем разграничения компетенций, является одним из важнейших признаков федеративного государства. Этот принцип нарушался и нарушается по сей день некоторыми субъектами РФ, как посредством присвоения федеральных полномочий, так и путем их непризнания. В перечень федеральных компетенций, которые особо часто нарушались субъектами РФ входят: вопросы судостроительства и охраны правопорядка, вопросы гражданства, владение и управление федеральной государственной собственностью, внешнеэкономическая деятель-

ность РФ, гражданское законодательство, амнистия и помилование и др.

Такое положение не может быть выправлено в один день, поскольку, по крайней мере, частично оно сложилось начиная с 90-х годов, когда действовали не соответствовавшие Конституции РФ договоры о разграничении полномочий, заключенные между Федеральным центром и рядом республик.

Фактически, вопрос о полномочиях – это вопрос о власти, ее разделении на федеральную государственную власть и государственную власть субъектов Федерации. Разделение двух уровней государственной власти, основанное на разграничении предметов ведения и полномочий между ними, служит основной причиной споров и конфликтов внутри государства уже на протяжении более 10 лет.

В ряде публикаций СМИ республик – субъектов РФ по вопросам разграничения полномочий между регионами и Федеральным центром отмечается, что, несмотря на прочный конституционный фундамент, идет размывание, разрушение элементов государственности республик, в том числе через принятие новых федеральных законов, ликвидирующих отдельные атрибуты республиканской государственности, а также посредством решения Конституционного Суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции по заявлениям органов прокуратуры, должностных лиц и граждан.

В частности, указывается, что Конституционным Судом РФ признаны неконституционными государственные суверенитеты республик. Авторы публикаций предлагают свое толкование принципа суверенитета народа и его права на самоопределение.

Кроме того, отмечается, что наметившаяся тенденция к свертыванию национально-государственной составляющей российского федерализма, участвовавшие случаи нарушения прав человека по национально-

му и религиозному принципам, вызывают серьезную озабоченность в республиках. Авторы полагают, что это может привести к нарушению конституционных прав народов Российской Федерации, гарантированных также общепризнанными принципами и нормами международного права⁶.

Такая позиция может критиковаться как тенденциозная, расширительно толкующая принцип равноправия и самоопределения народов страны, не учитывающая в полной мере принцип государственной целостности, а также то, что отсутствие государственного суверенитета не мешает субъектам Федерации обладать на сегодняшний день достаточно широкими экономическими правами, которые, в том числе, позволяют республикам достаточно свободно встраиваться в мировую хозяйственную систему.

Тем не менее, данная позиция существует и отражает несовершенство современного правового поля в области конституционного законодательства.

Разработчики Конституции России 1993 г. не смогли произвести оптимального размежевания компетенций Центра и регионов из-за целого ряда объективных и субъективных причин, однако, это не освобождало государство от исполнения своих обязательств перед населением. Практика требовала дальнейшего формально-юридического развития изложенных выше принципов, что и стало в последние годы одной из причин образования Комиссии при Президенте РФ по подготовке предложений совершенствованию разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Результатом работы комиссии явилась обновленная редакция Федерального закона от 6 октября

1999 г. № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”.

Рассмотрение содержания этого закона, прежде всего, показывает, что глубокая степень детализации его правового регулирования противоречит нормам Конституции РФ о пределах вмешательства Федерации в сферу организации публичной власти субъектов РФ (п. “н” ч. 2 ст. 72, ст. 77 Конституции РФ). Указанные конституционные нормы не предусматривают возможности Федерации регламентировать процесс осуществления органами власти субъектов РФ возложенных на них полномочий.

Анализ текста обновленной редакции Закона № 184-ФЗ указывает на то, что его нормы ориентированы на принципы необходимости приближения власти к населению; оптимизации соотношения принципов самостоятельности и ответственности всех уровней власти; недопустимости практики так называемого нефинансируемого федерального мандата, а также на реалистичность и четкость определения состава и структуры полномочий органов государственной власти субъектов Федерации. Однако юридический инструментарий, содержащийся в Законе, вряд ли позволит достигнуть указанных целей.

Например, принцип субсидиарности подразумевает согласованную передачу регионам всей триады компетенций “полномочия-финансы-ответственность”.

Согласно же обновленной редакции Закона № 184-ФЗ часть полномочий и ответственность действительно передаются на нижестоящие уровни публичной власти, в то время как финансы и значительная часть доходных полномочий концентрируются на уровне Федерации (например, такая сфера правового регулирования, как

недропользование, вообще исключена Законом из сферы ведения субъектов Федерации).

В основе новой действующей редакции Закона № 184-ФЗ лежит целесообразность четкого выделения двух типов полномочий субъектов на основании критерия финансового обеспечения их осуществления:

Во-первых, собственных полномочий, осуществление которых финансируется из бюджетов субъектов РФ и подлежит их нормативному правовому регулированию (ч. 2 ст. 26-3 Закона) – со стороны Федерации здесь допускается только рамочное регулирование, не навязывающее субъектам РФ конкретного объема бюджетных расходов (ч. 4 ст. 26-3 Закона), за исключением ряда позиций.

Во-вторых, делегированных полномочий, финансирующихся из федерального бюджета путем предоставления целевых субвенций. В данной сфере Законом предусматривается детальное федеральное регулирование, определяющее права и обязанности органов государственной власти субъектов Федерации; контрольные полномочия также возлагаются на федеральные органы государственной власти (ч. 7 ст. 26-3 Закона).

Перечень собственных полномочий субъектов РФ в его настоящем виде, как представляется, недостаточно соответствует цели удовлетворения потребностей населения территорий, так как согласно данному перечню на субъекты Федерации возлагаются обширные обязательства, в значительной степени не подкрепленные их бюджетными возможностями. Более того, наличие данного перечня отнюдь не препятствует, по мнению специалистов⁷, возникновению новых необеспеченных федеральных мандатов, так как Закон № 184-ФЗ, не будучи федеральным

конституционным законом, не является сколько-нибудь значительным препятствием для федерального законодателя, который может любым вновь принимаемым федеральным законом возложить на субъекты РФ обязательства, не внося при этом изменений в данный Закон.

Кроме того, обновленной редакцией Закона № 184-ФЗ не предусматривается необходимость приведения в соответствие с ней федеральных законов, значительное количество которых, как известно, противоречит нормам Закона.

Для выявления и нейтрализации конкретных случаев несовершенства федеральных законов разработчиками Закона выбран не законодательный, а судебный механизм. Таким образом, правомочием по оценке наличия или отсутствия дефектов в конкретных законодательных актах федерального уровня наделяются судебные органы, до вынесения решения которых федеральный акт будет действовать, а органы власти субъекта РФ будут руководствоваться им даже в случае явного несоответствия нормам Закона (ч. 3 ст. 3).

Несовершенен, с правовой точки зрения, и сам перечень собственных полномочий субъектов РФ – он включает в себя и полномочия, и предметы ведения, в нем смешиваются различные по своей природе сферы ведения (рамочная и конкурирующая). В перечне, кроме полномочий, указанных в ст. 72 Конституции РФ, оказались и полномочия (ст. 73 Конституции РФ) из сферы ведения субъектов РФ (например, материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности собственных органов власти), что противоречит Конституции РФ и вряд ли оправдано соображениями о необходимости упорядочения практики размежевания полномочий.

Еще одним направлением серьезно обсуждения среди политиков и ис-

следователей стала тема объединения субъектов Федерации.

Рассматривая действия властей в данном направлении, Л.В.Савинов полагает, что на уровне государственных институтов Федеральный центр де-факто реализует идею территориальной Федерации, пытаясь максимально (пока еще на уровне автономных округов) уйти от этнофедерации.

На уровне институтов гражданского общества настойчиво предлагается идея об объединении субъектов как процессе центробежным процессам периода президента Б.Н.Ельцина.

Исследователь отмечает, что "институциональные по своей сути и откровенно сепаратистские по своей форме политические настроения этнонационалистического содержания остались в прошлом – в истории 90-х годов, уступая на современном этапе место этническому экстремизму и ксенофобии, в основе которых лежат в большей степени миграционные процессы.

На этом фоне стремление федеральных властей понять ситуацию и взять под контроль проблему вызывает уважение. Однако силовое давление на население этнонациональных территорий с использованием всей мощи государственного административного и пропагандистского аппарата, недостаточное конституционно-правовое обеспечение и откровенно инструменталистская цель несут в себе этнополитические угрозы и вызовы отложенного характера. По сути, правильная идея о переходе с этнонациональной к территориальной модели Федерации реализуется слишком быстро и далеко не легитимными средствами¹⁸.

Объяснить подобное усиление роли административного ресурса можно тем, что с приходом во власть Президента РФ В.В.Путина произошло усиление государственных настроений в правящей политической элите страны, которые значительно влияют

на характер многих социальных и, прежде всего, политических процессов.

Поскольку эти настроения реализуются не только в идеологических концептах, но и в повседневной практике политической действительности, проблема объединения субъектов Феде-

рации определяет не только повестку дня для ученых и политиков – сегодня этот вопрос и дискуссии, связанные с ним, определяют ожидания и настроения самой широкой общественности, особенно в этнонациональных регионах.

Таким образом, отсутствие консенсуса между федеральной властью и властями субъектов РФ вызвано недостатками в реализации части основополагающих принципов, на которых основан Основной закон страны. Если принцип государственной целостности, принцип единства государственной власти реализуются без заметных проблем, то принцип построения Российской Федерации на основе разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ, с одной стороны, и органами государственной власти субъектов РФ – с другой, и принцип равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации до сих пор до конца не находят своей реализации в конституционно-правовой политике, проводимой как федеральной, так и региональными политическими элитами, что неизбежно отражается на правовом сопровождении российского федерализма.

Примечания

- ¹ Теория государства и права. Учебник для вузов. Отв. Ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2004. С. 121.
- ² Проблема самодостаточности этносов: теоретико-методологические вопросы. Казань, 1998. С. 97.
- ³ Интервью с начальником Управления по надзору за законностью постановлений судов по гражданским делам Генеральной прокуратуры РФ Вячеслава Тараненко // Российская газета. № 58. 26 марта 1998 г.
- ⁴ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000. С. 29.
- ⁵ О состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации в 2005 году. Доклад Генеральной Прокуратуры РФ. М., 2006.
- ⁶ Ягудин Ш.Ш. Конституционно-правовые основы этнической составляющей российского федерализма. Сб. докладов и материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию Государственной Думы (23 марта 2006 г., Казань) // Российский парламентаризм: исторический опыт и современные тенденции развития. Казань: Дом печати, 2006. С. 151–156.
- ⁷ <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2003/vestniksf211-18/vestniksf211-18020.htm>
- ⁸ Савинов Л.В. О социально-политических рисках и угрозах, связанных с объединением субъектов Федерации // Казанский федералист. 2007. № 1–2 (21–22). Зима–весна. 2007. <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/2>

Не совсем интеллектуальные рассуждения об интеллектуальной собственности НИИ и КБ

Борис Габараев,
Владимир Ершов

Инвентаризация, капитализация, коммерциализация, трансфер объектов интеллектуальной собственности.

Этот набор слов, в котором есть только одно русское слово – “собственность”, стремительно вошел в словарный обиход руководителей многих российских академических и отраслевых НИИ. Он стал одним из атрибутов инновационного развития российской экономики, справедливо рассматриваемого в качестве стратегии прорыва, которая обеспечит России завоевание подходящего места в мировой экономике.

Инвентаризация нематериальных активов и капитализация объектов интеллектуальной собственности вошли в разряд обязательных требований при акционировании федеральных государственных унитарных предприятий. В настоящее время этап акционирования проходят сотни крупнейших предприятий, которые объединяются во вновь создаваемые крупнейшие государственные корпорации в области авиа- и судостроения, нанотехнологий, атомной энергетики и т.д.

Для руководства этих предприятий вопросы управления интеллектуальной собственностью нередко оказываются одними из наиболее проблемных.

Что же является тому причиной: непонятливость (боже упаси, нерадивость) дирекции предприятий или неопределенность постановки задачи?

Не претендуя на полноту анализа, авторы статьи предприняли попытку взглянуть на проблему с позиций многих руководителей НИИ и КБ.

Начнем с терминологии

Действительно, для начала не мешало бы обратиться к терминологии, ибо очень важно убедиться, что все, кто вовлечен в процесс управления интеллектуальной собственностью, говорят на одном и том же языке. Иначе

можно разделить печальную участь строителей Вавилонской башни, проваливших стройку, так как они начали говорить на разных языках и перестали понимать друг друга. Все знают, что переходом на разные языки бедняги

строители из Вавилона были наказаны свыше, а нам-то, зачем добровольно следовать их примеру. Лучше попробовать разобраться в этой самой терминологии и уж затем приступить к анализу складывающейся ситуации.

Авторы далеко не первые, кто озаботился данной проблемой. В серьезных специализированных изданиях (журналы “Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность”, “Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права”, “Интеллектуальный капитал. Технологический бизнес-интернет-журнал” и т.п.) уже несколько лет идет активнейшее обсуждение вопросов управления интеллектуальной собственностью и, в том числе, по используемой терминологии. Участники этой дискуссии¹⁻⁵ являются авторитетными профессионалами в отличие от авторов настоящей статьи, трезво оценивающих себя не более как заинтересованных дилетантов в рассматриваемой проблематике.

Авторы с грустью убедились, что на фоне множества федеральных законов об интеллектуальной собственности даже профессионалы не смогли придти к мало-мальски единой позиции хотя бы по части терминологии.

В одном случае оперируют понятием **РИД** – результаты интеллектуальной деятельности. В другом прибегают к **РНТД** – результаты научно-технической деятельности, в третьем фигурирует термин **ОИС** – объекты интеллектуальной собственности.

Часть профессионалов считает, что **ОИС** является всеобъемлющим понятием, охватывающим, в том числе, **РИД** и **РНТД**.

Другие считают применение термина **ОИС** чуть ли не роковой ошибкой, полностью запутывающей всю картину. При желании можно привести еще множество других примеров неразберихи в терминологии. Поневоле вспо-

минается известная поговорка “два юриста – три мнения”.

Справедливости ради следует отметить, что уважаемые профессионалы связывали большие надежды с четвертой частью “Гражданского кодекса РФ”, появления которой ждали со дня на день. Совсем недавно этот долгожданный раздел ГК РФ получил наконец путевку в жизнь, но желанной ясности не привнес как применительно к терминологии, так и по другим аспектам проблемы интеллектуальной собственности.

Фактически, создатели четвертой части ГК РФ посвятили терминологии в этой области только одну хоть и самую первую статью за 1225:

“Статья 1225. Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

1. Результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются:

- 1) произведения науки, литературы и искусства;
- 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- 3) база данных;
- 4) исполнения;
- 5) фонограммы;
- 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- 7) изобретения;
- 8) полезные модели;
- 9) промышленные образцы;
- 10) селекционные достижения;
- 11) топологии интегральных микросхем;
- 12) секреты производства (ноу-хау);
- 13) фирменные наименования;
- 14) товарные знаки и знаки обслуживания;
- 15) наименования мест происхождения товаров;
- 16) коммерческие обозначения.

2. Интеллектуальная собственность охраняется законом”.

Цитируемая статья ГК РФ вызывает ряд вопросов.

Например, не совсем ясно содержание понятия “произведение науки”.

Другой случай – подпадают ли научно-технические отчеты с изложением результатов экспериментального или расчетного исследования под определение “интеллектуальной собственности”?

Еще один вопрос такого же порядка – как быть с проектами различных установок, являющимися главной продукцией конструкторских и проектных

организаций. Можно ли рассматривать их как интеллектуальную собственность?

Подобным вопросам касательно терминологии в области интеллектуальной собственности нет числа. Однако смирился с этим, чтобы можно было, наконец, приступить к анализу процесса обращения с интеллектуальной собственностью. Этот процесс начинается с инвентаризации и оценки объектов интеллектуальной собственности (ОИС).

Инвентаризация и оценка ОИС

Проблемам инвентаризации и оценки ОИС по вполне понятным причинам придается большое значение.

Кто только не занимается теорией этих проблем – Роспатент, Минюст РФ, Российский государственный институт интеллектуальной собственности, Российский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности, не говоря уже о многочисленных патентных поверенных и других специалистах².

Проверку результатов инвентаризации и оценки ОИС взяли на себя еще более серьезные ведомства – Генеральная прокуратура, Счетная палата, Росимущество.

К ней также привлекаются аудиторские фирмы и другие организации.

Проектно-конструкторские организации, приступающие к инвентаризации и оценке своих ОИС, не испытывают недостатка в предложениях со стороны специализированных фирм.

По числу последних Россия давно обошла в считанные годы большинство стран мира, как и по части казино, пунктов обмена валюты и т.п. Беда только в том, что многие фирмы, будучи не в состоянии квалифицированно выполнить обещанные работы, занимаются посредничеством или плагиатом

торством, а иногда просто жонглируют соответствующими терминами.

По мнению экспертов Торгово-промышленной палаты, более 80% всех оценок стоимости ОИС, выполненных в 2003 г., не соответствовали профессиональному уровню и порой даже абсурдны⁶.

Ситуация, тем не менее, не совсем безнадежная, так как уже сейчас на российском рынке этих услуг имеется целый ряд профессионально состоятельных фирм, причем их число возрастает.

Для простоты дальнейших рассуждений примем, что нам все-таки повезло с оценщиками, благодаря чему удалось инвентаризовать все ОИС института и корректно оценить их стоимость.

Последнее подразумевает, что полностью учтены прямые и косвенные затраты на создание рассматриваемого результата интеллектуальной деятельности, составляющие в сумме первоначальную стоимость этого нематериального актива. Это далеко не простая задача, так как нередко задним числом приходится оценивать стоимость ОИС, созданных достаточно много лет тому назад. Затраты тех лет не всегда могут быть строго задокументированы, а за-

коны у нас, как водится, суровые. Известно, что только очень опытные специалисты могут дать совет, как не быть оштрафованными при постановке ноу-хау или другого ОИС на бухгалтерский учет предприятия.

После выявления и оценки стоимости очередного ОИС предстоит *определить его владельца*.

Действительно, у любой собственности, даже будь она интеллектуаль-

ной, обязательно должен быть собственник, такова сама природа понятия “собственность”.

Эта задача тоже далеко не из простых, ведь в создании ОИС задействованы, как правило, несколько сторон: организация-исполнитель (разработчик), организация-заказчик и автор ОИС, а также государство (если для оплаты работ привлекались средства из госбюджета).

Кому же принадлежит интеллектуальная собственность?

Решающее слово остается за государством, особенно с учетом того, что пока в России львиная доля всех ОИС разработана за счет государственного бюджета силами организаций-исполнителей, также принадлежащих государству.

В настоящее время мировая практика знает два основных подхода: либеральный и фискальный⁵.

Либеральному подходу отдают предпочтение экономически развитые страны. Его суть в следующем:

- права на РНТД, созданные за счет госсредств, в большинстве случаев закрепляются за организацией-исполнителем (разработчиком);

- непосредственных финансовых поступлений в госбюджет от закрепления прав не поступает, госбюджет пополняется за счет увеличения налогооблагаемой базы, уменьшения социальной нагрузки на бюджет путем увеличения создаваемых рабочих мест и др.;

- закрепление прав за организацией-исполнителем (разработчиком) ограничивается обязательными условиями – правом государства на безвозмездное использование полученных результатов для госнужд, правом контроля за обязательной коммерциализацией не позднее определенных сроков и организацией производства на собственной территории. При передаче за

границу обеспечивается получение государством платежей за использование этих результатов, как и при фискальном подходе.

Современный российский законодатель остановил свой выбор на **фискальном подходе**:

- осударственных средств, закрепляются за государством;

- права, закрепленные за государством, передаются хозяйствующим субъектам на возмездной основе;

- денежные средства за получение прав, принадлежащих РФ, поступают в госбюджет.

Авторам настоящей статьи представляется, что есть смысл применять данный подход только для ОИС оборонного или экспортного предназначения, отказавшись от его распространения на все случаи жизни.

Таким образом, в нашей стране государство в вопросах распределения прав на интеллектуальную собственность отдает предпочтение своим интересам в ущерб интересам организации-исполнителя (разработчика). Если организация-исполнитель (разработчик) выполняет работу на средства госбюджета не напрямую, а через организацию-заказчика, то обнаруживается, как правило, еще и диктат последней, причем нередко в ущерб интересам государства.

Налицо типичный случай конфликта интересов основных фигурантов, от которого следует переходить к регулированию, позволяющему придти к балансу интересов, что будет содействовать реализации ОИС.

При этом следует помнить и о человеческом факторе, так как творцами интеллектуальной собственности являются авторы ОИС. Для них нужно создавать действенную систему материальных и моральных стимулов, то есть нельзя ограничиваться созданием баланса интересов государства, организаций-исполнителей (разработчиков), организаций-заказчиков и инвесторов.

Без взвешенного решения упомянутых проблем споры вокруг интеллектуальной собственности представляются таким же неблагоприятным занятием как дележ шкуры не убитого медведя.

Среди российских специалистов пока нет более или менее единой точки зрения. Одни считают бессмысленным закрепление исключительных прав на ОИС за государством³, не без основания полагая, что государственные чиновники не в состоянии внедрять ОИС без активного заинтересованного участия авторов ОИС и организации-исполнителя (разработчика).

По мнению других экспертов, совместное патентование ОИС заказчиком и разработчиком также не является выходом из создавшегося положения, так как эффективность таких патентов ниже, чем при единственном обладателе.

Авторам настоящей статьи трудно согласиться с этим утверждением, так как во внедрении ОИС, по их убеждению, должны быть в той или иной форме (может быть, не совсем обязательно в виде патента) материально заинтересованы государство, инвестор, заказчик, организация-исполнитель (разработчик) и авторы ОИС.

Любопытной точки зрения на патентование придерживаются некоторые эксперты. Они считают, что патентование ОИС только на территории России является раскрытием сущности изобретения, причем не только российским, но и иностранным фирмам. По их мнению, это, скорее, провокация со стороны иностранных спецслужб, чем разумная политика.

Как показал анализ, понимая все-таки важность участия организации-исполнителя (разработчика) во внедрении ОИС, российский законодатель в рамках выбранного фискального подхода предусмотрел возможность передачи прав государства на ОИС хозяйствующим субъектам, причем на возмездной основе.

Одной из основных задач проводимого в настоящее время широкомасштабного преобразования государственных НИИ и КБ в ОАО названо повышение капитализации будущих ОАО за счет инвентаризации, оценки и коммерциализации ОИС, поставленных на баланс предприятия. Нематериальные активы организации существенно увеличиваются за счет интеллектуального капитала, под которым подразумевается совокупность оформленных и учтенных в имущественно-правовом комплексе предприятия интеллектуальных прав на новые научно-технические знания и достижения в прикладных сферах.

Для НИИ и КБ такое существенное повышение их капитализации представляется, на первый взгляд, даром судьбы. Однако при более детальном анализе авторы настоящей статьи приходят к менее благодушным выводам. По их мнению, передача интеллектуальной собственности от государства во владение предприятия (в нашем случае, НИИ или КБ) приводит к появлению проблем, осложняющих хозяй-

ственную жизнь предприятия. Обратимся к рассмотрению побочных проблем этого в целом положительного

акта – переуступки государственной интеллектуальной собственности предприятию.

Побочные проблемы принятия ОИС на баланс НИИ и КБ

Во-первых, выбранный российским законодателем фискальный подход предусматривает, что государство передает, если оно принимает решение о переуступке, предприятию выявленную на этом предприятии интеллектуальную собственность на возмездной основе.

Во-вторых, величина и механизм реализации этого “возмездия” пока не очень конкретизированы.

Однако последнее обстоятельство отнюдь не означает, что “возмездие” заставит себя долго ждать. Оно начинается уже на этапе инвентаризации и оценки ОИС на предприятии. Специфика реально работавших в прошлом и, будем оптимистичны, успешно работающих на данный момент времени заключается в том, что ими создано много ОИС.

Инвентаризация и оценка стоимости большого числа ОИС приводят к большим финансовым расходам НИИ и КБ, так как практикующие российские фирмы-оценщики оценивают свой труд на уровне запросов своих зарубежных коллег, “забывая” о разности уровней финансовых возможностей российских и зарубежных НИИ и КБ. К тому же, еще далеко не факт, что государство передаст все учтенные и оцененные ОИС предприятию, а расходы, причем весьма ощутимые, предприятие уже понесет.

Тем не менее, зададимся оптимистическим предположением, что государство великодушно передало (пусть даже и на возмездной основе) все ОИС в собственность НИИ или КБ.

Как полагают многие специалисты, инвестиции в основные фонды на 85–

95% превращаются в прирост основных фондов, а в науке только 40% вложенных средств становятся используемыми НМА (нематериальными активами). Даже эти 40% представляются авторам настоящей статьи завышенной оценкой, если принять во внимание долю проектов, отправляемых “на полку”. По остроумному замечанию одного из экспертов, большая сумма НМА на балансе академического НИИ – это сродни оленьим или лосиным рогам на голове у зайца.

Однако опять отвлечемся от скепсиса и примем оптимистическую точку зрения. На это нас сподвигло широко пропагандируемое утверждение, согласно которому “основные фонды и НМА экономически близки: это капитальные активы, которые служат более одного года и списываются на себестоимость путем амортизации. Ввод новых основных фондов и НМА определяется инвестициями в основные фонды (строительство) и в науку”.

Только мы порадовались, что имеется возможность списания НМА путем амортизации, как нас окатили ушатом холодной воды. Оказывается, если предприятие не понесло (или не смогло подтвердить) расходы на создание НМА, то по действующим правилам, предприятие должно поставить такой НМА на баланс по рыночной стоимости и единовременно заплатить налог на прибыль. Для целей налогообложения такие безвозмездно полученные НМА не признаются амортизируемым имуществом.

“Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!” – воскликнули в свое время крестьяне

царской России, оказавшись в сходной ситуации. Причем, НИИ и КБ не только лишаются амортизации, они еще и должны заплатить налог на прибыль.

“Хороший” стимул для тщательно выявления ОИС прошлых лет, которое может выполнить только само предприятие, хотя оно за давностью не всегда может подтвердить соответствующие расходы. Да еще, неровен час, кого-то из ученых посетило гениальное озарение, в результате чего на балансе НИИ оказался ОИС большой рыночной стоимости, полученный практически за гроши, поскольку озарение на то оно и озарение, что не требует больших расходов.

Сплошное разорение на налоге на прибыль.

Еще одна большая проблема, которая тоже связана с владением ОИС, это обеспечение информационной безопасности⁷, то есть охрана коммерческой тайны.

Правда, некоторые российские эксперты скептически полагают, что “ноухау” или коммерческая тайна являются, на самом деле, фантомом российской цивилистики.

Такое утверждение никак не вяжется с тем значением, которое компании технически развитых стран придают борьбе с экономическим шпионажем со стороны своих конкурентов. В этих странах признают существование коммерческой тайны и не жалеют средств на ее охрану, в первую очередь, на обеспечение информационной безопасности.

Политика информационной безопасности зарубежных компаний строится с учетом двух обстоятельств:

- во-первых, информационная безопасность более чем в 80% случаев нарушается внутри собственным персоналом (недобросовестные служащие),
- во-вторых, большинство внешних нарушений информационной безопас-

ности происходит в точке выхода корпоративной сети в Интернет⁷.

Общепризнано, что активный обмен информацией с деловыми партнерами через компьютерные системы – это серьезный риск. Приходится идти на применение шифрования, туннелирования, защищенных каналов связи и технологии *VPN (Virtual Private Networks)*.

Наиболее четко охрана коммерческой тайны организована в США, где руководствуются “Оранжевой книгой (1985 г.)”, в которой определено, что “политика информационной безопасности – это набор норм, правил и практических рекомендаций, на основе которых строятся управление, защита и распределение критической информации в системе... . Основу этой политики составляет способ управления доступом субъектов информационной системы к объектам”. Под объектами понимают ресурсы, хранящие данные, а под субъектами – физические лица и программы, действующие от имени этих лиц⁷.

Большинство российских экспертов тоже понимают, что коммерческая тайна отнюдь не фантом, а “научно-техническая, технологическая, производственная, финансово-экономическая или иная информация (в том числе составляющая секреты производства: ноухау), конфиденциальность которой позволяет ее обладателю увеличить доходы, избежать неопределенных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду”.

Однако российская коммерческая тайна не может похвастаться столь стройной и достаточно эффективной системой охраны, каковая применяется в компаниях технически развитых стран.

В России, как водится, всегда две беды, причем в настоящем случае это:

– во-первых, коллизия между непрерывно совершенствующимися электронными средствами передачи информации и системами информационной безопасности;

– во-вторых, это дефицит законодательной защиты коммерческой тайны.

Касательно первого момента следует отметить, что непрерывное развитие электронной почты, компактных емких блоков памяти и прочих технических средств вкупе с совершенствующимся хакерским искусством чрезвычайно усложняет задачу технической защиты коммерческой тайны.

На этом фронте сражение между покушением на коммерческую тайну и системой ее защиты идет с переменным успехом, однако поддержание хотя бы равновесия требует существенных финансовых затрат на средства защиты.

Государство чрезвычайно скупо выделяет необходимые для этого ресурсы.

Если на защиту информации, составляющей государственную тайну, государство хоть какие-то средства еще отпускает, то затраты на охрану коммерческой тайны, как правило, не-

сет предприятие в меру своих более чем скудных возможностей, даже если оно само является собственностью государства.

Что касается законодательной защиты коммерческой тайны, то тут имеет место аналогичная ситуация с технической защитой.

Информация, составляющая государственную тайну, достаточно надежно и строго охраняется законодательством РФ, тогда как коммерческая тайна практически беззащитна в правовом отношении.

Ответственность за нарушение коммерческой тайны в законе не прописана, а уж о механизме возмещения понесенного организацией материального ущерба и говорить не приходится.

Авторы настоящей статьи рассмотрели только малую часть вопросов обращения с интеллектуальной собственностью, да они и не претендовали на исчерпывающую полноту анализа. Тем не менее, уже можно сделать некоторые выводы, которые изложены ниже. Итак...

Подводя итоги

Инвентаризация, оценка стоимости и коммерциализация интеллектуальной собственности, особенно на стадии акционирования НИИ и КБ, являющихся федеральной собственностью, безусловно, составляют один из важнейших шагов в обеспечение инновационного развития российской экономики, в необходимости и целесообразности которого никто не сомневается. Однако, как говорится, благими намерениями вымощена дорога известно куда.

Может возникнуть ситуация, о которой незабвенный российский премьер Виктор Степанович Черномырдин сказал одну из своих бессмертных

фраз: “Хотели как лучше, а получилось как всегда”.

Действительно, скорейшее введение РНТД (результатов научно-технической деятельности) в хозяйственный оборот должно было бы являться желанной совместной целью государства и руководства НИИ и КБ. Достижение этой цели сулит **немалые выгоды** как государству, так и организации.

Однако **государство спешит получить выгоду уже с момента постановки интеллектуальной собственности на баланс НИИ и КБ, не дожидаясь ее введения в хозяйственный оборот.**

Говорят, в Средней Азии шьют меховую одежду из каракуля, а изредка

из каракульчи. Каракуль, как известно, шкура овцы специальной породы, а каракульча – шкура нерожденного ягненка этой овцы. Так вот, попытки го-

сударства получить выгоду с еще нерезализованной интеллектуальной собственности сильно напоминают пример с каракульчой.

В качестве иллюстрации можно привести налог на прибыль, взимаемый с предприятия при постановке по рыночной стоимости на его баланс ОИС, расходы на получение которого не удалось документально подтвердить. Сегодня предприятия и инвесторы не имеют стимулов (экономических) введения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот, так как государство, установив на инновационную деятельность налоги на общих основаниях, практически блокирует инновационную активность организации и, тем самым, значительно снижает их инвестиционную привлекательность.

Как показывает мировой опыт, без прямой (кредиты, финансирование) и косвенной (налоговые льготы в виде “налоговых каникул” или “налогового кредита”) поддержки государства невозможно организовать эффективное вовлечение ОИС в хозяйственный оборот и обеспечить развитие инновационных процессов в экономике. Также нельзя забывать о том, что государство должно было бы обеспечить более действенную правовую охрану коммерческой тайны предприятий.

Авторы настоящей статьи понимают, что если поставлены правильные цели, то рано или поздно они будут достигнуты. Определенные надежды авторы связывают с ожиданиями о зарождении и активном развитии новой науки “**экономика интеллектуальных активов**”, которая сможет предложить руководителям действенный управленческий инструментарий интеллектуальных активов⁴.

Примечания

- ¹ *Козырев А.* Государственная политика в области оценки, учета и использования интеллектуальной собственности // Интернет-журнал “Технологический БизнесЪ”. 2000. Вып. 8 (сентябрь-декабрь).
- ² *Туренко В.* Инвентаризация результатов научно-технической деятельности при реорганизации госпредприятий // ИС. Промышленная собственность. 2007. № 1. С.13.
- ³ *Козырев А.* Проблемы инвентаризации и оценки интеллектуальной собственности в институтских РАН // ИС. Промышленная собственность. 2005. № 5. С.50.
- ⁴ *Лукичева Л., Егорычев Д., Егорычев Е.* Управление интеллектуальными активами (научно-практический аспект) // ИС. Промышленная собственность. 2004. № 6. С. 2.
- ⁵ *Наумов А., Федорков В.* Государственная политика по вовлечению в хозяйственный оборот РНТД, полученных за счет средств госбюджета // ИС. Промышленная собственность. 2004. № 5. С. 2.
- ⁶ *Леонтьев Б.* Оценка интеллектуальной собственности: переход в новое качество // ИС. Промышленная собственность. 2004. № 3. С. 43.
- ⁷ *Теренин А.* Охрана интеллектуальной собственности предприятия: политика безопасности // ИС. Промышленная собственность. 2007. № 10. С. 70.

Становление кредитно-банковской системы в дореформенной Российской империи

Елена Илларионова,
кандидат исторических наук

Редакция начинает печатать серию статей, посвященных рассмотрению основных периодов истории, специфических особенностей и закономерностей становления банковского дела, которые дадут представление об истории становления банковского предпринимательства в нашей стране.

Положение запоздавшей и догоняющей страны позволило России при модернизации использовать опыт более развитых стран, приспособив его к своим условиям. В результате аналогичные с Западом процессы протекали в России в своеобразной форме, часто в иной последовательности, подчас с постановкой и реализацией разных задач. В полной мере это относится к становлению и развитию кредитно-банковской системы в Российской империи, особенно в дореформенные годы.

В Западной Европе, которая уже в эпоху Средневековья знала такие понятия, как банк, вексель, биржа, кредит, страхование имущества, в XVIII–XIX вв. шел процесс формирования разветвленной банковской системы на капиталистических началах. Здесь появлялись кредитно-банковские учреждения в форме индивидуальных банкирских домов, а затем акционерных банков, которые создавались усилиями самих предпринимателей, использовавших для этих целей частные капиталы. Банки в Западной Европе находились в частных руках; банковские ресурсы в основном направлялись на кредитование торговли и промышленности.

В России же в XVIII в. и вплоть до эпохи “великих реформ” в силу малочисленности и “бедности капиталами” российских предпринимателей, их низкого социально-правового статуса, жесткого контроля со стороны государства, препятствующих возникновению частных банков, кредитно-банковская система изначально складывалась за счет создания государственных банков и полностью находилась в

руках царского правительства. В этих условиях казенные банки не являлись рыночными учреждениями и часто препятствовали формированию капиталистических отношений. Банковская система оказывала кредитную поддержку не столько отечественным коммерсантам, интересы которых совпадали с интересами государства, сколько обслуживала финансовые нужды помещиков и самого государства.

Как же шел процесс становления кредитно-банковской системы в Российской империи XVIII – первой половины XIX веков?

Первый проект создания банка был предложен крупным государственным деятелем XVII в. А.Л.Ордин-Нащокиным, который в условиях активного развития отечественной торговли и поворота правительства к политике меркантилизма видел необходимость оказания кредитной помощи русским купцам-экспортерам для освобождения их от необходимости получения ссуд от иностранных купцов. Однако этот проект не был реализован.

В период правления Петра I, последовательно осуществлявшего политику меркантилизма и протекционизма, официальных кредитных учреждений в стране тоже не возникло, хотя государство в значительных размерах ссужало деньгами промышленников и купцов. Частные предприниматели, вкладывавшие средства в устройство мануфактур, разработку недр, всячески поддерживались казной: получали беспроцентные ссуды, пошленные и податные льготы.

Продолжавшийся в “послепетровский” период рост торгового предпринимательства остро ставил вопрос о государственном кредитовании торговли, поскольку кредит был монополизирован ростовщиками, а купеческий кредит немногим отличался от ростовщического. Создание кредитных учреждений должно было уменьшить финансовую зависимость купечества от ростовщиков, стимулировать накопление денежных средств в стране, ускорить “перетекание капитала торгового в капитал промышленный”.

Однако не только и не столько стремление оказать кредитную поддер-

жку купечеству побуждало государство к созданию кредитных учреждений. Ростовщический капитал проникал во все сферы хозяйственной жизни страны. Уровень ссудного процента у ростовщиков был чрезвычайно высоким, что, по словам А.Н.Яснопольского, являлось следствием неразвитости кредитного оборота, бедности капиталами и высоты риска¹. Необходимость борьбы с ростовщичеством, стремление перераспределить государственные средства, а позднее использовать накопления зажиточной части населения для кредитования “благородного сословия” и самого государства были одним из главных побудительных мотивов создания кредитно-банковских учреждений.

В начале 30-х годов XVIII в. при императрице Анне Иоанновне к осуществлению кредитных операций приступила Монетная контора, начавшая выдавать ссуды из 8% годовых “всем без различия состояния людям” под залог золота и серебра сроком на один год с правом отсрочки выплаты до трех лет.

Краткосрочность ссуды, возможность использования в качестве залога только драгоценных металлов обусловили крайнюю незначительность объема кредитных операций Монетной конторы. Кредитом мог пользоваться только весьма узкий круг лиц, часто из числа придворного окружения императрицы. В этих условиях существенного влияния на развитие торгового промышленного предпринимательства кредитная деятельность Монетной конторы оказать не могла и ее ссудные опе-

рации через несколько лет были прекращены.

Следующим шагом в организации кредита стало создание в 1754 г. государственных сословных заемных банков – Дворянского и Купеческого.

Дворянский заемный банк с капиталом в 750 тыс. руб. (его конторы действовали в Петербурге и Москве) был создан для поддержания благосостояния благородного сословия. Он выдавал ссуды дворянам в размере от 500 руб. до 10 тыс. руб. из 6% годовых под залог драгоценных металлов и недвижимости: имений, сел и деревень, населенных крепостными крестьянами. Ссуды выдавались на срок от одного года до трех лет.

Одновременно созданный *Купеческий банк* (“Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции”) с капиталом в 500 тыс. руб. занимался кредитованием частных торговых операций. Это был первый банк страны, осуществляющий коммерческий кредит. Он выдавал ссуды русским купцам, торговавшим при Петербургском порте, сроком на 6 мес. (в дальнейшем срок был продлен до года) из 6% годовых под залог товаров, позднее под поручительство органов городского самоуправления и впоследствии под векселя.

Заемные Дворянский и Купеческий банки в дальнейшем прекратили свою деятельность из-за серьезных “неплатежей” процентов по ссудам, “невозвратов” ссуд, мошенничеств с залогами, чему в немалой степени способствовало попустительство властей, отсутствие должной системы контроля и отчетности в банках.

В период правления Елизаветы Петровны предпринимались и другие попытки организации кредитных учреждений. Для облегчения обращения медных денег в 1757 г. правительство приступило к налаживанию вексельно –

переводных операций между Петербургом и 50 крупнейшими городами России².

Вместо перевозки тяжеловесной, громоздкой медной монеты началось использование переводных векселей.

Начинание оказалось достаточно удачным, и уже в следующем году в Петербурге и Москве были учреждены “*Банковские конторы вексельного производства для обращения медных денег*”, которые получили название “*Медного банка*”. Медные деньги заменялись векселями. Банк принимал вклады, выдавал ссуды под переводные векселя из 6% годовых, занимался учетом векселей. В результате принимаемых мер в российском банковском деле возник зародыш операций трансферта и текущих счетов³.

В соответствии с проектом банк должен был обеспечить приток в казну серебра (серебряные деньги тогда являлись средством международных расчетов). Выдавая ссуды медной монетой, интенсивно выпускавшейся в период правления Елизаветы Петровны, банк требовал возвращения 75% ссуды серебряной монетой.

По той же схеме и с решением тех же задач одно время действовал основанный в 1760 г. “*Банк артиллерийского и инженерного корпусов*” (*Артиллерийский банк*).

Однако ни один из этих банков не сумел выполнить поставленных перед ним задач по улучшению денежного обращения и насыщению казны серебром. Переводные операции использовались в основном для осуществления казенных платежей, потребности внутренней торговли как и прежде обслуживались наличными деньгами. Выдача же ссуд откровенно носила характер прямого расхищения государственных средств. В 1763 г. оба банка прекратили свое существование.

Новые кредитные учреждения появились в России при Екатерине II, в период правления которой предпринимались серьезные шаги, направленные на улучшение денежного обращения, на покрытие громадных издержек казны, на улучшение финансового положения дворян.

В 1769 г. в обращение были введены бумажные денежные знаки, получившие название ассигнаций, которым была присвоена ценность равная ценности звонкой монеты. Выпуск ассигнаций объяснялся необходимостью улучшения денежного обращения в виду крайнего неудобства медных денег, ставших к тому времени главным платежным средством страны. В действительности же их выпуск был вызван стремлением государства получить средства для финансирования военных нужд и покрытия бюджетного дефицита.

Для распространения бумажных денежных знаков в Москве и Петербурге были учреждены *Ассигнационные банки* с разменным фондом по 500000 руб. медной монетой каждый. Эти фонды полностью обеспечили первый выпуск ассигнаций на 1 млн. руб.

Ассигнационные банки выполняли не только эмиссионную, но и другие банковские функции. В частности, они получили право приема вкладов с уплатой по ним 5% годовых.

В 1786 г. Ассигнационные банки были преобразованы в единый *Государственный ассигнационный банк*, получивший право выпуска ассигнаций, который он мог довести до 100 млн. руб. Ассигнационный банк с самого начала превратился в инструмент финансирования правительства за счет выпуска не обеспеченных металлическим покрытием бумажных денег. Иными словами, при помощи этого банка императрица получила возможность делать крупные внутренние займы.

Помимо эмиссии бумажных денег и приема вкладов новый Ассигнационный банк мог осуществлять и другие операции: учитывать векселя из 0,5% в месяц, заниматься куплей-продажей меди (в том числе продавать ее за границу), а также покупкой золота и серебра, чеканить на Монетном дворе в Петербурге золотую и серебряную монету⁴. И все же главным в его деятельности было обеспечение государства внутренним кредитом.

Постоянный рост государственных расходов побуждал правительство прибегать к наращиванию выпуска ассигнаций, что вело к значительному превышению обещанного предела в 100 млн. руб.

За время царствования Екатерины II ассигнаций было выпущено на 157703640 руб.⁵. Безудержный выпуск ассигнаций, многократное превышение допустимого соотношения монетного фонда и циркулирующих ассигнаций привели к концу царствования Екатерины II к резкому падению их курса, расстройству денежного обращения, инфляции, грозивших в будущем государственным банкротством.

В 1786 г. на основе реорганизованного Дворянского банка был создан *Государственный заемный банк*, главную задачу которого правительство видело в расширении кредита для дворянства.

Для решения этой задачи в распоряжение банка государством было выдано 33 млн. руб. из Ассигнационного банка. 22 млн. руб. предполагалось использовать в качестве ссуд для дворянства, а оставшиеся 11 млн. на ссуды для городов³.

Государственный заемный банк принимал вклады и выдавал долгосрочные ссуды под залог недвижимости: помещичьих имений, земли, крепостных крестьян, фабричных строений и горнозаводских предприятий с припи-

санными к ним крестьянами, каменных домов. Ссуды под залог имений выдавались дворянам из 8% годовых с необходимостью погашения в течение 20 лет; ссуды для городов под залог каменных домов, фабричных и заводских строений, которые часто принадлежали дворянам, – из 7% с погашением в течение 22 лет.

Однако значительная часть привлеченных средств использовалась банком не только для ипотечного кредита частным лицам. На протяжении своей более чем полувековой истории по “высочайшему повелению” банк предоставлял ссуды различным правительственным учреждениям.

Из-за постоянного бюджетного дефицита Государственный заемный банк так и не смог начать кредитования торгово-промышленной деятельности, предполагавшейся при его учреждении. Несмотря на появление новых кредитных учреждений, коммерческий кредит в стране должного распространения не получил.

Складывающаяся кредитно-банковская система в основном обслуживала интересы государства и обеспечивала укрепление экономического положения дворянства. С прекращением деятельности в 1770 г. Купеческого банка в России не было ни одного крупного государственного органа, кредитовавшего торговлю.

Финансово-экономическое положение страны не могло серьезно измениться за короткий период правления Павла I. Тем не менее, обеспокоенный огромной внешней и внутренней задолженностью новый император попытался несколько улучшить ситуацию. Началось погашение ассигнационного

долга путем изъятия и уничтожения части выпущенных на рынок ассигнаций; были предприняты шаги по развитию коммерческого кредита для развития ремесла и торговли российских купцов, заводчиков и фабрикантов.

В 1797 г. при Ассигнационном банке были открыты Учетные (эсконтные) и Страховая конторы. Первые занимались кредитованием купцов и заводчиков под векселя и товары. В задачи второй входило обеспечение приема товаров, отдаваемых под залог (страхование товаров)*.

Кредитование купцов и заводчиков, учет купеческих векселей свидетельствовали о новом шаге в развитии коммерческого кредита. Однако в силу крайне слабого развития вексельного оборота, отсутствия должной связи ассигнаций с торговым оборотом эти меры серьезного влияния на развитие торговли не имели.

Кредитная поддержка российских предпринимателей не означала забвения интересов дворянства.

В 1797 г. для оказания помощи благородному сословию в выплате долгов частным лицам был создан “*Вспомогательный банк для дворянства*”, который выдавал им ссуды на 25 лет особыми билетами достоинством в 500 руб., обязательными к приему частными лицами наравне с ассигнациями. Впоследствии этот банк был присоединен к Заемному банку.

Попытки Павла I по некоторому упорядочению финансов были противоречивыми и недолгими. Присоединение ко второй по счету антифранцузской коалиции, война с буржуазной Францией требовали новых расходов. И Павлу I пришлось вновь прибегнуть к выпуску ассигнаций, так как иных

* В 1806 г. учетные конторы были созданы в ряде городов России.

средств для ведения войны не существовало. К концу его царствования сумма выпущенных ассигнаций достигла 212 млн. руб., что привело к дальнейшему резкому падению курса бумажного рубля.

В течение первого десятилетия XIX в. расстройство российских финансов продолжало нарастать и к 1810 г. достигло крайней степени. Вызвано это было и войнами с наполеоновской армией 1805–1807 гг. в составе третьей и четвертой антифранцузских коалиций; и нелегкой двухлетней войной со Швецией 1808–1809 гг.; и русско-турецкой 1806–1812 гг. и русско-иранской 1804–1813 гг. войнами. Сказались также последствия континентальной блокады – сужение рынка и сокращение торгового оборота, изменение в неблагоприятную сторону торгового баланса страны, отток звонкой монеты за границу.

Постоянно растущий в этих условиях дефицит государственного бюджета покрывался за счет новых выпусков ассигнаций, курс которых катастрофически падал.

В 1806 г. бумажный рубль равнялся 78 коп., в 1807 г. – 66 коп., в 1808 г. – 48 коп., в 1809 г. – он уже в среднем за год не превышал 40 коп., а к концу года спустился до 35 коп.⁶

Однако подготовленный по поручению Александра I известным государственным деятелем М.М.Сперанским план оздоровления финансовой системы страны, в соответствии с которым предполагалось прекращение выпуска ассигнаций, их изъятие из обращения и постепенное погашение в виду объявления государственным долгом, реализован не был. Ожидавшаяся война с Наполеоном, ее начало в 1812 г. вызвали новый выпуск ассигнаций.

В 1812 г. было выпущено 68,9 млн., в 1813 г. – 100,9 млн., в 1814 г. –

54,7 млн., в 1815 г. – 30,2 млн.; цена ассигнационного рубля упала в 1813–1814 гг. до 20 коп.⁷.

Только в 1817 г. правительство приступило к реформированию финансовой системы. Прежде всего был прекращен дальнейший выпуск ассигнаций и начался выкуп государством находящихся в обращении ассигнаций, для чего использовались средства от внутренних займов.

Кардинальным образом изменить ситуацию эти меры не могли, поскольку количество оставшихся в обращении ассигнаций более чем в 20 раз превышало количество погашенных.

Решительные шаги по нормализации денежного обращения были предприняты министром финансов Е.Ф.Канкриным, назначенным на эту должность в 1823 г. в момент крайнего расстройства финансов. Проведение им достаточно жесткой налоговой и таможенной политики способствовало накоплению необходимого капитала для девальвации и последующего выкупа ассигнаций.

В 1839–1843 гг. была проведена денежная реформа, в соответствии с которой основной единицей денежного обращения стал серебряный рубль (*введение серебряного монументализма*); что касается ассигнаций, то они, хотя и сохранили значение ходячей монеты, но курс их был определен в три с половиной раза ниже ценности серебряного рубля. Было также принято решение о выкупе правительством всех ассигнаций по вновь определенному курсу и замене их новыми бумажными деньгами – кредитными билетами, контроль за выпуском которых должен был поддерживать стоимость рубля на определенном уровне и обеспечивать финансовую стабильность. С выкупом ассигнаций и выпуском кредитных билетов деятельность Ассигнационного банка прекратилась.

Однако разрешение финансовых проблем носило временный характер. Начавшаяся в 1853 г. Крымская война вызвала ускорение темпов эмиссии бумажных денег, что повлекло за собой новый финансовый кризис.

В 1857 г. правительство вынуждено было отменить размен кредитного рубля на звонкую монету, поскольку увеличение выпуска кредитных денег сопровождалось понижением металлического запаса и нарушением соотношения, позволяющего осуществлять бесперебойный размен.

Одновременно с началом реформирования в 1817 г. финансовой системы значительным изменениям подверглись кредитно-банковские учреждения. Развитие предпринимательства тормозилось отсутствием эффективной системы коммерческого кредита, поэтому для оздоровления кредитных учреждений, оживления торгово-промышленных оборотов, оказания помощи развитию мелкого кредита Манифестом 7 мая 1817 г. подчеркивалась необходимость учреждения вместо учетных контор, не оказавших существенного влияния на развитие торговли, *Государственного Коммерческого банка*, который начал функционировать в январе 1818 г.

В последующие годы были открыты его конторы в крупных торговых центрах страны.

За период с 1818 по 1821 гг. в качестве постоянно действующих они появились в Москве, Архангельске, Одессе, Риге, Астрахани; временное отделение – в Нижнем Новгороде. Затем после длительного перерыва, связанного со сменой министра финансов и резко негативным отношением Е.Ф.Канкрин к развитию государственного торгово-промышленного кредита, с 1838 г. началось открытие новых контор. За 14 лет постоянно действующие конторы появились в Киеве, Харькове, Екатеринбур-

ге, и временные – в Рыбинске, Ирбите и Полтаве.

Коммерческий банк и его конторы:

- принимали вклады на хранение (с уплатой 5% по вкладам на срок более месяца);

- осуществляли перевод денег (трансфертные операции);

- выдавали ссуды под залог товаров, представляющих собой основу российского экспорта (подтоварные ссуды);

- занимались учетом векселей.

Однако вексельные и ссудные операции не заняли должного места в деятельности Коммерческого банка. Развитию активных операций банка препятствовали ограничения размеров ссуд, предоставляемых гильдейскому купечеству (мещане и торгующие крестьяне ссуд вообще не получали); крайнее стеснение учета иностранных векселей; ограничения в перечне товаров, под которые выдавались ссуды; высокий уровень ссудного процента, отталкивающий клиентов от банка.

Не сумев использовать банковские депозиты на развитие торговли и промышленности, Коммерческий банк уже с 1825 г. практиковал передачу части вкладов в Заемный банк, который часть этих денег использовал для долгосрочных ссуд дворянству, а часть обращал на внутренний государственный заем. И все же, несмотря на узость деятельности Коммерческого банка, ограничения при выдаче ссуд, постоянные посягательства казны на деньги банка, он внес свой вклад в развитие государственного коммерческого кредита и его удешевление, хотя по сравнению со странами Западной Европы кредит в России был значительно дороже.

Рост общего количества бумажных денег в стране в период Крымской войны сопровождался ростом вкладов в Коммерческий банк и другие государственные кредитные учреждения. Однако неспособность государственных

банков выгодно разместить банковские депозиты, обеспечить должное соответствие между пассивными и активными операциями ставила их в весьма затруднительное положение: выплата процентов по растущим частным вкладам становилась все более обременительной, возможность выполнения обязательств перед клиентами уменьшалась, степень “надежности” банков падала.

В 1857 г. правительство приняло решение об уменьшении процента по банковским вкладам с 5 до 4, а затем до 3%.

Предполагалось, что такое решение будет способствовать удешевлению кредита и повышению спроса на свободные капиталы кредитных учреждений.

Вместо этого оно вызвало отток денег из государственных кредитных учреждений, что поставило их в критическое положение: бегство капиталов могло повлечь за собой их крах. Вчерашние вкладчики кредитных учреждений, забирая вклады, стремились как можно выгоднее разместить свои капиталы, приобретая акции уже существующих акционерных компаний (в том числе и учрежденного в 1857 г. “Главного общества российских железных дорог”), инициируя процесс учреждения новых компаний.

Своеобразный бум акционерного учредительства вписывался в рамки общего подъема народного хозяйства (и торгово-промышленного предпринимательства в том числе), начавшегося во время Крымской войны и продолжавшегося в течение двух лет после ее окончания.

В значительной степени этот подъем был вызван оживлением во всех областях жизни, связанным с переменой царствования (в 1855 г. на престол вступил Александр II) и наметившимися либеральными перспективами.

Тем не менее, несмотря на раскрепощение деловой инициативы и развитие рыночных отношений, серьезные сдвиги в развитии народного хозяйства, экономическое положение страны к концу 50-х годов XIX в. отнюдь нельзя назвать блестящим.

Экономический подъем сменился в 1858 г. спадом. Дефицит государственного бюджета возрастал, усиливалась инфляция, развитие торговли и промышленности сдерживалось отсутствием надежного кредита. Многие предприятия, возникшие в период экономического подъема, разорялись.

Правительство понимало необходимость серьезных преобразований в экономической жизни страны, а также то, что они невозможны без коренных изменений кредитной системы, которая явно устарела и уже не соответствовала меняющимся экономическим условиям.

В 1860 г. старые государственные кредитные учреждения (Государственный коммерческий банк и Государственный заемный банк) были ликвидированы и вместо них был учрежден *Государственный банк*, который стал инструментом демонтажа всей старой кредитно-банковской системы, состоявшей не только из государственных банков, но и из других государственных и негосударственных кредитных учреждений.

В систему складывающихся в дореформенный период кредитных учреждений помимо банков вписываются:

- сохранные и ссудные казны, созданные в 1772 г. при воспитательных домах Петербурга и Москвы;
- появившиеся в губернских городах в ходе административной реформы 1775 г. приказы общественного призрения;
- сберегательные кассы для всех групп населения, создаваемые при благотворительных учреждениях обеих столиц и провинциальных городов реше-

нием правительства 30 октября 1841 г. и с самого начала носившие несловесный, демократический характер⁸;
– городские общественные банки;

– придворные банкиры и банкирские дома, ставшие, по справедливому замечанию Б.В.Ананьича, носителями европейского предпринимательства⁹.

К концу 50-х годов XIX в. почти все звенья кредитной системы, как и составляющие ее ядро государственные банки, устарели, не удовлетворяли потребностей развития капиталистической промышленности и торговли и нуждались в коренной реорганизации.

Начавшееся разрушение старой кредитной системы сопровождалось формированием капиталистической банковской системы, но с сильной “государственной составляющей”, поскольку одной из особенностей буржуазной модернизации России был ее “верхушечный” характер и основной силой, обеспечивающий развитие общества по капиталистическому пути, было государство.

Естественно, что в этих условиях государство стремилось сохранить контроль за экономической жизнью страны, обеспечить за собой доминирующую роль в кредитно-банковском деле. Ведущая роль государства в пореформенной экономической жизни страны позволяла широко использовать опыт, накопленный государственными кредитными учреждениями в дореформенный период. Изучение этого опыта продолжает оставаться актуальным и сегодня, поскольку определяющая роль государства в экономической жизни страны характерна и для современной России.

Примечания

¹ Банковская энциклопедия / Под общ. ред. проф. Яснопольского А.Н. Киев, 1914. С. 270.

² *Никитина С.К.* История российского предпринимательства. М., 2001. С. 140.

³ *Идельсон В.Р.* Кредит, банки и биржа. СПб., 1912. С. 183, 184.

⁴ *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 264.

⁵ *Мигулин П.П.* Наша банковская политика (1729–1903). Харьков, 1904. С. 14.

⁶ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 81, 87.

⁷ *Юровский В.Е.* Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX в. // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 36.

⁸ *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 159.

⁹ *Ананьич Б.В.* Капитализм с человеческим лицом // Родина. 2005. № 5. С. 62.

Армянская диаспора России

Вреж Кардумян

Одним из специфических факторов в процессе становления и развития независимой Республики Армения (РА), по сравнению с другими новообразованными государствами на постсоветском пространстве, является армянская диаспора. Отчужденная на протяжении прошлых семи десятилетий от Советской Армении, уникальная армянская диаспора, численность которой многократно превышает число жителей самой страны, с большой готовностью включилась в процесс разрешения множества проблем, вставших перед независимой Арменией¹.

После волны эмиграции 90-х годов население Армении составляет немногим более 3 млн. чел., тогда как число проживающих за пределами республики армян доходит до 7 млн.².

Учитывая тесные взаимоотношения между Арменией и Россией и их стратегическое партнерство, особый интерес для обеих стран представляет армянская диаспора России, которая по числу самая большая армянская диаспора в мире, насчитывающая около 2,5 млн. чел., и ее влияние на армяно-российские отношения.

Образование армянской диаспоры России после распада СССР

Распад СССР вызвал новую большую волну эмиграции армян в Россию. Причинами исхода из республики стали разрушительное Спитакское землетрясение (1988 г.), транспортная блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции, неблагоприятные социальные условия, массовая безработица. Основная часть армянских эмигрантов нашла пристанище в Краснодаре, Ставрополе, Ростове, Москве, в промышленных центрах Урала и Сибири³. Огромное число армян эмигрировали в Россию из Абхазии и Азербайджана, спасаясь от войны и этнических чисток.

В этот период из Армении в Россию эмигрировало около 700 тыс. армян, меньшая часть – в Европу и США⁴.

В 1989 г. общее число армян в России составляло 532 тыс., а в 1994 г. – уже 1,8 млн.⁵.

Так постепенно происходило формирование новой армянской диаспоры России, которая насчитывала в 2003 г. около 2,2 млн. чел.

Следует отметить, что нынешняя армянская диаспора России – понятие новое, потому что еще 16 лет назад армяне и россияне жили в одной стране, и армяне в любом уголке СССР не воспринимались как инонациональная диаспора. Тогда для армян понятие диаспора (*Спюрк*) ассоциировалось с США, Францией, Аргентиной и другими зарубежными странами.

Как заявил президент Армении Роберт Кочарян, в России у армянской диаспоры

некоторых компонентов нет, она находится в стадии формирования, в стадии структурирования диаспоры в том понимании, как это представляем ее в других странах⁶.

Таким образом, с распадом СССР на постсоветском пространстве образовалась армянская диаспора, качественно отличающаяся от прежней. По ряду объективных причин она не имела опыта и традиций в организации общественной жизни и формировании национальных общественных институтов. Поэтому, в отличие от армян, обосновавшихся в разных российских городах во времена СССР, которые были адаптированы как в этнокультурном, так и в правовом смысле, эта качественно новая диаспора, причиной образования которой в основном являлся экономический фактор, была крайне разрозненна.

Основными причинами медленного становления армянской диаспоры России нам видятся следующие: армянская диаспора России достаточно неоднородна.

Одной из ее особенностей является то, что не всех армян можно отнести к диаспоре, так как немалая их часть в этнокультурном смысле идентифицирует себя с Россией и русским народом. Большая часть армян, обосновавшихся в России в “доперестроечный” период адаптирована в правовом и социально-экономическом плане. Они с некоторой опаской относятся к тем армянам, которые переехали в Россию в 90-е годы и которые испытывают затруднения в трудоустройстве и другие социально-экономические проблемы⁷.

Одной из главных причин, препятствующих становлению сильной, сплоченной армянской диаспоры – это то, что несмотря на высокий экономический потенциал армян России, финансирование армянских диаспоральных объединений осуществляется ими редко, что качественно отличается от ме-

ханизмов финансирования армянской диаспоры США и Франции⁷.

Таким образом, можно констатировать, что после распада СССР основа консолидации армян в России все более приобретает корпоративный характер, а деятельность армянской диаспоры направлена в основном на лоббирование собственных экономических интересов, прежде всего самосохранения и укрепления своего статуса.

В отличие от армянской диаспоры России, армянская диаспора в зарубежных государствах, прежде всего в США, накопила солидный опыт по лоббированию политических и экономических интересов Республики Армения. Создан ряд активно действующих организаций, в том числе международного уровня, оказывающих финансовую и гуманитарную помощь Армении.

Среди таковых Всеармянский благотворительный союз (США), который только за 1988–1998 гг. передал РА более 30 млн. долл. гуманитарной и медицинской помощи.

21 млн. долл. был предоставлен армянскими общинами мира для осуществления поставок в Армению топлива в годы энергетического кризиса⁷.

После распада СССР армянское лобби США смогло добиться для Армении самой большой по размерам гуманитарной помощи среди стран СНГ по правительственной линии: на конец 90-х – начало 2000-х годов объем американской гуманитарной помощи, оказываемой Армении, составлял 293 млн. долл.⁸.

Благотворительную помощь РА оказывает Армянская Ассамблея Америки. Что же касается инвестиций и финансовой помощи Армении, то здесь бесспорным лидером является американский магнат армянского происхождения Кирк Кркорян и возглавляемый им фонд “Линси”⁹.

Таким образом, армянская диаспора США за время своего существования создала реальную систему опреде-

ленных институтов, необходимых как для лоббирования политических и экономических интересов Армении, так и для влияния на ее внешнеполитическую линию. Своими инвестициями, лоббингом, экономической помощью армянская диаспора США стимулирует Армению на установление более тесных отношений с США.

Определенные шаги по консолидации армян России были предприняты на пороге XXI в.

В июне 2000 г. в Москве состоялся учредительный съезд представителей армянских общин Российской Федерации, который принял решение о создании общероссийской общественной организации Союз армян России (САР) и избрал своим первым президентом Ара Аршавиновича Абрамяна¹⁰. С созданием САР наступила новая эпоха в жизни российской армянской общины, в процессе укрепления традиционных межгосударственных российско-армянских отношений, в установлении связей армянской диаспоры с исторической родиной¹¹.

Создание САР стало важным шагом на пути консолидации российских армян.

По словам министра иностранных дел Армении Вардана Осканяна, благодаря Союзу армян России, сегодня у армян за ру-

бежом, в самой многочисленной и рассеянной в географическом смысле общине, есть орган, который представляет собой качественно новое явление в диаспоре своим организационным и структурным характером, орган, который доказал свою жизнеспособность и результативность¹². Деятельность этой организации нацелена на обеспечение процесса самоорганизации российских армян для сохранения национальной самобытности, культуры, языка, веры, оказание многоплановой помощи исторической родине, восстановлению экономики страны, содействию упрочнению российско-армянских межгосударственных отношений.

Немаловажную роль в армянской диаспоре России играет также Ассоциация российско-армянского делового сотрудничества (АРАДЕС), основной задачей которой является углубление связей между деловыми кругами Армении и России, а также создание наиболее благоприятной атмосферы для развития экономических взаимоотношений между двумя странами.

По словам первого вице-президента АРАДЕС Оганеса Оганяна, "вся система взглядов и подходов АРАДЕС выстроена таким образом, что по существу гарантирует поступательное развитие и расширение делового взаимодействия между двумя странами, различными предпринимательскими структурами России и Армении"¹³.

Диаспоральная политика Республики Армения

Рассматривая влияние армянской диаспоры России на политическую жизнь Армении, необходимо отметить, что здесь важна позиция самой Армении.

Так, после провозглашения независимости Армении отношения между страной и диаспорой сложились сложные.

Власти страны стремились получить от диаспоры финансовую помощь, но до решения серьезных вопросов не допускали.

Вопрос о двойном гражданстве армянские власти решить не спешили, мотивируя это тем, что при наличии двойного гражданства диаспора сможет играть более весомую роль во внутривнутриполитической жизни страны и получит реальную возможность формировать внутривнутриполитический и внешнеполитический климат в Армении.

Тем не менее 26 февраля 2007 г. Национальное Собрание Армении одобрило во втором и окончательном чте-

нии закон, дающий право на гражданство всем армянам, в надежде на то, что это укрепит связи с обширной диаспорой за рубежом.

Согласно закону, армянское гражданство смогут получить лица старше 18 лет, владеющие национальным языком, знающие конституцию страны. Армяне с двойным гражданством смогут голосовать на выборах и избираться в местные органы власти.

Закон предусматривает некоторые ограничения политических прав для лиц, имеющих двойное гражданство: они не могут баллотироваться в президенты, избираться депутатами парламента, быть членами Конституционного суда и т.д.¹⁴.

На первый взгляд, может казаться, что этот закон создает правовую базу для влияния диаспоры на политическую жизнь Армении.

Однако в законопроекте говорится о том, что лица с двойным гражданством могут участвовать в избирательном процессе только на территории Армении. Это означает, что для участия в выборах, например, представители армянской диаспоры России, имеющие двойное гражданство, должны приехать в Армению на выборы, потратив 400–500 долл. на билет, что маловероятно.

Таким образом, армянские власти, выступая за введение института двойного гражданства, стараются ограничить право лиц с двойным гражданством влиять на политическую жизнь страны.

Законопроект о двойном гражданстве вообще достаточно противоречив: так, институт двойного гражданства позволяет лицам, проживающим за пределами Армении, являться членами армянских партий, финансировать партию, хотя в законе о партиях закреплено, что граждане других госу-

дарств не могут быть членами армянских партий¹⁵.

Сегодня отдельные статьи этого законопроекта находятся пока на стадии доработки.

Впереди еще разработка механизмов реализации этого закона, после чего должны быть заключены двусторонние соглашения с теми странами, где проживают лица, желающие получить двойное гражданство.

Тем не менее, несмотря на определенные трудности при реализации этого закона, он сможет стать хорошей основой для более тесного партнерства между Арменией и Россией, привести к увеличению объемов инвестиций в экономику Армении, так как принятие этого закона позволит, например, российским гражданам армянского происхождения инвестировать свои финансовые ресурсы в экономику Армении и развивать армяно-российские торгово-экономические взаимоотношения.

Отмечая проблемы, препятствующие консолидации армян России, а также недочеты диаспоральной политики Армении, следует признать, что нынешнее руководство Армении предпринимает определенные шаги для консолидации Армении и Спюрка.

Так, в 1999 г. в Ереване был созван первый представительный форум Армения – Диаспора.

Второй форум состоялся в 2001 г., когда праздновалось 1700-летие принятия христианства в Армении, а третий – 2006 г.

В октябре 2000 г. в Ереване прошел первый Всеармянский съезд женщин.

Таким образом, и со стороны диаспоры, и со стороны Армении предпринимаются серьезные шаги к объединению усилий с целью разрешить первоочередные задачи, стоящие перед армянским народом.

Для достижения этой цели и преодоления вышеперечисленных проблем

перед международными армянскими организациями и властями страны применительно к России стоят следующие задачи:

- преодоление раскола между различными слоями российского армянства;

- создание механизмов финансово-экономической поддержки общественных организаций;

- актуализация лоббистского потенциала, как это проявляется в армянской общине США.

Самое большое достижение армян России за последние годы в сфере лоббирования, это то, что армянская диаспора России все-таки добилась признания российскими властями геноцида армян.

Необходимо создать соответствующую законодательную базу для нормальной работы армянам диаспоры в Армении наравне с гражданами страны. Это позволит привлечь финансовый капитал армян диаспоры в экономику страны и развивать взаимоотношения Армении со странами, гражданами которых являются инвестры.

В последние годы власти Республики Армения начали поощрять иностранные инвестиции в страну.

Но одно дело поощрять, другое – создавать реальные и приемлемые условия для этих инвестиций. Власти Армении должны создать такую стабильную систему для инвестиций, которая способствовала бы снижению рисков в этой сфере.

Учитывая накопленный опыт в мире, необходимо максимально либерализовать законодательство страны для привлечения иностранных, в том числе российских, капиталов и финансовых ресурсов.

Важную роль в становлении армянской диаспоры России а также укреплении армяно-российских отношений могут сыграть САР и АРАДЭС.

Основной линией деятельности этих организаций должно стать активное организационное, финансовое и управленческое содействие любому конструктивному и общеплезному бизнесу, юридическая и консультационная поддержка этого бизнеса в России.

Сегодня с уверенностью можно заявить, что тот маленький опыт, который приобрел САР, можно рассматривать как минимодель отношений между Арменией и диаспорой. Учитывая это, сегодня САР должна расширить свои связи с другими армянскими диаспоральными объединениями мира и перенять тот солидный опыт консолидации и лоббирования армянских интересов, который накопили другие армянские общины мира, имеющие многолетнюю историю.

Как заявил президент Армении Роберт Кочарян, "Объединение армян России вокруг созданного союза будет и впредь способствовать дальнейшему сохранению и укреплению многовековых, святых и прочных связей между Россией и Арменией"¹⁶.

Реализовав все вышеупомянутые задачи, которые стоят перед руководством Армении и армянскими общинами России, армянская диаспора России станет самой дееспособной, сильной, обладающей солидным финансовым и политическим потенциалом и сможет наравне конкурировать с армянской диаспорой США, также и активно влиять на армяно-российские отношения.

Как заявил бывший премьер-министр России Михаил Фрадков, "Использовать армянскую диаспору России – 2,5 млн. чел. – это колоссальный потенциал. Энергичные, умные, талантливые, с предпринимательской жилкой люди. И россияне здесь смогли бы поучиться многому. Надо активизировать эту работу"¹⁷.

Нужно отметить, что сегодня с помощью САР и Всемирного Армянского

Конгресса, учредительный съезд которого состоялся в 2003 г. в Москве, в России сложился положительный образ армян и Армении, и позволил наладить эффективное сотрудничество с российскими регионами, способствовать активизации экономических связей между

Арменией и субъектами Российской Федерации.

Эти активные шаги постепенно приводят к полноценному формированию и консолидации армян России и становлению составной частью мировой армянской диаспоры.

Итак, можно прийти к следующему выводу: после распада СССР на территории России появилась качественно новая армянская диаспора, влияние которой как на внешнюю политику Армении, так и на армяно-российские отношения было до сих пор невелико.

Причиной тому были следующие обстоятельства:

- крайняя разобщенность и неоднородность армянской диаспоры России;
- отсутствие диаспоральных институтов для консолидации армян России, что объясняет слабый лоббистский потенциал российской армянской общины;
- непоследовательная диаспоральная политика властей Республики Армения.

Ситуация изменилась после 2000 г., что было обусловлено активизацией диаспоральной политики Республики Армения, направленной на консолидацию армянского Спюрка и исторической родины, создание Союза армян России и организации АРАДЭС.

Что привело к консолидации армянской общины России, стимулировало развитие армяно-российских отношений, особенно в сфере экономики.

Исходя из вышеизложенного, можно считать, что наличие армянской диаспоры и ее постепенное вхождение в этот процесс может интенсивно форсировать армяно-российские двусторонние отношения.

Примечания

¹ Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. Ереван: Кавказский институт СМИ, 2004. С. 31.

² Мелконян Э. Политические партии диаспоры и процессы демократизации в Армении // Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. Ереван: Кавказский институт СМИ, 2005. С. 103.

³ Ованесян Н. Армяно-российские и армяно-арабские отношения. (На армянском языке). Ереван: АН РА, 1992. С. 5.

⁴ Poghosyan G. Migration Process in Armenia. Yerevan, 2003. P. 7–9.

⁵ Migration in CIS. International Organization for Migration (IOM). Geneva, 1996. P. 11–17.

⁶ Кочарян Р. Искать выгоду в сглаживании противоречий // Международная жизнь. 2003. № 2. С. 33.

⁷ Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. М., 2003. С. 34.

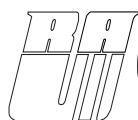
⁸ Крылов А. Армянская диаспора в современных международных отношениях // Аналитические записки. Декабрь 2003. С. 94.

⁹ Левина М. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным послом РА в РФ Арменом Смбатяном // Арминфо. http://www.Arminfo.am/politika_ru_issue.1.html.

¹⁰ Союз армян России (САР). Армения и армяне Самарской губернии. Самара, 2003. С.99.

¹¹ Aven G. Amirkhanian Study on the contribution of the Armenian Communities abroad to Armenia's social sector // Armenians poverty Assessment. Working Paper. 2002. N 2. P. 41.

- ¹² Выступление министра иностранных дел Армении Вардана Осканяна на пресс-конференции “Дни Всемирного армянского конгресса и Союза армян России в Армении и Арцахе”. 15–17 октября 2006 // [http:// www.sarinfo.org/nov.058.html](http://www.sarinfo.org/nov.058.html).
- ¹³ *Оганян О.* Российско-армянское сотрудничество в экономике становится серьезным полем для развития бизнеса // Теория и практика управления. Ереван: 2005. С. 10.
- ¹⁴ Законопроект о двойном гражданстве. <http://www.parliament.am/news.php?>
- ¹⁵ Премьер-министр и члены правительства Армении не должны иметь двойного гражданства // <http://www.regnum.ru/news/786068.html>
- ¹⁶ Армения – Спюрк. Срочные проблемы. Союз армян России. 27–28 мая 2002. М.-Ереван, 2002. С. 4–5.
- ¹⁷ Армяне всех стран объединяются в Москве // РИА новости. 25.12.2004.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
SERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- «Современная политическая история России: “Хроника” (1985–2007 гг.)» на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Миротворчество в деятельности ОБСЕ и интересы России

Екатерина Лазько

В Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – наряду с проработкой проблем общей безопасности происходит определенная переориентация на предотвращение и урегулирование локальных и региональных конфликтов.

Со времени подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. и до начала 90-х годов проблема миротворчества в деятельности ОБСЕ практически не фигурировала.

Первая половина 90-х годов ознаменовалась в зоне действия ОБСЕ усилением нестабильности, волной конфликтов нового типа (внутригосударственного характера с этническими и религиозными корнями). Такой поворот событий заставил выработать стратегию предупреждения и эффективные инструменты урегулирования кризисов.

ОБСЕ находилась в то время в начале институционализации, и югославский кризис начался для нее неожиданно. Лишь затем в ОБСЕ началась конкретная работа по развитию механизмов миротворчества.

Хельсинкский документ 1992 г.

На саммите ОБСЕ в Хельсинки (1992 г.) был принят пакет решений о создании антикризисных механизмов этой организации в соответствии с гл. VI и VIII Устава ООН, включая комплекс мер по миротворчеству.

В Разделе III Хельсинкского документа *“Раннее предупреждение, предотвращение конфликтов и регулирование кризисов (включая миссии докладчиков и деятельность ОБСЕ по поддержанию мира), мирное урегулирование споров”* была зафиксирована

готовность “сделать более эффективным раннее предупреждение и урегулирование споров, повысив тем самым действенность их роли в предотвращении и разрешении конфликтов, что при необходимости дополнялось бы операциями по поддержанию мира” (п. 1).

Было определено, что на первой стадии урегулирования кризисов используется механизм мирного разрешения споров, а в случае разрастания конфликта может быть проведена операция по поддержанию мира (ОПМ).

Решение о проведении ОПМ принимается в ОБСЕ ее Советом министров иностранных дел (СМИД) на основе консенсуса (или же действующим в качестве его агента Руководящим советом). Такая операция требует также согласия непосредственно заинтересованных сторон (п. 23).

ОПМ могут проводиться в случае конфликтов как внутри государств-участников ОБСЕ, так и между ними (п. 17), предусматривать различные формы (миссии наблюдателей и по контролю, а также развертывание более крупных сил) и преследовать следующие цели:

- наблюдение и контроль за прекращением огня и выводом войск;
- оказание поддержки в сохранении законности и порядка;
- предоставление гуманитарной и медицинской помощи и помощи беженцам (п. 18).

Хартия европейской безопасности

В принятой 18 ноября 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле *Хартии европейской безопасности* подчеркнута договоренность государств-участников “развить роль ОБСЕ в операциях по поддержанию мира, более четко отразив всеобъемлющий подход Организации к безопасности” (Преамбула), и было вновь указано, что “ОБСЕ является региональным соглашением по смыслу гл. VIII Устава Организации Объединенных Наций, одной из основных организаций по мирному урегулированию споров в ее регионе и одним из ключевых инструментов раннего предупреждения, предотвращения конфликтов, регулирования кризисов и постконфликтного восстановления” (п. 7 Раздела II “Наши общие основы”).

Подчеркнув ведущую роль ООН, Хартия европейской безопасности еще раз подтвердила готовность ОБСЕ укреплять и разрабатывать новые инст-

рументы, приверженность государств-участников положениям ранее принятых основополагающих документов (Хельсинкского документа 1992 г., Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности 1994 г. и др.).

Ключевым, однако, является положение документа о том, что ОПМ ОБСЕ “не будут предусматривать принудительных действий” (п. 22). Этим как бы отсекается военная составляющая миротворчества, оставляя в компетенции ОБСЕ функции наблюдения, контроля, посредничества и т.д.

Вплоть до настоящего времени в практике ОБСЕ не проводилась полномасштабная операция по поддержанию мира с применением силы.

Отметим, что для перспектив развития этой сферы деятельности ОБСЕ принципиальное значение имеет возможность привлечения к этим операциям ресурсов и опыта других организаций и структур (ЕС, НАТО, СНГ и др.).

Решение об использовании помощи этих организаций ОБСЕ принимает отдельно в каждом конкретном случае.

Хартия европейской безопасности ОБСЕ определила несколько главных векторов нововведений по оптимизации механизма и потенциала миротворчества этой организации.

В Разделе IV “Наши общие инструменты. Развитие нашего диалога” в подразделе “Деятельность на местах” намечено содействие в создании условий для переговоров или прочих мер, которые могли бы способствовать мирному урегулированию конфликтов.

В подразделе “Оперативное реагирование (РЕАКТ)” указано, что “важнейшей предпосылкой эффективного предотвращения конфликтов, регули-

рования кризисов и постконфликтного восстановления является способность к быстрому развертыванию гражданского и полицейского экспертного потенциала. Мы твердо намерены сформировать в государствах-участниках и в ОБСЕ потенциал для создания групп оперативной экспертной поддержки и сотрудничества (РЕАКТ), которые будут находиться в распоряжении ОБСЕ. Это позволит быстро предлагать экспертов для оказания помощи в соблюдении норм ОБСЕ, предотвращении конфликтов, регулировании кризисов и постконфликтном восстановлении... Эти группы могли бы также использоваться в качестве мобилизационного ресурса, способного служить ОБСЕ подспорьем в быстром развертывании крупномасштабных или специализированных операций”.

В подразделе “Поддержание мира” отмечено: “Мы решили изучить варианты, при которых ОБСЕ играла бы потенциально более значительную роль в поддержании мира. Вновь подтверждая наши права и обязательства по Уставу ООН и опираясь на наши существующие решения, мы подтверждаем, что ОБСЕ может от случая к случаю и на основе консенсуса определяться в отношении той роли, которую она будет играть в деятельности по поддержанию мира, в том числе в отношении ведущей роли тогда, когда государства-участники сочтут, что ОБСЕ является наиболее эффективной и подходящей организацией. Она, таким образом, могла бы также принимать решение о предоставлении мандата, покрывающего деятельность других по поддержанию мира, и прибегать к поддержке государств-участников, а также других организаций для привлечения ресурсов и экспертной помощи.

В соответствии с Платформой безопасности, основанной на сотрудничестве, она могла бы также предостав-

лять координационные рамки для таких усилий”.

В начале XXI в. на этой основе в ОБСЕ шли изменения в органах, непосредственно занимающихся миротворчеством. Это, в первую очередь, касалось Секретариата ОБСЕ, а также Центра ОБСЕ по предотвращению конфликтов (ЦПК), реорганизованного во второй раз.

В рамках ЦПК были созданы новые центры (оперативный и ситуационный), уже существующие подразделения наделены дополнительными полномочиями и введены новые должности.

ЦПК обеспечивает возможность планирования всех аспектов будущих миссий, несет основную ответственность за их создание в будущем, играет одну из ключевых ролей в поддержании отношений с партнерскими военными и гражданскими организациями и в обмене информацией и служит в целом органом для контактов во всем видам деятельности ОБСЕ на местах.

В конечном итоге за ОБСЕ признава возможность от случая к случаю самой определять на основе консенсуса роль, которую она будет играть в поддержании мира в Европе. Ведущая роль придается ОБСЕ лишь тогда, когда участники сочтут ее наиболее эффективной организацией, способной осуществлять действия по поддержанию мира при поддержке отдельных государств или их организаций¹.

Ключевым приоритетом деятельности ОБСЕ остается область мер раннего предупреждения конфликтов и превентивной дипломатии. Предприняты шаги по переориентированию деятельности организации на решение задач предупреждения и урегулирования кризисов нового поколения, в первую очередь – межэтнических. Нароботан значительный арсенал инструментов, механизмов и процедур реагирования на возникающие конфликтные ситуации

(миссии на местах, Московский механизм по направлению миссий человеческого измерения, Берлинский механизм по кризисным ситуациям, Валеттский механизм мирного урегулирования споров и т.д.).

Вопросами миротворчества непосредственно занимаются ряд руководящих органов (СМИД, Руководящий и Постоянный советы) и исполнительных органов (Действующий председатель, Генеральный секретарь, Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, Центр по предотвращению конфликтов) ОБСЕ. Организация активно участвует в урегулировании кризисных ситуаций, этнической нестабильности в ряде регионов Европы.

Тем не менее, отдача от миротворческих усилий ОБСЕ не всегда значительна. Нет существенного продвижения в совершенствовании ряда базовых элементов ОПМ, потенциал организации во многом не востребован из-за отсутствия концептуальных наработок, пробелы в которых пытаются заполнить разными методами² (в то время как в ООН такая работа идет).

Главным орудием миротворчества ОБСЕ служат миссии на местах ("полевые миссии").

Первыми миссиями ОБСЕ были миссии докладчиков в бывшей Югославии (декабрь 1991 г.). Первой долгосрочной миссией – миссия ОБСЕ в Косово, Санджаке и Воеводине (сентябрь 1992 г. – июнь 1993 г.). Затем последовали миссия наблюдателей в Скопье (с сентября 1992 г.), созданные в рамках человеческого измерения миссии в Югославии и Хорватии (сентябрь-октябрь 1992 г.), миссия для расследования военных преступлений в Сербии и Черногории (январь 1993 г.), миссия по содействию омбудсманам ОБСЕ в Сараево (октябрь 1994 г.).

Эти миссии были немногочисленны (5–7 чел.), не были в состоянии в полном объеме выполнить мандат, значение их было ограничено.

Большинство из них продолжают работать и в настоящее время. Самой трудной оказалась миссия ОБСЕ в Косово.

В 1993 г. насчитывалось 8 миссий ОБСЕ, в 1998 г. – 10 миссий, в 2004 г. – 20 миссий: так называемое "присутствие ОБСЕ в Албании", бюро в Ереване, бюро в Баку, миссия в Белоруссии, миссия в Боснии и Герцеговине, миссия в Грузии, центр в Алма-Ате, миссия в Косово, центр в Бишкеке, миссия в Латвии, миссия в Македонии (контрольная миссия по предотвращению распространения конфликта), миссия в Молдове, миссия в Таджикистане, центр в Ашхабаде, центр в Ташкенте, миссия на Украине, миссия в Хорватии, миссия в Эстонии; с марта 2001 г. в Белграде функционирует миссия ОБСЕ в СРЮ (вторая, помимо миссии в Косово, миссия ОБСЕ в Югославии), а с июня 2001 г. – группа содействия ОБСЕ в Чечне (ранее уже находилась в республике в 1995–1999 гг.).

Главные из задач этих миссий ОБСЕ: мероприятия превентивной дипломатии, содействие в урегулировании кризисов, обеспечение законности и демократии при проведении выборов, соблюдение прав человека, свободы печати, строительство демократических институтов, наблюдение за деятельностью сил по поддержанию мира (например, в Южной Осетии³). Важное значение имеют и другие виды деятельности ОБСЕ (Минская группа ОБСЕ по урегулированию в Нагорном Карабахе и др.).

Большое внимание ОБСЕ уделяет разработке параметров взаимодействия с отдельными странами или группами стран в сфере миротворческих операций, а также вопросам сотрудничества в области миротворчества с международными организациями.

Развивая контакты по этой линии, ОБСЕ значительно улучшила связи и координацию работы с Секретариатом, Верховными комиссарами ООН, миссиями, представителями Генерального секретаря и други-

ми органами ООН, с Советом Европы, Специальной группой по сотрудничеству в деле поддержания мира Совета североатлантического партнерства и с Советом НАТО, с Европейским союзом, с СНГ, а также с институтами, созданными в результате подписания договоров и соглашений в военной области, с неправительственными организациями и отдельными странами.

В некоторых случаях ОБСЕ взаимодействует сразу с несколькими организациями.

Так, в рамках операции НАТО "Янтарная лиса" по примирению в Македонии безопасность 120 наблюдателей от ОБСЕ и ЕС в 2001–2002 гг. обеспечивали до 1 тыс. военнослужащих НАТО.

Расширение круга партнеров ОБСЕ может быть полезным для России как с точки зрения укрепления данной организации, так и продвижения полезных для России проектов под эгидой ОБСЕ через таких партнеров. Относительно позиции России в отношении развития комплекса ОБСЕ в целом можно отметить следующее.

В принятой в 2000 г. Концепции внешней политики Российской Федерации указано, что Россия считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и выступает за укрепление его правовых основ в строгом соответствии с принципами Устава ООН. Поддерживая меры по наращиванию и модернизации потенциала быстрого антикризисного реагирования ООН, Россия намерена продолжать активно участвовать в операциях по поддержанию мира, проводимых как под эгидой ООН, так и в конкретных случаях региональными и субрегиональными организациями. Необходимость и степень такого участия будут соразмеряться с национальными интересами и международными обязательствами страны. Россия исходит из того, что

только Совет Безопасности ООН правомочен санкционировать применение силы в целях принуждения к миру".

Задачи российских вооруженных сил в области миротворчества отражены в утвержденной Указом Президента РФ 21 апреля 2000 г. "Военной доктрине Российской Федерации".

В ООН была внесена российская инициатива о том, чтобы коллективно уточнить правовые аспекты применения силы в международных отношениях в условиях глобализации.

Серьезного изучения заслуживают и пути развития превентивной дипломатии и миротворчества, совершенствование режимов санкций. ОПМ стали одним из приоритетов деятельности ООН, и особое значение имеет для России проводимая сейчас в ООН работа по оптимизации оперативности ее антикризисного потенциала.

Основные направления этой работы были определены в подготовленном в 2000 г. по инициативе Генерального секретаря ООН к Саммиту и Ассамблее тысячелетия докладе группы по операциям ООН в пользу мира под руководством Л.Брахими (ряд положений доклада группы Брахими одобрен резолюцией Совета Безопасности ООН № 1327 от 13 ноября 2000 г.). В этом документе указано, что эти рекомендации нацелены на перспективу, создание новых механизмов, структур и методов работы, на четкие мандаты, эффективные правила применения вооруженной силы и больших по численности и лучше экипированных войск, а не на превращение ООН в "военную машину".

В целом, "группа Брахими" сделала акцент на увеличении ресурсов для миротворчества, улучшении качества планирования, повышении скорости ее развертывания и оперативности, на адекватном выполнении мандатов ОПМ, вопросах подготовки персонала и обеспечении его безопасности.

В связи с этим отметим, что – с учетом различий в структуре ООН и ОБСЕ, сложности и объемах стоящих задач, а также, принимая во внимание отсутствие у ОБСЕ военной составляющей – этот комплекс предложений может и должен быть абсорбирован в де-

ятельность ОБСЕ (в меньших, естественно, масштабах). В первую очередь, на наш взгляд, опыт ООН следует перенести на оперативную, кадровую, информационную стороны проведения ОПМ, сферы подготовки мандатов и обеспечения ресурсами.

Сотрудничество с другими организациями

В связи с недостаточностью полномочий и ограниченностью ресурсов ОБСЕ и наличием других мощных в военном отношении сил в Европе встает вопрос о координации их действий, распределении их функций и задач, что принципиально важно для России с точки зрения учета ее национальных интересов. Речь идет, прежде всего, о сотрудничестве и взаимодействии с НАТО и формирующейся военной составляющей ЕС.

Диалог по миротворчеству с НАТО Россия ведет, руководствуясь положениями “Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и организацией Североатлантического договора” от 27 мая 1997 г.

В Разделе I (“Принципы”) подтверждена приверженность сторон принципам ООН и ОБСЕ, поддержка проводимых под их руководством миротворческих операций и готовность “содействовать укреплению ОБСЕ, включая дальнейшее развитие ее роли в качестве основного инструмента превентивной дипломатии, предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов, ... а также укреплению ее оперативных возможностей по осуществлению этих задач”.

В Разделе II (“Механизм консультаций и сотрудничества, Совместный Постоянный Совет Россия – НАТО”) в качестве одного из трех основных конкретных видов деятельности данного СПС Россия – НАТО фигурирует при-

нятие совместных решений и осуществление совместных действий (по достижению консенсуса в ходе консультаций) в каждом конкретном случае, “включая участие на равноправной основе в планировании и подготовке совместных операций, в том числе миротворческих операций под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ”.

В Разделе III (“Области консультаций и сотрудничества”) намечено консультироваться и максимально расширять сотрудничество на следующих направлениях:

– “предотвращение конфликтов, включая превентивную дипломатию, урегулирование кризисов и разрешение конфликтов, принимая во внимание роль и ответственность ООН и ОБСЕ и деятельность этих организаций в этих областях;

– совместные операции, включая миротворческие операции, в каждом конкретном случае под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ и, в случае использования многонациональных оперативных сил (МОС) участие в них на ранней стадии”.

В Разделе IV (“Военно-политические вопросы”) указано: “Для упрочения партнерства и обеспечения того, что оно будет основываться в максимально возможной степени на практической деятельности и прямом сотрудничестве, соответствующие военные инстанции РФ и НАТО изучают пути

дальнейшего развития концепции проведения совместных миротворческих операций РФ и НАТО”.

Положения Основополагающего акта Россия – НАТО служат, таким образом, хорошей основой для совместного миротворчества; однако, их потенциал не востребован. Естественно, что здесь не может быть “прорывов” в плане координации и сближения, и нужна, как и в целом в диалоге с НАТО, кропотливая работа на основе тактики “малых шагов”.

Такие шаги могут быть сделаны по ряду направлений.

Так, функционирующая в рамках СПС Россия – НАТО Рабочая группа по операциям по поддержанию мира могла бы сосредоточиться на следующих вопросах:

- разработка совместных ОПМ Россия – НАТО (под эгидой ОБСЕ);

- подготовка на основе положений Хельсинкского документа (1992 г.) собственного руководства по урегулированию и координации усилий РФ и НАТО в области миротворчества. Эта идея была высказана на семинаре по миротворчеству в Кракове (октябрь 2005 г.), проведенного СПС Россия – НАТО, и получила одобрение всех участников.

Что касается ЕС, то в принятой в 2000 г. “Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы)” зафиксировано, что партнерство сторон могло бы включать, в частности, “практическое сотрудничество в сфере безопасности (миротворчество, урегулирование кризисов, различные аспекты ограничения и сокращения вооружений), которое могло бы служить противовесом, в числе прочего, натоцентризму в Европе” (п. 5 Раздела I “Придание партнерству Российской Федерации и Европейского союза стратегического характера”).

В п. 13 Раздела II “Расширение формата и повышение результативности политического диалога” данной Стратегии намечено следующее: “Активизировать совместную работу в целях сохранения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в качестве ключевой опоры европейской безопасности. При этом добиваться разработки четкой процедуры для всех органов институтов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, безусловного сохранения консенсуса как основы принятия решений. Расширять практическое взаимодействие с ЕС по вопросам предотвращения и мирного урегулирования конфликтов на пространстве Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе”.

Готовность сторон сотрудничать в области безопасности закреплена в принятой на саммите Россия – ЕС в Париже (30 октября 2000 г.) Совместной декларации об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе.

В соответствии с парижскими договоренностями учреждается, в частности, механизм специальных консультаций по вопросам безопасности и обороны, расширяется спектр разоруженческих консультаций и стратегического диалога. Принято решение развивать сотрудничество в области оперативного управления кризисами и изучение возможности вклада России в проведение соответствующих операций ЕС.

В целом же, экстраполируя сказанное о перспективах сотрудничества РФ и ЕС в сфере миротворчества на плоскость проблематики ОБСЕ, отметим, что по мере более четкой прорисовки контуров отношений РФ и ЕС в военно-политической области вполне реально будет не только выработать концептуальную и правовую базу трехстороннего миротворчества (вариант: со-

вместного участия РФ и ЕС в миротворческих операциях под эгидой ОБСЕ), но и проводить такие операции.

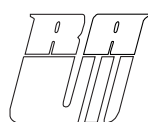
В утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. “Концепции национальной безопасности Российской Федерации” первым среди факто-

ров, создающих основные угрозы безопасности России в международной сфере, названо “стремление отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ”⁴.

Следует, таким образом, способствовать развитию концептуальной и организационной составляющих миротворчества ОБСЕ, широко используя для этой цели наработки ООН, развивать диалог и сотрудничество по миротворчеству со структурами, занимающимися вопросами безопасности в Европе (НАТО, ЕС), базируясь на основе роли, задач, полномочий и возможностей ОБСЕ.

Примечания

- ¹ *Лукин В.* Год после Стамбула // Дипкурьер (приложение к “Независимой газете”). 2000. 9 ноября. № 17 (17). С. 14.
- ² *Давыдов Ю.П.* Расширение зоны ответственности НАТО // Сб. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2000. С. 119.
- ³ *Тихонов А.* Спокойствие оружием не защитишь // Красная звезда. 2001. 24 января. № 14 (23315). С. 3.
- ⁴ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Красная звезда. 2000. 20 января. № 10 (23065). С. 2.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Правовой режим недропользования и инвестиций в ТЭК Ирана

Эльдар Касаев

С 17 по 18 ноября 2007 г. в столице Саудовской Аравии г. Эр-Рияд прошел третий саммит стран-экспортеров нефти (ОПЕК)*.

В рамках встречи министры нефти всех 12 государств-членов ОПЕК выступили с докладами на заседаниях и согласовали основные представленные на рассмотрение документы.

Особенностями саммита стали два события:

– *во-первых*, участие в таком мероприятии Эквадора, вышедшего 15 лет назад из состава ОПЕК в знак протеста против использования системы квотирования объемов добычи нефти странами-членами этой организации;

– *во-вторых*, на саммит прибыла довольно представительная иранская делегация во главе с новым министром нефти Голамхосейном Ноузари.

На саммите проводилась выставка, показавшая возможности стран-членов ОПЕК в области добычи, транспортировки и переработки нефти. Иранские компании были широко представлены на этой выставке и продемонстрировали большие технические возможности государства не только в области нефти, но и природного газа, роль которого в качестве энергоносителя с каждым годом возрастает.

Примечательно, что для многих стран-членов ОПЕК (например, Алжира, Ливии, Катара, Ирана) наиболее актуальной и острой стала проблема юридических оснований инвестиционной деятельности зарубежных компаний в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) их национальных экономик.

В этом отношении интерес представляет правовой режим недропользования в Иране.

Законодательство в сфере ТЭК и иностранных инвестиций

Процесс глобализации объективно связывается с необходимостью унификации законодательных актов, регулирующих систему недропользования.

Несмотря на существующие тенденции по разработке унифицированного законодательства в области недропользования и вовлеченность государств в

* До этого саммиты стран-членов ОПЕК проходили в Алжире (1975 г.) и Венесуэле (2000 г.).

интеграционные процессы ряд стран пока сохраняет черты уникальной системы недропользования, среди которых особое место занимает Исламская Республика Иран (ИРИ)¹. Иранское законодательство на современном этапе имеет достаточный потенциал для регулирования различных областей, в частности промышленной и предпринимательской.

В этой связи представляется целесообразным обратиться к анализу системы недропользования Ирана, являющейся одной из наиболее самобытных систем в мире. В стране, где сконцентрировано более 9% мировых запасов нефти и 15% запасов природного газа, наложен полный запрет на предоставление концессий иностранным инвесторам и применения механизма Соглашения о разделе продукции (СРП). В ст. 81 Конституции Исламской Республики Иран зафиксировано, что «Правительству абсолютно запрещается предоставлять концессии иностранцам для организации публичных компаний и организаций или обществ в коммерческом, сельскохозяйственном, промышленном и добывающем секторах в сфере услуг».

В начале 2000-х годов правительство Ирана приступило к активному созданию капиталоемких отраслей. Сложившаяся в стране ситуация требовала масштабного инвестирования средств в экономику, которое страна была не способна обеспечить самостоятельно. Это усилило заинтересованность иранского руководства в иностранном финансировании, а, следовательно, и в создании современной правовой базы для его привлечения².

В результате парламентом в 2002 г. был принят новый *Закон «О поощрении и защите иностранных инвестиций»* (далее – Закон о защите), который определил иностранный капитал, предназначенный для инвестирования

в экономику Ирана, как наличные денежные средства в виде конвертируемой валюты, поступающие через банковскую систему или иными путями, и иные ввозимые платежные средства; дивиденды по акциям иностранного инвестора, которые можно перемещать, а также другие разрешенные средства, одобренные правительственной комиссией.

Данный нормативный акт был несколько раз пересмотрен в соответствии с решением Совета по охране Конституции, состоящего из ведущих богословов страны и юристов-специалистов в разных областях мусульманского права.

Примером решений Совета может послужить итоговый документ одного из его заседаний. В документе была зафиксирована необходимость наложения запрета на такую форму инвестиций, как проектное финансирование, которое противоречит исламским нормам, предусматривающим отказ от ростовщичества, а также на предоставление государственных гарантий иностранным инвесторам, так как «к понятию иностранный инвестор относятся иностранные правительства и государственные компании, которые могут создать угрозу национальной безопасности страны»³.

Закон о защите по праву можно отнести к числу одного из прогрессивных законов Ирана. Нормативный акт позволяет выступать в качестве инвесторов физическим и юридическим лицам, привлекать инвестируемые денежные средства как наличным, так и безналичным способами (ст. 1), причем перевод таких средств возможен как через Центральный банк Ирана, так и другими методами, разрешенными действующим в стране законодательством. Закон, помимо прочего, устанавливает общие критерии допуска иностранных инвестиций в страну: они должны спо-

способствовать развитию экономики страны, повышению уровня технологий, качества продукции, способствовать созданию новых рабочих мест, продвижению страны на международный рынок. При этом не должны создаваться угрозы безопасности иранского государства и общественным интересам, а также ухудшаться состояние окружающей среды.

Тем не менее, закон не позволяет применения понятия “концессия” в отношениях с иностранными инвесторами. Отношения с иностранным инвестором могут строиться только на основе временной лицензии, не позволяющей инвестору получить монопольное положение в государстве. Также закон ограничивает степень участия иностранного капитала в экономике страны.

Так, в соответствии со ст. 2 анализируемого закона, степень участия иностранных инвесторов не может превышать 25% любого сектора экономики страны и 35% любого суб-сектора.

Данные суб-секторы и степень участия в них иностранных инвесторов определяются подзаконными актами, одобренными Советом министров. Однако закон позволяет не применять данное соотношение к товарам, производимым на экспорт, за исключением нефти.

Важно отметить тот факт, что в Иране запрещено иностранцам иметь в собственности землю в каком бы то ни было количестве.

Иностранные инвестиции возможны в двух видах:

– в виде прямых вложений в те сферы, где разрешена частная экономическая активность;

– в форме следующих видов соглашений:

- “гражданское участие”;
- “обратный выкуп”;

• “строительство-управление-передача”, где возврат капитала и полученной прибыли проистекает от ведения разрешенной экономической активности и не зависит от гарантий правительства, государственных предприятий или банков.

Важной гарантией прав инвесторов является положение закона о том, что если деятельность иностранного инвестора будет приостановлена или прекращена в результате вступления в действие новых законов или подзаконных актов, Правительство Ирана обязано возместить инвестору все понесенные им убытки, размер возмещения которых должен быть утвержден Советом министров.

Инвестиции правительств иностранных государств в Иран возможны только после одобрения Исламским Консультативным Собранием в каждом конкретном случае. Примечательно, что инвестиции государственных предприятий имеют статус частных.

Стоит отметить, что на данный момент единственной формой работы иностранных инвесторов в сфере недропользования в Иране являются контракты “*buy-back*” (“покупаю обратно”), позволяющие “обойти” конституционный запрет на предоставление права пользования недрами на основе концессии и соглашения о разделе продукции (СРП).

В соответствии с контрактом “*buy-back*”, зарубежный инвестор вкладывает денежные средства, например, в проект повышения нефтеотдачи месторождения или в разведку запасов углеводородов, получая взамен компенсацию, покрывающую вложенные средства с учетом процента и прибыли. Причем инвестор получает компенсацию не в денежном выражении, а в виде нефти и газа, добытых при осуществлении проекта.

Срок действия контракта “*buy-back*” обычно составляет 7 лет, а компенсационный период – 5 лет.

Особенностью данного типа контракта является то, что инвестор не является недропользователем или собственником части добытого сырья, получая лишь "плату натурой" за инвестиции и техническое участие в проекте⁴.

Необходимо особо подчеркнуть, что принятие Закона о защите представляется важным для экономики не только Ирана, но и нашего государства, поскольку в последнее время ИРИ выражает готовность идти на сотрудничество с Россией (в том числе и в сфере инвестиций). Закон послужил основой нового этапа развития взаимовыгодных двусторонних отношений.

К примеру, после принятия данного закона вступили в силу договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Россией и Ираном, а также соглашение о недопустимости двойного налогообложения².

Важными нормативно-правовыми актами, регулирующими отношения в области пользования недрами Ирана, являются Закон "О прямом налогообложении" (1988 г.) с изменениями, внесенными меджлисом (парламентом) в апреле 1992 г. для его адаптации к изме-

нившимся условиям экономической политики государства и Закон "О капиталовложениях в зонах свободной торговли и промышленности в ИРИ" (1994 г.).

Следует особо подчеркнуть, что ИРИ имеет развитое экологическое законодательство, имеющее тенденцию к дальнейшему углублению и повышению требований к ведению деятельности, которая может быть вредоносной и опасной для окружающей среды.

Базовым законом в данной области является Закон "О защите окружающей среды" (1974 г.), который устанавливает правила и меры по защите и охране окружающей среды.

Компетенцией по разработке и принятию таких мер обладает Министерство природы Ирана, а также Высший Совет по охране окружающей среды. Целью данных правил и мер, прежде всего, является сохранение баланса в окружающей среде, а также предотвращение и прекращение загрязнения.

Нормативный акт обязывает местные органы власти сотрудничать с Министерством природы страны и международными экологическими организациями.

Основные понятия системы недропользования. Правовое регулирование

Основным документом, регулирующим процедуру привлечения зарубежных капиталовложений в ТЭК Ирана, является *Горный кодекс ИРИ*, состоящий из 36 статей и 17 примечаний. В самом Горном кодексе указывается, что все законодательные акты, действовавшие до его вступления, теряют юридическую силу и признаются недействительными. Горный кодекс был одобрен Исламским консультативным собранием 17 мая 1998 г.

В начале Горного кодекса (гл. 1 "Определения и общие положения") законодателем вводится необходимый поня-

тийный аппарат, который поможет детально понять содержание и сферу применения многочисленных материальных норм, содержащихся в законе.

Минеральное вещество – это любое природное вещество или соединение веществ в твердой, газообразной или жидкой форме, а также в форме раствора в воде, сформировавшееся в результате геологических процессов. При этом специально выделяется понятие руда – это скопления минералов или минералы, содержащиеся в залежах, имеющие экономическую ценность.

Залежами минералов признаются природное скопление (аккумуляция) одного

или нескольких видов руды под поверхностью земли, на ее поверхности или в растворенном виде.

Разведка – это добровольный поиск с целью поиска минеральных залежей.

Переработка – это вторая и заключительная стадия проводимых улучшений для дальнейшей сортировки руды и выделения сырья, которое может быть использовано в производстве.

Лицензия на эксплуатацию – это разрешение, выдаваемое Министерством шахт и металлов на эксплуатацию шахт в рамках определенных границ.

В Горном кодексе говорится, что, в соответствии со ст. 44–45 Конституции Ирана, ответственность за осуществление прав государства на шахты, находящиеся на территории государства, защиту минеральных ресурсов, выдачу разрешений на осуществление горнодобывающей деятельности в соответствии с Горным кодексом Ирана, а также надзор за всеми вышеуказанными видами деятельности и обеспечение средствами развития горнодобывающей деятельности возлагается на Министерство шахт и металлов.

При этом осуществление всех перечисленных функций названным министерством не должно препятствовать осуществлению своих прав собственниками: юридическими и физическими лицами в рамках закона.

Ст. 3 Горного кодекса выделяет следующие категории минералов:

– *первую категорию* составляют:

- известняк,
- гипс,
- обыкновенный песок и гравий,
- обыкновенная глина,
- морская раковина,
- морская и горная соль,
- известковая глина,
- каменные валуны и подобные

породы;

– *вторую категорию* составляют:

- железо, золото,
- хром, олово,

- ртуть, цинк,
- золотоносный песок,
- медь, титан,
- сурьма, молибден,
- кобальт, вольфрам,
- кадмий и другие металлы,
- уголь и не содержащий нефть

сланец;

– *третью категорию* составляют все углеводороды за исключением угля.

Это:

- сырая нефть,
- природный газ,
- битум, природная асфальтовая порода,
- нефтяной сланец,
- нефтеносные пески и подобные им.

Битум, нефтяной сланец и природная асфальтовая порода считаются частью шахт второй категории, если не используются Министерством нефти или его подразделениями;

– *четвертую категорию* составляют: все остальные субстанции, включая первичные и производные.

Примечанием к данной статье является положение о том, что если какой-либо природный материал не вошел в ту или иную категорию, отнесение его к одной из вышеназванных категорий является компетенцией Министерства шахт и металлов, которое руководствуется при этом типом, важностью и экономической ценностью данного природного материала.

Гл. 2 Горного кодекса (“Разведка”) устанавливает, что разведка минеральных залежей может осуществляться государственными, юридическими и физическими лицами. Государство обязано разведывать залежи минеральных ресурсов как непосредственно, так и через свои дочерние компании, либо с привлечением юридических или физических лиц.

Осуществление разведки возможно только по получении лицензии на разведку, выдаваемой специальным министерством.

Процедура получения такой лицензии, установление критериев проведения разведки, период действия лицензии, права, передаваемые по такой лицензии, и другие связанные с этим вопросы устанавливаются в подзаконных актах, принятых во исполнение Горного кодекса Ирана.

Важным примечанием является то, что если получена лицензия на разработку, то не требуется отдельного получения лицензии на разведку. Однако в случае разведки новых месторождений либо конкретного вида минерального сырья сертификат на открытие держателя лицензии на разведку должен быть изменен в соответствии с требованиями Горного кодекса либо должен быть выдан новый сертификат.

В ст. 7 Горного кодекса установлено, что права по сертификату на открытие могут быть переданы третьим лицам в течение года после его выдачи и только в том случае, если такая передача будет одобрена министерством. Важно отметить, что подробная процедура применения ст. 7, особенно в случае не получения министерского одобрения на проведение разведки, описывается в соответствующих подзаконных актах.

Если в результате работ по разведке не будет найдено никаких залежей полезных минералов, лицензия на разведку не порождает никаких прав у ее держателя. Держатели сертификата на открытие могут обратиться за получением лицензии на разработку месторождения, которое они нашли в течение года после выдачи им сертификата на открытие в Министерство шахт и металлов.

Стоит обратить внимание на то, что если держатель сертификата на открытие не обратится в течение этого периода за получением лицензии на разработку, он потеряет свое право на первоочередность. Если такая лицензия

будет выдана другому лицу, оно обязательно будет возместить держателю сертификата на открытие все расходы, указанные в сертификате для проведения разработки месторождения.

Одно из положений гл. 3 Горного кодекса (“Разработка месторождения”) гласит, что для разработки минеральных залежей необходимо получение лицензии на эксплуатацию (лицензия выдается на основании идентификационных документов и конкретного плана эксплуатации объекта).

Ст. 10 Горного кодекса содержит полный перечень всех возможных держателей лицензий на разработку минеральных залежей. Однако в законодательстве Ирана на этот счет имеется несколько существенных примечаний. Первое: в случае наличия нескольких претендентов на эксплуатацию объекта для совершения необходимых действий по выдаче лицензий применяются положения *Закона “Об аудите”*.

Еще одно примечание гласит, что идентификационный документ на каждый подлежащий эксплуатации объект должен содержать следующие сведения: качество и количество минеральных залежей, технические и экономические показатели (включая период возврата вложенного капитала), оптимальный уровень добычи из данных минеральных залежей, соблюдение технических требований к охране окружающей среды и мер безопасности. Данный перечень не является закрытым.

Следующее примечание устанавливает, что лицензия на эксплуатацию является официальным и уполномочивающим документом, выдаваемым на определенный период времени на основании идентификационного документа, а также одобренного плана на эксплуатацию. Данная лицензия может быть продлена, продана по сделке либо права по ней могут быть уступлены третьим лицам.

Более того, лицензия влечет за собой появление *узурфрукта* – ограниченного вещного права пользования минеральными залежами держателем лицензии, а также обязанностей, которые он должен выполнять. Продолжительность каждого периода эксплуатации определяется на основании вышеперечисленных критериев и максимально может быть установлена на период равный 25 годам с преимущественным правом продления данной лицензии держателю лицензии.

У государственного министерства есть определенные полномочия по выдаче так называемых кратковременных разрешений на эксплуатацию (например, для поставки специального оборудования, требуемого для реализации какого-либо проекта), а также кратковременных лицензий на разработку ограниченных минеральных запасов и проведение лабораторных работ.

Установление критериев для определения размера взимаемых процентов осуществляется исходя из таких факторов, как месторасположение залежей, их состояние, выбранный метод добычи, обязательства и получаемая прибыль держателем и регулируется подзаконными актами, издаваемыми во исполнение положений Горного кодекса Ирана.

На государство возлагается обязанность поощрять вложения в добывающую промышленность частных инвесторов (ст. 16 Горного кодекса). Для этого данное министерство осуществляет надзор, контроль и защиту прав частных инвесторов, проводит необходимые исследования и составления типовых планов освоения минеральных залежей, руководствуясь в своей работе положениями соответствующих подзаконных актов.

Одно из положений гл. 4 Горного кодекса Ирана (“Общие нормы”) признает незаконным любое ведение дея-

тельности (разведка, раскопка, разработка, эксплуатация), осуществляемой без получения в надлежащем порядке необходимых лицензий или кратковременных разрешений (ст. 18). Подобная деятельность является незаконным захватом общественной или государственной собственности и подлежит преследованию с привлечением к ответственности в соответствии с законодательством страны.

Министерство направляет письменное уведомление о продлении срока исполнения обязательств держателем лицензий на эксплуатацию, а также держателям кратковременных разрешений на эксплуатацию, в том случае, если они не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязательства.

Если же в установленные в уведомлении сроки лица не предпримут необходимые действия, то они будут обязаны возместить все убытки, причиненные неисполнением своих обязательств. Такие лица могут также быть признаны некомпетентными для продолжения соответствующей деятельности.

Тем не менее, это признание не влечет недействительности лицензии на эксплуатацию, либо недействительности прав третьих лиц. Условия возмещения убытков за неисполнение обязательств по лицензии на эксплуатацию либо кратковременному разрешению на эксплуатацию, устанавливаются в соответствии с Горным кодексом в самой лицензии или разрешении.

Ст. 21 Горного кодекса обязывает предыдущего держателя лицензии на эксплуатацию либо кратковременного разрешения на эксплуатацию передать новому держателю лицензии на эксплуатацию либо кратковременного разрешения на эксплуатацию такую собственность и оборудование, изъятие которых повлечет возникновение убытков и ущерба.

За переданную собственность и оборудование выплачивается возмещение в размере, установленном на основании оценки, проведенной специализированными официальными органами государства.

В случае если предыдущий держатель лицензии на эксплуатацию или держатель кратковременного разрешения на эксплуатацию не передаст собственность и необходимое оборудование, он будет обязан возместить все убытки, возникшие в результате этого.

Согласно иранскому законодательству, государству, помимо прочего, надлежит осуществлять контроль над

соблюдением требований безопасности и защиты окружающей среды всеми держателями лицензий (ст. 34 Горного кодекса).

Таким образом, подробно проанализировав некоторые наиболее важные положения Горного кодекса Ирана, можно заключить, что этот нормативный акт по праву является своеобразной “конституцией” энергетического сектора государства.

Закон содержит материальные нормы, прямо регулирующие режим дробпользования в Иране, а также косвенно процесс иностранного капиталовложения в ТЭК.

Правовое регулирование иностранных инвестиций

Разработка инвестиционной политики в Иране главным образом возложена на Высший Совет по инвестициям (ВСИ), в состав которого входят главы ведущих министерств страны: экономики и финансов, сельского хозяйства, промышленности, горно-рудной промышленности.

Регулирующим органом в области иностранных инвестиций является Министерство экономики и финансов Ирана (МЭФ), в подчинении которого находится Организация по инвестициям, экономическому и техническому содействию (ОИЭТС).

Один из заместителей министра экономики и финансов одновременно является руководителем ОИЭТС и председателем Комитета по привлечению и защите иностранных инвестиций (КПЗИИ), решения которого имеют, по существу, определяющее значение при рассмотрении инвестиционных проектов.

На КПЗИИ возложена задача рассмотрения предложений на ввоз капитала и принятия решений с последующим представлением на утверждение в Совет министров.

Членами КПЗИИ являются: по одному заместителю министра экономики и финансов (руководитель ОИЭТС), иностранных дел, промышленности, горнорудной промышленности, а также заместители руководителя главы Планово-бюджетной организации и председателя Центрального банка, президент Палаты по вопросам торговли, промышленности и шахт Ирана.

ОИЭТС считает приоритетными капиталовложения, направленные на развитие промышленного экспортно-ориентированного производства в целях роста национального дохода, увеличения поступлений иностранной валюты, доходов государственного бюджета.

Зарубежные компании в случае принятия решения об инвестировании стремятся заручиться поддержкой ОИЭТС, чтобы гарантировать сохранность своих инвестиций, согласно Закону о защите. В свою очередь ОИЭТС оказывает поддержку только тем инвесторам, проекты которых будут приносить доход в свободно конвертируемой валюте.

Порядок инвестирования иностранного капитала в иранскую экономику определяется положениями *Постанов-*

ления по выполнению Закона “О привлечении и защите иностранных инвестиций” и предусматривает следующие этапы:

- поиск иранского потенциального партнера;

- согласование проекта и получение разрешения в отраслевом министерстве. На данном этапе иранский и иностранный партнеры должны получить так называемую установочную лицензию и заключить “базовое соглашение”.

- представление проекта в ОИЭТС.

Для получения в законодательном порядке содействия и поддержки инвестор одновременно или после прохождения вышеуказанных процедур должен обратиться в ОИЭТС.

К соответствующему запросу должны быть приложены следующие документы:

- копия формы, заполненной о ввозе капитала;

- копии проектов соглашения по совместному инвестированию и имуществу партнеров;

- копии проектов соглашения в случае, если иностранным инвестором предлагается технология;

- копии финансовых отчетов инвестора за последние три года (включая бухгалтерский отчет с указанием доходов и убытков).

В то же время имеется ряд ограничений на поле деятельности ввозимого капитала. Иностранный капитал не пользуется поддержкой и защитой соответствующего закона, если он:

- привлекается в те отрасли народного хозяйства, в которых запрещена

деятельность частных национальных компаний;

- влечет за собой возникновение какого-либо монопольного права или особых уступок и привилегий;

- не является полностью частным и в нем участвует иностранное государство и его правительство. В этом случае капитал подлежит выводу из экономической системы Ирана.

Кроме того, законодательство об иностранных инвестициях распространяется на компании лишь тех стран, в которых иранские компании могут функционировать в режиме не менее благоприятном, чем национальный. Не разрешается создание предприятий со 100% иностранным капиталом.

В вопросах правовой защиты иностранных инвестиций действующее законодательство Ирана предусматривает равные права, как для иностранного, так и для национального капиталов. При этом защита предусмотрена в равной степени для капиталов в товарной форме (машины, оборудование) и в денежной (кредиты, финансовые услуги).

В случаях, когда по основаниям, предусмотренным законодательством, производится экспроприация имущества предприятия, иностранному инвестору гарантируется справедливая компенсация.

Разрешение споров, возникающих в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Ирана, предусмотрено в иранских судах.

Подробно проанализировав некоторые наиболее важные положения иранских нормативных актов, составляющих современную правовую основу для привлечения иностранных инвестиций, можно заключить, что законодательство ИРИ отвечает ряду международных стандартов: обеспечивает иностранному капиталу национальный режим и режим наибольшего благоприятствования, снимает ограничения на участие иностранных инвесторов в государственных секторах иранской экономики, позволяет решать гражданские споры между иностранными инвесторами и иранскими партнерами в любом международном судебном и арбитражном органе.

Одним из важнейших положений является предоставление иностранному инвестору гарантий со стороны государства.

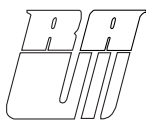
Однако законодательство Ирана продолжает содержать ограничения на ведение инвестиционной деятельности на территории страны. Эти ограничения усугубляются рядом факторов, существующих в Иране на данный момент, из которых сторонники либеральных реформ отмечают как основное сильное государственное вмешательство в экономику.

Таким образом, Иран в условиях исламского правления проводит политику преобразований, перехода к современным методам управления экономикой, сохраняя мусульманские традиции и национальную специфику страны, что требует огромной мотивации как со стороны государственного, так и частного сектора экономики.

Главный же вывод состоит в том, что, несмотря на присущие Ирану поистине уникальные особенности и наличие определенных политических, экономических и правовых рисков, в целом инвестиционный климат в стране благоприятствует деятельности иностранных (в том числе российских) нефтегазовых компаний.

Примечания

- ¹ *Редько Т.* Международно-правовое сотрудничество государств в области недропользования. Дис. канд. юр. наук. М., 2007.
- ² *Кожанов Н.* Закон ИРИ “О поощрении и защите иностранных инвестиций” 2002 года (предпосылки принятия, его содержание и значение) // Ближний Восток и современность. Сборник статей. М., 2006. С. 131, 139.
- ³ *Крутихин М.* Иранские контракты “buy-back” // Интернет. <http://www.rusenergy.com>.
- ⁴ *Солдатов А.* Иран: сотрудничество и запреты // Интернет. <http://www.oilofrussia.com>.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Запад и “исламский терроризм”

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

В работе проф. Вавилова А.И. освещается один из самых актуальных вопросов современной мировой обстановки – активизация международного терроризма, ставшего серьезным вызовом всеобщему миру и безопасности, и не во всем адекватная на нее реакция западных стран. В виду значительного объема и актуальности анализируемого материала, большая часть из которого вводится в научный оборот впервые, проведенное исследование публикуется в двух журналах.

Редакция

В сентябре текущего года в Америке отмечали очередную годовщину смертоносных авиатаранов, глубоко потрясших весь мир. С той поры, по инициативе Вашингтона, против терроризма развернулась всемирная борьба. Годовщина теракта в Нью-Йорке дала политикам и аналитикам повод подвести ее некоторые, пусть промежуточные, итоги. Они оказались мало воодушевляющими.

По иронии истории траурные мероприятия в память об 11 сентября 2001 г. совпали с очередными слушаниями на Капитолийском холме по Ираку. С докладами выступили командующий американскими войсками в этой стране генерал Д.Петреус и посол США в Ираке Р.Крокер. По оценке мировых СМИ, конгрессмены своими нелицеприятными вопросами буквально “поджаривали их на медленном огне”¹. Из просочившейся в прессу информации из конгресса напрашивался вывод о неудаче политики администрации Дж.Буша по “умиротворению и демократизации” Ирака, который был оккупирован в марте 2003 г. многонациональными силами под флагом борьбы с международным терроризмом.

В Европе, в полной мере испытавшей на себе за минувшие годы тяжесть террористических ударов, также все отчетливее звучит суждение о том, что силовая тактика антитеррористической борьбы не срабатывает. По всей вероятности, ее неудачи связаны с недостаточно глубоким пониманием генезиса и подпитывающих факторов такого многогранного явления, как международный терроризм. Попробуем, по известному совету К.Пруткива, “зреть в корень” и непредвзято разобраться в сути этого многосложного феномена и его катализаторах.

Международный терроризм как стимул американской внешней политики

В отечественной и зарубежной литературе бытует мнение, что трагические события в Нью-Йорке и Пенсильвании 11 сентября 2001 г. провели своего рода водораздел в ближневосточной, да и во всей внешней политике и практике США. С той поры ее стержневыми векторами стали провозглашенное президентом Дж.Бушем неоспоримое право Америки на нанесение по собственному разумению превентивных ударов повсюду в мире в случае возникновения у Вашингтона малейшего подозрения в существовании угрозы безопасности США, а также для распространения “демократии”, борьбы против “тоталитарных, поощряющих терроризм”, режимов. Однако, что такой поворот произошел несколько ранее.

“Путь международному терроризму, – отмечает проф. А.Гельке из Центра исследований этнических конфликтов в Белфасте, – этой новой форме сопротивления всемогущей гегемонии США – открыл распад Советского Союза”².

Эту мысль развивает Э.Руло, который полагает, что “политическая важность терактов 11 сентября была раздута в целях оправдания «войны против терроризма» президента Буша”.

Эти неожиданные удары, продолжает этот известный и многоопытный французский знаток хитросплетений мировой и ближневосточной политики, “стали удачной находкой для неоконсерваторов. Они позволили им задействовать собственную имперскую программу: оккупацию Афганистана и Ирака, а затем и Ирана, усилить военное присутствие в Центральной Азии и Персидском заливе; закрепить контроль над нефтересурсами; инициировать «демократизацию» или смещение режимов, сопротивляющихся новому миропорядку. Все это – во имя «войны против террора», планетарной, тотальной и неограниченной во времени...”².

В традиционном обращении к стране 29 января 2002 г. Дж.Буш произвольно определил источники террористической опасности или, в его интерпретации, “ось зла”, на которую он нанизал Иран, Ирак и Северную Корею. Позднее к этим странам-изгоям, в американском понимании, добавилась Сирия.

О глубинных причинах перехода американцев к практике “хирургического вмешательства” в дела Ближнего Востока известный американский политолог Р.Н.Хаасс пишет весьма откровенно: “США традиционно пользовались уникальной возможностью работать как с арабами, так и израильянами. Но пределы этой возможности проявились в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. С тех пор слабость преемников Я.Арафата, подъем Хамас, переход израильтян к односторонним действиям – все это привело к отсечению Соединенных Штатов на обочину, чему способствовала и несклонность нынешней администрации Буша предпринимать активные дипломатические шаги”³.

Выпустив из рук политико-дипломатические рычаги влияния на развитие обстановки в регионе, Вашингтон все в большей мере обращается к испытанной тактике “большой дубинки”. Трагедия 11 сентября послужила для такого поворота лишь дополнительным стимулом и оправданием.

Минувшие с того времени годы дали немало примеров применения силовых постулатов доктрины Буша на практике. При этом в качестве своего главного побудительного мотива США выдвигают борьбу с международным терроризмом, главным источником которого в Вашингтоне, а за ним и в европейских столицах считают исламский мир. Отсюда “превентивные удары” по Афганистану и Ираку, неспадующее давление на “непокорные” Иран и Сирию.

“Исламский терроризм”: мифы и реальность

В первое десятилетие XXI в., по всеобщему признанию, международный терроризм превращается в реальный вызов современности, представляющий нарастающую угрозу безопасности и стабильности во всем мире.

В опубликованном в конце апреля 2006 г. ежегодном докладе госдепа США сообщалось, что в предшествовавшем году в мире было совершено свыше 11 тыс. терактов (в 2004 г. – более 3 тыс.), в результате которых погибло более 14 тыс. чел., 25 тыс. ранено и 35 тыс. похищено⁴.

В 2006 г. такая тревожная тенденция сохранилась: в очередном докладе госдепа отмечалось, что число террористических актов в мире возросло на 25%, а количество жертв терроризма увеличилось на 40%.

В 2006 г. было совершено уже около 14 тыс. терактов, в основном в Ираке и Афганистане.

Число жертв возросло до 40 тыс. чел., что на 5,8 тыс. больше, чем в 2005 г. Число пострадавших от терактов увеличилось в 2006 г. на 54%. В результате терактов в одном Ираке погибли около 13 тыс. человек, что составило 65% от общего числа жертв терроризма во всем мире.

Отметим, что термин “международный терроризм” имеет, на наш взгляд, несколько расплывчатые и чересчур расширенные рамки, позволяющие использовать его для оправдания самых различных акций. Отнюдь не случайно, что до настоящего времени в международном праве отсутствует его общепринятое определение.

После атак 11 сентября 2001 г. “международный терроризм” в американской и в целом западной политической риторике и публицистике приобретает “исламскую прописку”. С того времени по поводу “исламского терроризма и экстремизма” написано и сказано немало, но не всегда, к сожалению, со знанием дела. В связи с этим

целесообразно подробнее разобраться в этом относительно новом феномене международной жизни.

Исторически предтечей “исламского терроризма” в западной публицистике, да нередко и в научных трудах был “*исламский фундаментализм*”.

Он вошел в международный политический лексикон в конце 70-х – начале 80-х годов после подъема антишахского движения, завершившегося свержением монархического режима и выходом Ирана на региональную и международную арены в качестве главного, часто воинствующего проводника и поборника мусульманских догматов, выступающего за экспорт “исламской революции”, за единение всех мусульман мира, число которых в настоящее время перевалило за 1,5 млрд. чел.

Отсюда еще один термин, используемый главным образом французскими политологами для обозначения фундаменталистов – *мусульманские интегралы*.

Понятие “исламский фундаментализм” сегодня не всегда оправданно распространяется на довольно широкое, расплывчатое и во многом разномасштабное религиозно-политическое движение, выступающее за возврат к “первородным, коренным ценностям ислама” (неслучайно, по-арабски, фундаменталисты переводятся как “корневики”), за свой, самобытный путь развития мусульманских стран в современном мире.

Корни этого движения, у истоков которого в 20-х годах прошлого века стояли члены группировки “братья-мусульмане”, организационно оформившейся в Египте к концу 20-х годов и распространившей затем свое влияние и структуры на многие арабские страны, восходят к периоду зарождения освободительных процессов в “третьем

мире” и в арабских странах, в частности. Оно тесно связано с эволюцией ситуации в арабском мире в последние

десятилетия и вокруг него, поэтому стоит, хотя бы кратко, рассмотреть ее в этом контексте.

Исторический фон активизации исламизма

Кардинальные изменения, произошедшие в расстановке сил на международной арене после распада Советского Союза, а с ним и системы социалистических государств, побудили многих политиков и политологов как у нас в стране, так и за ее пределами, в ближнем и дальнем зарубежье повести речь о формировании “*нового мирового порядка*”.

Когда рассуждают о наступлении “нового мирового порядка” (этот термин был пущен в международный политический оборот президентом Дж.Бушем-старшим после победы США в войне против Ирака в 1991 г.), то подразумевают, прежде всего, перестройку структуры взаимоотношений между государствами по линии Запад – Восток, бывшей линией жесткой и изнурительной конфронтации, возглавлявшейся двумя антагонистическими сверхдержавами.

Спору нет, от того, как дальше будут развиваться международные отношения по этой генеральной линии, зависит очень многое в судьбах мира. Однако, как представляется, было бы неоправданно с теоретической и практической точек зрения ограничивать угол политологического исследования лишь этим, пусть важнейшим и определяющим, вектором современного мирового развития на глобальном и региональном уровнях.

Сейчас, когда “главное противоречие минувшей эпохи – между миром капитализма и социализма” резко ослабло, на повестку дня международной жизни с еще большей остротой встают проблемы интеграции мусульманских стран в стремительно глобализирую-

щийся мир, от решения которых, без преувеличения, напрямую зависит безопасность и стабильность на нашей планете.

Глобальная конфронтация в “холодной” войне, смертельно опасное и трудно предсказуемое балансирование на грани войны “горячей” в течение почти полувека не только серьезно отравляли международный политический климат, но и глубоко искривили пути развития целых регионов.

Очевидный пример тому – Ближний Восток, страны которого по своей калейдоскопической пестроте и многообразию, по несхожести исторических судеб и даже в ряде случаев полностью в развитии могут с известным допущением служить миниатюрной моделью всего мусульманского мира.

Обретя, во многом благодаря глобальной конфронтации, политическую независимость, ближневосточные, как и другие освободившиеся государства, оказались перед выбором модели самостоятельного развития. Большинство из них предпочли, “не мудрствуя лукаво”, вступить не без влияния прежних колониальных метрополий на традиционный капиталистический путь развития. Другие, и их было меньшинство, в поисках решения своих острейших политических и социально-экономических проблем попытались стать новаторами и воплотить у себя заимствованные социалистические схемы.

Со времени этого исторического выбора прошло 40–50 лет, так что можно подвести некоторые, пусть для отдельных стран предварительные, итоги.

Главный из них для стран обеих ориентаций – неутешителен.

Лишь очень немногим из них, да и то крупнейшим и богатым природными и людскими ресурсами, удалось до известных пределов вырваться из пут зависимости, доставшейся от колониальной эпохи, модернизировать архаичные хозяйственные структуры, приблизиться к уровню промышленно развитых государств, стать, по модной ныне и во многом пока спорной терминологии, “новыми индустриальными странами”.

В целом же арабский, как и в подавляющем большинстве своем весь мусульманский мир, остался на положении мировой деревни, снабжающей капиталистический город сырьем и дешевой (часто нелегальной) рабочей силой. Его удел – “догоняющая” модель развития.

Более того, как отмечалось на прошедшем в июне 1994 г. в египетской столице совещании министров иностранных дел стран-членов Движения неприсоединения, многие проблемы, с которыми эти страны подошли к независимости, такие как беспросветная нищета и забитость широких слоев населения, а зачастую и голод, уозость внутреннего рынка и скудость источников накопления, за десятилетия самостоятельного развития не только не нашли своего разрешения, но и еще более обострились.

Характерен комментарий, приуроченный к работе совещания каирской газетой “Аль-Ахбар”, которая отмечала, что во времена “холодной” войны народам “третьего мира” жилось лучше, чем сейчас. Вместо мира, справедливости и уважения прав человека они получили серию кровопролитных вооруженных конфликтов.

На этом неблагоприятном фоне в мусульманском мире усиливаются настроения безысходности и социального отчаяния, растет внутренняя нестабильность, выливающаяся в череду пе-

реворотов, перманентную борьбу за власть, ожесточенные региональные конфликты, создающие серьезную угрозу международному миру и безопасности (вспомним, к примеру, почти десятилетнюю кровопролитную, варварскую и практически безрезультатную войну между Ираком и Ираном, неожиданный захват Ираком Кувейта и тому подобные столкновения, которым в современном мире конца не видно).

Не стали панацеей от всех бед и резко возросшие в первой половине 70-х годов доходы арабских, как и других из “третьего” мира экспортеров нефти. Они не привели к структурным сдвигам в экономике, хотя заметно ускорили развитие отдельных стран. Большая же часть доходов оказалась вложенной за пределами региона.

Для иллюстрации приведем лишь одно сравнение: объем зарубежных капиталовложений в экономику арабских стран в 2004 г. не превышал сравнительно скромной величины в 8 млрд. долл., тогда как арабские инвестиции зарубежом в том же году достигли 1,5 трлн. (!) долл.⁵.

В целом же арабский регион, как и прежде, остается, главным образом, поставщиком сырой нефти и импортером обширной гаммы промышленных и продовольственных товаров.

Более того, рост цен на нефть повлек за собой углубление противоречий в мусульманском мире, привел к еще большему размежеванию между богатыми и бедными странами. Многие ближневосточные политологи справедливо полагают, что нефть и доходы от нее лежат в основе нынешних и будущих конфликтов в регионе и за его пределами.

Развернувшиеся на рубеже веков процессы глобализации лишь добавили проблем арабским странам, подавляющее большинство которых, как справедливо отмечает российский исследователь А.А.Ткаченко, “изрядно задер-

жались со стартом назревших экономических и политических реформ. Нельзя забывать и о том, что арабские страны в основной своей массе относятся к государствам с относительно низким уровнем экономического развития.

Так, годовой доход на душу населения здесь составляет 1000–2000 долл.

Для региона, за некоторым исключением (нефтедобывающие монархии Залива), характерно наличие огромного “социального дна” – доходы от 20–30 до 40% и более населения ниже или едва соответствуют прожиточному минимуму⁶.

Тревожные выводы напрашиваются и после анализа данных, содержащихся в докладе Программы развития ООН (PNUD) и Арабского фонда экономического и социального развития (АФЭСР), опубликованном в г. Аммане (Иордания) 20 октября 2003 г.⁷.

Приведем для наглядности лишь некоторые из них:

ВВП 21 страны-члена Лиги арабских государств (ЛАГ) и Палестины вместе взятых с населением свыше 280 млн. чел. лишь не намного превышал ВВП всего одной и то не самой развитой страны Западной Европы – Испании с населением в 7 раз меньше, чем арабское.

Число женщин в парламентах арабских стран составляло 3,5% всех депутатских мест, тогда как в остальном мире – 13,5%.

С 1970 г. число грамотных женщин в арабских странах, благодаря развитию систем образования, утроилось, но половина женского населения оставалась незнакомой с азбукой⁸.

На 1 тыс. жителей в арабском регионе приходилось 53 ежедневных газеты, а в развитых странах 285. На арабский язык переводилось в 5 раз меньше работ, чем на греческий, на котором говорят лишь 11 млн. чел. по сравнению с более чем 280 млн. арабов.

За 2000–2001 гг. число пользователей Интернетом в арабских странах возросло на 60%, но доступ к этому всемирному источнику информации имели лишь 1,6%

населения, тогда как в США – 79%, а в Великобритании – 68%.

В сфере научных исследований и технических разработок в арабских странах работало почти в три раза меньше ученых и специалистов из расчета на 1 млн. населения, чем по всему миру (371 и 979, соответственно).

Да и расходы на научные исследования в арабских странах не шли ни в какое сравнение с развитыми: в арабских странах около 0,2 % бюджетных отчислений, тогда как в США – 3,6%, Швеции – 3,8%, Швейцарии и Японии – 2,7%, а во Франции и Дании – 2%⁹.

Число компьютеров на 1 тыс. жителей в 2003 г. в арабских странах составляло 18, тогда как в среднем по всему миру 78,3¹⁰.

Еще более мрачные показатели в 2005 г. сделала достоянием гласности Арабская организация по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО, региональный аналог ЮНЕСКО): число неграмотных в рассматриваемых странах за 35 лет (1970–2005 гг.) не только не сократилось, но и пугающе выросло – с 50 до почти 70 млн. чел. Из этого числа 25% составляли мужчины (старше 15 лет) и 40% женщины.

Удручающие перспективы в сфере народного образования вырисовывались из следующих данных той же организации: 20% детей от 6 до 11 лет и 40% от 12 до 17 лет или 23 млн. молодых людей не посещали школу и таким образом готовились пополнить ряды неграмотных¹¹.

Вялая экономическая конъюнктура приводила к обострению проблемы занятости молодежи. Дело в том, что к середине первого десятилетия нового века 90% производственного потенциала арабских стран все еще составляли средние и малые предприятия. “Золотые времена” взлета нефтяных доходов в середине 70-х годов привели к развитию инфраструктуры, а не обрабатывающих отраслей промышленности (они давали лишь 10,5% ВВП), в которых и

создаются дополнительные рабочие места¹². В условиях острой конкуренции как на страновом, так и региональном и мировом уровнях и при хроническом недостатке финансовых средств эти предприятия, чтобы выжить, были вынуждены идти по линии сокращения числа работающих. В результате ежегодный рост безработицы в арабском мире в рассматриваемый период составлял 2,5%.

К 2005 г. в этих странах было 14% безработных или 12,5 млн. активного населения, в большинстве своем в возрасте от 15 до 24 лет. При сохранении указанных темпов роста к 2020 г. число незанятых в арабских странах может составить 25 млн. чел.¹².

По расчетам Программы развития ООН и Всемирного экономического форума в Давосе, арабским странам в предстоящие 15 лет нужно ежегодно создавать 6 млн. рабочих мест для обеспечения занятости молодежи, вступающей на рынок труда. Это потребовало бы экономического роста на 4% в год, чего в прошлом никогда не было достигнуто¹³.

Не находя достойного применения своих способностей и полученных знаний на родине, многие молодые специалисты из арабских стран отправлялись на Запад в поисках лучшей доли и условий жизни.

С 1998 по 2000 гг. отток только врачей из региона превысил 15 тыс. чел.⁷.

По оценкам Арабской организации труда, если потери арабских стран от "утечки мозгов" в 70-х годах прошлого века составляли 11 млрд. долл. то к середине первого десятилетия XXI в. они увеличились в 20 раз, подскочив до 200 млрд.⁹.

На основе анализа современного положения арабских стран в мирохозяйственной структуре российский исследователь В.М.Ахмедов приходит к выводу о том, что "сегодня большинство арабо-мусульманских стран Ближ-

него Востока переживают переходный, индустриализирующийся характер развития. Это предполагает создание не столько демократических режимов, сколько государства, ориентированного на модернизацию экономики и социальное развитие"⁵.

Социально-экономические факторы консервации отсталости в регионе дополнялись политическими. Борьба с терроризмом, почти полувековая неурегулированность конфликта с Израилем, обострение положения в Ираке служили для многих режимов благодидными предложениями, оправдывающими сохранение существенных ограничений демократических прав и свобод.

Недоступность несиловых методов борьбы с несправедливостью усиливала радикальные исламистские тенденции и группы, проповедовавшие насилие.

Отставание от развитых стран Запада, разочарование в избранном пути развития, дискредитация традиционных светских харизматических лидеров приводят в мусульманском мире, что особенно заметно на примере мира арабского, к нарастанию агрессивного национализма, часто облаченного в религиозно-конфессиональные одежды. Отсюда поиски своего, особенного, "третьего", ни капиталистического, ни социалистического пути развития, претензии к развитому капиталистическому миру относительно компенсации за отсталость.

С другой стороны, не следует сбрасывать со счета и такой "колониальный комплекс", как потребительское, иждивенческое отношение правящих кругов многих мусульманских стран к связям с бывшими метрополиями, осознанная или нередко подсознательная ориентация на них в вопросах внутренней и внешней политики.

В этих условиях нередко происходит "сшибка" поднимающейся волны

национализма и коллаборационистских тенденций в политике верхов, что приводит к накоплению в ряде стран горючей, взрывоопасной смеси недовольства широких масс коррумпированностью, заангажированностью правящих кругов перед Западом.

Оказываясь между занесенным над ними американским молотом и накопленной народной недовольства, правящие режимы в арабских странах не прочь продемонстрировать приверженность национальным и мусульманским ценностям, несколько снижая препоны перед исламистами, дабы “сбросить давление во внутривластном котле”. Переводя стрелку ответственности на Запад и, прежде всего, США за сложившееся положение (социальная и экономическая стагнация, коррумпированность властей всех уровней, бесконечное затягивание с решением палестинской и других общеарабских, региональных и страновых проблем) официальные власти фактически подыгрывают исламистам, вторят их обличительной риторике, тормозят попытки произвести объективный и непредвзятый анализ сложившегося трудного положения.

Заигрывание с исламистами позволяет правящей верхушке решать еще одну первостепенную задачу для обеспечения и подкрепления своего господствующего статуса – ослаблять демократическую оппозицию как опасного политического конкурента.

В отношениях же с США и другими западными странами правящие круги выдают всю оппозицию за исламистскую, требуют для себя поддержки и содействия в ее обуздании.

Широкое политическое и социальное маневрирование, традиционное формирование правящей верхушки по принципу лояльности, а не профессионализма, открыто авторитарные методы правления ведут к образованию в

регионе кланов, стоящих у власти по 20–30 лет.

Как пошутил в беседе с автором один из крупных иракских бизнесменов, вынужденно покинувший родину во времена баасистской диктатуры, “у нас правители не уходят в отставку, их либо убивают, либо бросают в тюрьму, либо они вынуждены спасаться бегством от расправы”.

Сохраняющаяся напряженность в регионе, отсасывающая треть ВВП арабских стран на военные нужды и оставляющая менее его четверти на нужды развития, дает властям удобный повод для продолжения антидемократического курса под предлогом мобилизации внутреннего фронта и всех ресурсов на отпор внешним врагам. Напомним в этой связи, что чрезвычайное положение, введенное в АРЕ после убийства А.Садата (октябрь 1981 г.), до сей поры не отменено. В условиях чрезвычайных законов живут и многие другие арабские страны.

Вспоминается весьма близкий к региональной действительности сатирический рисунок в газете “Аль-Хайят” – к позорному столбу прикован арабский диссидент, рядом палач угрожающего вида с бичом в руке, гневно вопрошающий: “Как ты смеешь молить о свободе, когда Палестина остается несвободной?”.

Анализ положения с демократией в арабском мире привел специалистов ООН к выводу о том, что “он является самым несвободным регионом планеты”⁸.

Практическое отсутствие демократической свободы самовыражения, подавление любого проявления секулярной активности, отходящей от официальной линии, развязывают руки исламистам, подкрепляя их лозунг о необходимости отказа от чужеземного влияния, возврата в прошлое, о строительстве религиозного государства и возрождении халифата.

В условиях ужасной отсталости и беспросветной нужды большинства населения сохраняют свою привлекательность и социалистические идеи и, прежде всего, принцип социального равенства.

Показательно в этой связи, что неуловимый лидер "Аль-Каиды" У.бен Ладен в своем видеообращении, приуроченном к шестой годовщине сентябрьских событий 2001 г., активно прибегал к социалистической риторике.

Таким образом, поиск исторического будущего, который ведут сегодня большинство мусульманских стран, не исключает возвращения к социалистической парадигме, к идее социальной справедливости, столь привлекательной для обездоленных масс, что, в свою очередь, грозит новыми конфликтами и взрывами в обширнейшей зоне мира с населением, превышающим миллиард человек.

К этому добавляется недоверие и настороженность, которые в мусульманских странах испытывают к американским замыслам "нового порядка на Большом Ближнем Востоке" и "демократизации" непокорных стран, считая их, и не без оснований, подновленными планами претворения в жизнь вожделенной мечты США о мировом господстве, о превращении мира в *"Pax Americana"*. Арабские страны, к примеру, на опыте своей современной истории хорошо знают, что эти стратегические построения на практике оборачиваются американским "железным кулаком", который обрушивается то на Ливию, то на Ливан, то на Ирак.

Показательна в этой связи критика, прозвучавшая в выступлении президента Египта Х.Мубарака (май 2006 г.) на Всемирном экономическом форуме в Шарм аш – Шейхе. Он обвинил США в проведении политики двойных стандартов в международных отношениях, в игнорировании позиции мирового

сообщества относительно вторжения в Ирак, во вмешательстве во внутренние дела иностранных государств¹⁴.

Чего стоит, к примеру, инициированный американцами и израильянами и поддержанный европейцами бойкот палестинского правительства, сформированного в начале 2006 г. после победы демократическим путем на выборах Движения исламского сопротивления – Хамас. Он не только не достиг целей, поставленных его инициаторами, а именно: всемерное ослабление и отстранение от власти Хамас, но и принес обратные результаты, чреватые дальнейшим осложнением ситуации на палестинских территориях и поисков политических развязок ближневосточного конфликта, тлеющего уже без малого 60 лет и дающего время от времени рецидивные вспышки ожесточенного вооруженного противостояния, как это было летом 2006 г.

На опасность подобного рода "санкций" указал Специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку, заместитель министра иностранных дел РФ А.В.Салтанов, выступая на брифинге 6 апреля 2007 г.: "Мы в принципе изначально были против какого-либо наказания палестинцев за тот демократический выбор, который они сделали в рамках избирательной кампании. Более того, по нашему мнению, различные санкции, ограничения и блокады в принципе вредны. Поскольку от них, прежде всего, страдают простые палестинцы.

А это значит, что у значительной части палестинского населения накапливается неудовлетворенность, и, если хотите, гнев, который может вылиться в самые различные проявления.

*А такими настроениями, безусловно, будут пользоваться те силы, которые не хотят стабильности, не хотят возобновления переговорного процесса между палестинцами и Израилем (выделено – Авт.)"*¹⁵.

Аналогичный обратный эффект имели и умышленные провоочки с пре-

крашением огня в Ливане летом 2006 г.: израильтяне, несмотря на явную и скрытую поддержку США, не смогли сломить сопротивления Партии Аллаха (Хизбуллы). В результате позиции исламистов как в Ливане, так и на палестинских территориях заметно укрепились. Решение же краеугольной задачи мирного и долгосрочного урегулирования на Ближнем Востоке было отброшено далеко назад.

Предвидя такой отрицательный эффект от силовой линии США и их союзников, Россия последовательно выступала за настойчивую и кропотливую политическую работу с новым демократически избранным палестинским руководством, за немедленное прекращение огня в Ливане и решение всех спорных вопросов переговорами.

Москва заняла принципиальную позицию и относительно оккупации Ирака коалиционными войсками во главе с США в марте 2003 г., справедливо посчитав ее крупной ошибкой. Практика как лучший критерий истины полностью подтвердила обоснованность такой оценки.

В сфере экономики, где, на наш взгляд, следует искать главные причины нарастания террористической угрозы, одним из главных препятствий на пути ликвидации дисбаланса и отсталости в развитии стран “третьего” мира и арабских, в частности, остается

банальное нежелание крупного монополистического капитала пойти хотя бы на некоторое изменение сути современной структуры мирохозяйственных связей, в которой странам мусульманского мира, а теперь, судя по всему, и России, отводится прежняя роль сырьевой периферии.

Вспомним в этой связи весьма печальные итоги развернувшегося было в середине 70-х годов прошлого века движения “за новый экономический порядок”, инициаторами которого, кстати, были все те же арабские страны. Западные державы, умело играя на противоречиях между участниками движения, сумели в значительной степени притупить его острие, свести дело к незначительным уступкам и послаблениям в сфере международной торговли, которые в дальнейшем были “съедены” изменившейся не в пользу поставщиков сырья конъюнктурой мировых рынков.

В последние годы монополии, правда, больше внимания уделяют инвестиционной экспансии, переносу трудо- и энергоемких, экологически и гигиенически вредных производств в мусульманскую зону мира, где рабочие готовы трудиться по 12–14 час. в сутки за гроши, чтобы прокормить себя и свои семьи, а санитарные и экологические нормы и ограничения значительно более либеральны, либо отсутствуют вообще.

Оказание радикальной “помощи развитию”, тем более возросшему числу просителей, становится все менее популярным в правящих кругах и общественном мнении индустриальных центров Запада и Востока, которым также не чужды такие тяжкие, ставшие хорошо знакомыми россиянам явления, как спад, инфляция, кризисы.

Скорее всего, промышленно развитые страны на данном этапе мирового развития будут стремиться сохранить “статус кво” в своих взаимоотношениях с мусульманским миром, подбрасывая ему время от времени кое-что от щедрот своих “на бедность” для предупреждения или тушения конфликтных возгораний. Об обоснованности такого прогноза свидетельствуют весьма скромные и расплывчатые масштабы “помощи реформам” в странах Большого Ближнего Востока, намеченной, по инициативе США, “восьмеркой” в июне 2004 г.

В этих непростых и противоречивых условиях проблемы развития стран мусульманского мира, способные стать мощным пускателем для нового витка международных противоречий и напряженности, от которых мир еще не успел как следует оправиться, приобретают кардинальное значение и общемировое звучание.

В складывающейся новой обстановке сравнительной социально-политической однородности современного мира рассматриваемые страны вынуждены решать насущные задачи своего развития в одиночку, рассчитывая лишь на свои собственные, часто весьма ограниченные возможности и силы. Если ранее, маневрируя между двумя полюсами мировой политики, искусно играя на их противоречиях и взаимоотталкивании, многие из них могли в некоторой мере рассчитывать на помощь и поддержку, то теперь эта возможность исчезла.

Сильные мира сего во главе с США даже при всем осознании серьезности и важности проблем “третьего” мира для исторических судеб человеческой цивилизации не в состоянии вытянуть эти страны из пучины социально-экономической отсталости.

Показательно в этой связи мнение такого видного американского деятеля, как Дж.Шлезинджер, занимавшего в свое время целый ряд влиятельных постов (министр обороны, директор ЦРУ и проч.), которое дает представление об умонастроениях в американском политическом истеблишменте: “С окончанием “холодной” войны и исчезновением ее уникального дисциплинирующего влияния мир становится скорее более, чем менее анархичным. США не призваны, да и не могут избавить мир от всех его бед и напастей”¹⁶.

Действительно, при длительном сохранении в сфере внешней политики реликта “холодной” войны – прежней конфронтационной, блоковой логики можно ожидать регенерацию международной напряженности под влиянием проблем развития мусульманского мира, игнорируемых по большей части мировым сообществом.

Примечания

¹ Arab News. 12.09.2007

² Le Monde diplomatique (на русском языке). Май. 2007.

³ Foreign Affairs. November / December. 2006. P. 4–5.

⁴ Le Monde. 02.05.2006

⁵ Ахмедов В.М. Арабский мир – пути развития // www.iimes.ru

⁶ Ткаченко А.А. Арабский Восток и новый мировой порядок после падения режима С.Хусейна // www.iimes.ru

⁷ Le Monde. 23.10.2003

⁸ Jeune Afrique / l'Intelligent 21.10–3.11.2002. P. 108, 104.

⁹ Asharq Alawsat. 31.07.2007.

¹⁰ Le Monde. 27.02.2004.

¹¹ Jeune Afrique / l'Intelligent. 23–29.01.2005. P. 11.

¹² Jeune Afrique / l'Intelligent. 21.10–3.11.2002. P. 107.

¹³ The International Herald Tribune. 26.01.2004.

¹⁴ Associated Press. 21.05.2006.

¹⁵ www.mid.ru 08.04.2007.

¹⁶ Foreign Affairs. America and the World. 1992/93. P. 27.

Монголия в поисках новой стратегии безопасности

Батсайхан Авирмед

Исчезновение Советского Союза, трансформация биполярной системы международных отношений и политические процессы в странах бывшего социалистического лагеря 90-х годов приводят к изменению национальных стратегий этих стран и новым геополитическим ориентациям.

Интересна в этом контексте Монголия, историческая судьба которой тесно связана с Россией.

Прежде всего следует отметить роль России/СССР в обретении Монголией своей государственности в начале XX столетия, а в последующем в поддержке становления ее суверенитета, экономического и культурного развития¹. С другой стороны, Монголия попала под “опеку” Советского Союза, которая хотя и приносила ей определенную выгоду, но фактически привязывала ее к внешнеполитической стратегии одной сверхдержавы и в этом плане делала ее зависимой от нее.

Страна играла в прошлом роль геополитического “буфера” в отношениях Российской империи и СССР с Китаем.

Указанные обстоятельства оказали влияние на формирование внешнеполитического курса Монголии после распада СССР и соцлагеря.

В постсоциалистический период перед Монголией встал вопрос о гарантиях безопасности. Причем решение этого вопроса у Монголии принципиально отличалось от подходов стран ЦВЕ, например Польши, такого же ближайшего и давнего исторического соседа России. Страны ЦВЕ посчитали, что их безопасность может обеспечить только НАТО, причем такая ориентация определялась страхами времен “холодной” войны, но не реальной ситуацией в Европе.

Распад Советского Союза коренным образом изменил международные позиции Монголии. Монголия получа-

ет возможность самостоятельно определять свой внешнеполитический курс и международные связи. Иной стала и международная обстановка на границах Монголии.

Появление рядом с Монголией новых центральноазиатских независимых государств предоставляет стране возможность выхода во внешний мир, минуя Россию и Китай.

Следствием окончания “холодной” войны явился и развал стратегического треугольника: СССР – США – КНР, в прошлом делавшего Монголию геополитическим “заложником” противостояния трех сверхдержав². Это соответ-

ствующим образом сказались и на монголо-российских и монголо-китайских отношениях. Монголо-российские и монголо-китайские отношения находятся ныне в процессе формирования их места в региональной структуре и повышения эффективности, чему всемерно содействует внешнеполитическая и дипломатическая деятельность монгольского государства на российском и китайском направлениях.

В частности, в 1996 г. в Пекине тремя сторонами был подписан протокол об установлении границ на стыках западных и восточных участков границ России, Монголии и Китая, то есть впервые были установлены и закреплены пункты на пограничных стыках.

Для России через Монголию лежит путь к установлению сбалансированных отношений с Китаем, который объективно заинтересован в постоянном российском присутствии в Монголии, так как это является сдерживающим фактором для значительного расширения влияния США, Японии и других государств в этом регионе. Причем сохранение позиции России в Монголии отвечает не только ее, но и региональным, даже общемировым интересам, содействуя стабилизации положения и в АТР в целом.

Улучшение же российско-китайских и, в определенной степени и на какое-то время, российско-американских отношений положительно сказалось на геополитическом и геоэкономическом положении Монголии.

Стоит напомнить, что в период между 1952 и 1962 гг. – десятилетие более или менее дружественных отношений между СССР и КНР – Монголия получила немало выгод от взаимного сотрудничества с ее соседями, пока те не вступили в полосу идеологического и геополитического противостояния.

Монголия никогда не исключала возможности восстановления нормаль-

ных добрососедских отношений с Китаем.

В программе действий нового монгольского правительства (декабрь 1990 г.) было зафиксировано, что Монголия “будет проводить внешнюю политику, направленную на расширение эффективного сотрудничества с КНР в торговой, экономической, культурной и научно-технической областях”.

Теперь восстановление нормальных китайско-российских отношений можно рассматривать как фактор, открывающий перед Монголией новые и благоприятные для ее безопасности и развития возможности.

В Концепции национальной безопасности Монголии указывается, что Монголия придает первостепенное значение отношениям с двумя соседними странами. Имелось в виду, что будет проводиться политика укрепления взаимного доверия с обоими государствами и всемерного развития с ними дружественных, добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества.

Практические вопросы развития монголо-китайских отношений были весьма детально оговорены во время официального визита в Улан-Батор Председателя КНР Ян Шанькуня в 1992 г. и ответной поездки в Пекин Президента Монголии П.Очирбата и премьер-министра Монголии Д.Бямбасурэна, имевших большое значение для открытия нового этапа в развитии отношений двух исторических соседей.

Во время встреч Монголия и Китай заверили друг друга во взаимном признании государственного суверенитета (для монгольской стороны это имело принципиальное значение), невмешательства во внутренние дела и уважении целостности их территорий.

Для нормализации отношений между двумя странами важную роль сыграл и вывод по инициативе Москвы советских войск с территории Монголии.

Результаты восстановления нормальных отношений и их уровень зафиксирован в Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР, подписанном в Улан-Баторе во время пребывания там правительственной делегации КНР во главе с премьером Ли Пэнном (апрель 1994 г.). По словам китайского премьера, КНР не будет чинить препятствия Монголии в установлении ее отношений с другими государствами, а между “КНР и Монголией нет больше нерешенных проблем”¹. Новый договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР заключен на бессрочной основе.

В то же время у Монголии могут по-прежнему сохраняться прежние опасения в отношении южного соседа, стимулируемые усилением его экономической и военной мощи и идеями о воссоздании “Великого Китая”³ в существовавших ранее границах.

Остается проблема незаконной миграции китайцев в Монголию и их “оседания”, что сопровождается скупкой недвижимости и т.д. Усиливается экономическая зависимость Улан-Батора от Китая, прежде всего по основным продуктам питания. В свою очередь Пекин “ревниво” относится к расширению связей Монголии с США, НАТО и Японией.

Поэтому вполне закономерно, что Монголия, считая отношения с Россией и Китаем приоритетными для своей внешней политики, стремится нейтрализовать потенциальные последствия прежней своей прочной политической и экономической привязки к своим великим соседям и использовать предоставленный ей историей шанс для развития отношений с географически более удаленными и не менее сильными партнерами.

Учитывая фактическое отсутствие эффективной национальной и/или ре-

гиональной системы безопасности, угрозой Монголии является локальная напряженность, возникающая на ряде территорий китайских и центральноазиатских районов, примыкающих к Монголии или близких от нее. У Монголии нет возможности обезопасить себя от вовлеченности в подобные конфликты, включая этнические и религиозные волнения, наплыв в страну беженцев. Очевидно, Монголии не хватает политических, экономических и военных средств, чтобы защитить себя или оказать влияние на конфликтующие стороны. Поэтому Монголия, с одной стороны, надеется на Москву и Пекин, а с другой – на помощь и поддержку других стран.

В отличие от того исторического периода, когда судьба Монголии определялась развитием российско-китайских, а затем советско-китайских отношений, в настоящее время в монгольских делах фактор третьей стороны¹ в лице США, Японии и других западных стран значительно возрастает. Можно сказать, что “геополитическая мечта” монголов вырваться из дружественных или не очень дружественных объятий своих “ревнующих” друг к другу и к Монголии ближайших соседей и иметь третьего партнера становится реальностью.

Понятно и оправданно, почему монголы хотят иметь третьего партнера. Сама ситуация развития многополярности мира объективно предоставляет такую возможность. Улан-Батор считает, что наличие сильного третьего партнера было бы существенно важным противовесом в отношениях Монголии с ее непосредственными соседями.

Монголия знает на своем историческом опыте, что существование лишь между двумя конкурирующими сверхдержавами может быть фатальным для любого периферийного государства,

игравшего роль геополитического буфера, поскольку это может означать союз с одним и отчуждение от другого или что страна может стать полем столкновения двух соседних государств.

Возможно, Монголия больше, чем какая-либо другая страна, испытывала негативные последствия такого положения в прошлом, когда она стала периферией сначала одной, а затем другой империи.

В настоящее время Монголия уже фактически приобрела или находится в процессе обретения важного для нее третьего партнера, но не одного государства. Это – диверсификация ее внешних связей как таковых, то есть развитие связей с целым рядом государств: Японией и Южной Кореей, Германией и США и др., а также международными финансовыми и экономическими институтами: Мировым банком, МВФ, Азиатским банком развития и др.

Такой подход позволяет Монголии проводить сбалансированную в экономическом и геополитическом отношении политику, но не против кого-либо, а во имя национальных интересов.

Тот факт, что “третий партнер” является коллективным, а его интересы в основном сосредоточены на получении доступа к природным ресурсам Монголии и экономической выгоды, оставляет как бы за скобками безопасность государства, собственные возможности которого весьма ограничены. И это в то время, когда рядом две великие державы и проблемные в плане стабильности регионы, а субъекты “коллективного партнера” имеют или могут иметь расходящиеся геополитические интересы. Кроме того, монгольское общество еще не преодолело свой страх перед Китаем, а вывод советских войск хотя бы формально ставит вопрос о защите границ страны. Отсутствие тех гаран-

тий безопасности, которые предоставлял СССР, создает внутреннее чувство уязвимости.

Таким образом, “третий” партнер пока не стал гарантией надежной безопасности, а если когда-то он сможет формально реализоваться, то во всех случаях этот “третий партнер” не обойдется без согласования своих действий с соседями Монголии.

Другими словами, Россия и Китай и российско-китайские отношения продолжают оставаться важным фактором, влияющим на безопасность и развитие Монголии. Более того, по большому счету, эти соседи все-таки привычнее, а если говорить о России – надежнее и проверенные на практике в плане человеческих контактов, которые в определенной степени сохраняются и в настоящее время.

Безусловно, в интересах Монголии, чтобы китайско-российское сотрудничество в сфере безопасности было успешным, прежде всего, в восточно-азиатском регионе, а также в Центральной Азии. Со своей стороны, Монголия готова присоединиться к любым усилиям, направленным на поддержание региональной стабильности.

В любом случае, пример Монголии свидетельствует, что эта страна нашла свою собственную модель безопасности, построенную не на оппозиции к своей бывшей “метрополю”, а на балансе и совпадении интересов с ней и другими странами. В этом плане национальная стратегия Монголии принципиально отличается от стратегий некоторых постсоциалистических стран на западной периферии Российской Федерации.

Форсированная интеграция стран Центральной Европы в политические, военные и экономические структуры Запада формирует вызовы европейской безопасности и представляет собой ос-

новную проблему в процессе формирования новой европейской идентичности, в том числе в контексте отношений ЕС и России.

Это связано с существенной трансформацией ЕС и НАТО количественно и качественно за счет стран Центральной Европы.

Политическая ответственность за современный этап европейского процесса лежит, прежде всего, на государствах Западной Европы. Они инициировали или дали согласие на “возвращение” бывших стран соцлагеря в европейское лоно. Они же являются экономическими гарантами этого этапа. В свою очередь, от самих стран и народов Центральной Европы зависит, как они преодолеют свои комплексы и сохранят ли они свою идентичность при интеграции в ЕС и НАТО.

Польша и некоторые другие страны ЦВЕ в своей политике безопасности делают ставку на США, что не способствует европейской консолидации. С другой стороны, силовая политика Вашингтона усиливает антиамериканские настроения на европейском континенте.

После исчезновения с политической карты СССР страны ЦВЕ – не без помощи Запада – находят для себя новую “угрозу” в лице Российской Федерации. Хотя это мнимая угроза, но она мобилизует националистические настроения, которые, по сути, блокируют европейский процесс в его культурно-ценностной части. И в этом плане для западной демократии проблемой остается именно восточная периферия Европы, где не без участия Вашингтона фобии остаются значимым фактором политического процесса.

По мнению специалистов, “парадокс состоял в том, что, отправляясь в поход за

обретение европейской идентичности, страны ЦВЕ обрели ... идентичность не столько европейскую, сколько атлантическую”¹⁴.

Более того, если практически все участники нового этапа расширения Европы через вступление в НАТО или ЕС ожидали, что вхождение стран ЦВЕ вызовет определенные опасения со стороны принимающих и тех, кто (прежде всего, России) останется за границами расширенной Европы, то “вряд ли кто мог полагать, что вступившие или еще только намеревающиеся вступить в тот или другой союз государств ЦВЕ могут быть с ходу использованы в качестве инструмента противостояния между противоборствующими группировками внутри НАТО и ЕС, могут изменить сложившуюся в них конфигурацию сил”¹⁴.

Ситуация вокруг расширения НАТО на Восток свидетельствовала о сохранении стереотипов не только “холодной” войны, но и исторических страхов стран Центральной и Западной Европы в отношении реальной и мифической угрозы с Востока. Тем более что во внутривнутриполитической конъюнктуре стран Центральной Европы традиционного разыгрывалась российская карта.

Для создания приемлемой для Европы геополитической ситуации необходимо для всех заинтересованных стран, включая Россию и постсоветские республики установление баланса политических факторов и фактора региональной безопасности, что и создало бы условия для ускорения процесса распространения и внедрения демократических ценностей в постсоциалистических странах. Сохранение же атмосферы “холодной” войны и попытки постоянно в чем-то обвинять Россию или предъявлять ей претензии только препятствует указанному процессу, играет на руку “ястребам” из политических и военных кругов.

Безусловно, что в современных монголо-российских отношениях есть свои проблемы.

В 90-е годы эти отношения переживали период упадка, но и одновременно переоценки прежнего опыта.

В России, точнее в Москве, как бы забыли о Монголии, а в Монголии можно было наблюдать некоторые националистические выпады радикальных кругов общественности.

“Правда, – как отмечает известный монголовед С.Г.Лузянин, – русофобия быстро прошла, так как традиционно монголы ... всегда относились и относятся к России и русским с большой теплотой и дружелюбием”².

Сложнее обстоит дело с развитием экономических связей. Здесь одних политических усилий не достаточно. Во многом перспектива этих связей зависит от развития восточных регионов России – это дело времени. Но в Монголии русских по хорошему помнят и ждут.

Примечания

¹ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М., 2002. С. 70, 77–94, 179.

² Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. М., 2007. С. 385.

³ Волохова А.А. Основы китайской дипломатии. М., 2007. С. 120–145.

⁴ Давыдов Ю.П. Новый атлантизм против старого европеизма // Европейская безопасность. 2003. № 8. С. 9.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Национальные вызовы, угрозы и риски безопасности

Государство и его безопасность в условиях глобализации

Константин Кокунов

С учетом обозначенной проблематики, необходимо предварить ее рассмотрение следующими принципиальными замечаниями о соотношении понятий “государство” и “глобализация”.

Во-первых, глобализация – это объективная реальность, оказывающая мощное воздействие на все стороны жизни государства и общества. Конечная цель этого процесса – по определению – формирование единой планетарной цивилизации. Существуют теории, которые обосновывают возможность такой цивилизации.

Во-вторых, в связи с явлением глобализации возникает проблема судьбы государства как общественно-политического института. В западной политической науке глобализацию нередко рассматривают с неолиберальных позиций без учета национальных, экономических и других интересов отдельных стран, и ряд теорий обосновывают ослабление роли национальных государств на фоне формирования мировых структур управления и экономики¹. Французский социолог Ж.-М.Геено пишет о кризисе нации-государства и о его неминуемом уходе в будущем и исторической арене².

Другие исследователи, однако, придерживаются противоположных взглядов. Такие политологи-международники, как А.Гроссер, М.Элюроу, Х.Спруит и другие, отмечая, что хотя государства утрачивают прежнюю монополию в сфере международных отношений, они по-прежнему остаются ключевыми игроками на этом поле. Их отношения – это основа системы мировых связей. Р.Робертсон считает развитие национальных государств “одним из аспектов глобализации”².

Подобная точка зрения наиболее реалистична.

Государственные интересы не всегда совпадают с региональными и другими векторами, а в ряде случаев – именно эти, государственные интересы и преобладают. Яркий пример – мир ислама, в рамках которого наблюдается открытое и скрытое соперничество между странами.

Отмирание государства – это вопрос весьма отдаленного будущего. Отметим также, что вопросы внутренней безопасности остаются в начале XXI в. в ведении национальных государств.

Основные подходы к определению понятия “национальная безопасность”

Что касается собственно национальной безопасности, то дискуссия по ее определению идет со второй половины XX в., когда все явственнее стали обозначаться глобальные проблемы, рост взаимозависимости государств, новые угрозы и вызовы.

Уже в 60–70-е годы ученые указывают на ее многоаспектный характер (А.Вульфс). Безопасность все чаще трактуется как широкий набор целей и задач, их комбинаций.

После слома “биполярной” системы миропорядка и окончания “холодной” войны все чаще на передний план выдвигаются те компоненты безопасности, которые ранее оставались “в тени”, включая и политические. Так, в Стратегической концепции НАТО 1991 г. отмечалось, что “безопасность и стабильность имеют политические, экономические, социальные и экологические элементы, а также необходимое оборонное измерение”.

Широко известна с 90-х годов и стала уже “классической” трактовка безопасности Б.Бузона³, которая включает в себя следующие 5 “секторов” безопасности:

- традиционную военную безопасность;
- политическую;

- экономическую;
- экологическую;
- социально-культурную безопасность.

В России преобладают аналогичные подходы.

Так, известный специалист в области национальной безопасности, военного строительства и военной доктрины генерал-полковник В.Манилов в содержание понятия “национальная безопасность” включает военную, социально-политическую, экономическую, экологическую и информационную безопасность⁴.

Вместе с тем, меняется (расширяется) и само содержание национальной безопасности в целом: если ранее это было почти исключительно государство, то теперь в это понятие входит также защита интересов групп людей и личности. Некоторые зарубежные ученые (О.Уивер) считают, что “центр тяжести” перемещается именно в этом направлении. С этим солидарны и многие российские исследователи⁵.

Так, предложена концепция безопасности личности, которая впервые была представлена в ежегодном Докладе Программы Развития ООН в 1994 г., подготовленном коллективом, возглавляемым Джеймсом Г.Спесом при содействии специального консультанта Махбуба Уль Хака⁶.

Обобщение опыта классификации видов безопасности

Наглядное представление о современном комплексном подходе к национальной безопасности дает ее классификация по основным видам, базирующаяся на обобщении российских и зарубежных источников.

Национальная безопасность подразделяется на виды в зависимости от следующих факторов:

- масштаба (национальной, региональной/субрегиональной. Два последних вида в масштабе части или района страны).

Для России, например, безопасность региона Дальнего Востока, Северного Кавказа, Калининградской области и т.д.);

- местонахождения источника угроз (внешняя/внутренняя);

– субъектов (реже: объектов) защиты, то есть тех, кого защищают (личность, гражданское общество, государство, иные объекты).

Например, диаспора и субъекты обеспечения безопасности, то есть те институты (функционеры), которые разрабатывают и реализуют меры безопасности (президент, исполнительная власть, военное ведомство, спецслужбы и т.д.);

– характера угроз, имеющих природный, антропогенный и социальный характер;

– от сферы реализации мер безопасности или сферы жизнедеятельности государства (военная, экономическая, социально-политическая, экологическая, информационная).

Отметим, что существуют и другие градации видов безопасности (напри-

мер, бытовая безопасность, безопасность животного и растительного мира и т.д.). Однако они либо производны, вторичны, либо недостаточно емки, либо принципиально не столь весомы.

С точки зрения управления угрозами и рисками государственной безопасности наиболее важно деление видов безопасности по характеру угроз и сферам реализации.

Характер угрозы наиболее четко определяет ее природу, что позволяет выделить ее из массива других угроз.

В обществе, государстве жизненно важные интересы всех субъектов или объектов безопасности подвергаются воздействию самых разных угроз, в связи с чем особую практическую значимость имеет подразделение видов безопасности по сферам реализации (жизнедеятельности).

Проблема количественной оценки угроз и рисков национальной безопасности

Задача разработки методов измерения уровня национальной безопасности крайне сложна. Решать же ее необходимо для точного определения уровня текущего состояния безопасности и, соответственно, для обнаружения и предупреждения угроз безопасности.

Реально применимых прямых методов такого рода пока не существует. Отметим, что их целью является выражение через количественные параметры определенных абстракций, умоглядных конструкций, позиционируемых как составляющие национальной безопасности. В роли таких составляющих выступают, прежде всего, национальные интересы, поскольку именно через них и через угрозы им современная теория склонна толковать суть и состояние национальной безопасности.

Поскольку речь идет об измерениях, то ясно, что необходим некий набор индикаторов.

В России для его разработки предлагаются два основных подхода⁷.

В рамках первого из них предлагается определять так называемые пороговые значения некоторого набора социально-экономических показателей. Последние при этом отражают лишь текущее состояние страны, а не ее национальные интересы. Они ориентированы исключительно на определение допустимого порога ухудшения реальной ситуации в различных сферах жизнедеятельности. Отсюда – условность данного метода.

В рамках второго подхода делаются попытки разработать методы оценки степени опасности угроз безопасности. Предлагается сформировать набор специальных измеряемых показателей по каждой угрозе безопасности и регулярно осуществлять их мониторинг. На основе репрезентативной выборки полученных данных и анализа информа-

ции создается реальная возможность количественно оценить уровень угрозы и степень ее воздействия на состояние безопасности.

Этот метод выглядит более продуктивным, поскольку направлен на оценку конкретных потенциальных и реальных угроз. Однако и в этом случае сохраняется отрыв угроз от интересов. А этого допускать нельзя, так как даже по определению угроза всегда связана с конкретным интересом.

Смещение уровня безопасности с уровнем опасности угроз – это методологическая ошибка.

В связи с вышеизложенным наиболее обоснованным с методологической точки зрения подходом к оценке уровня национальной безопасности, всех ее типов и видов следует признать *метод определения уровня защищенности жизненно важных интересов от угроз*.

Исходя из этой методологии необходимо, в первую очередь, выработать количественно-качественные показатели, отражающие содержание конкретного государственного интереса (одновременно этот метод позволяет дифференцировать на основе объективных количественных оценок также и угрозы безопасности по степени их опасности).

Система таких показателей в любом случае будет иметь иерархическую структуру, поскольку в комплексе интересов существуют главные и второ-

степенные интересы. Кроме того, интересов существует множество, и они взаимодействуют между собой. Поэтому практически необходимо сформировать систему из нескольких показателей по каждому интересу.

В ООН еще в конце 60-х годов началась разработка показателей, которые позволяли бы дать оценку разнообразным потребностям и интересам людей, в частности, по двум категориям – уровень и качество жизни, а в 1990 г. специалистами ООН был предложен интегрированный показатель – индекс человеческого развития (ИЧР), обобщающий три исходных показателя, характеризующих развитие человека: долголетие, образованность и уровень жизни. Расчет последних, в свою очередь, достаточно прост (в общем виде, низкий уровень ИЧР – это показатель менее 0,5, высокий – более 0,8).

Некоторые страны сформировали собственные системы социально-экономических индикаторов.

Развивающаяся в Японии система такого рода включает в себя 140 показателей по различным сферам жизнедеятельности, в том числе 108 показателей, рассчитываемых не только для страны в целом, но и по регионам⁷.

Индикаторы можно выражать в денежной или неденежной форме*. Кроме того, следует учитывать неэкономические показатели. Для корректировки последних необходим их мониторинг и сопоставление с аналогами других стран, регионов, общемировыми.

* Методики такого рода выдвигают ведущие экономические форумы современности и международные организации, например, Всемирный банк. По классификации Всемирного банка, странами с “низкими доходами” считаются государства, в которых доход на душу населения не превышает отметку 825 долл. в год. Страны с показателями 825–3255 долл. в год составляют группу “низкие средние доходы”, группу “высокие средние доходы” образуют государства с показателями 3255–10066 долл. Все остальные страны образуют группу государств с “высокими доходами”.

Россия с ее душевым доходом в 3400 долл. (данные за 2004 г.) признана по этой классификации страной с “высокими средними доходами”. Общемировой показатель средних доходов в 2004 г. составлял 6329 долл. на каждого жителя Земли. (Ежегодный доклад Всемирного банка “Показатели мирового развития”, опубликованном в апреле 2006 г. на весенней сессии Международного валютного фонда и банка в Вашингтоне).

Подводя итог рассмотрению проблемы количественного выражения национальных интересов, отметим, что такой подход, состоящий в формировании матриц соответствующих показателей, фактически осуществлен в ряде развитых стран в практике государственного индикативного планирования.

При распределении всей совокупности угроз безопасности по интересам, а также количественной оценки последних можно переходить к решению задачи оценки уровня защищенности этих интересов от угроз. Решение этой задачи позволяет перейти к научным методам упреждающего управления безопасностью.

Какую методику применить здесь?

Поскольку реализация интересов подвержена воздействию множества самых разнообразных факторов, то все возможные методы этой оценки неизбежно должны иметь вероятностный характер. Такой характер в значительной степени объясняется неопределенностью и нелинейностью изменений окружающего мира в ходе общественного развития. Отсюда возник метод управления рисками.

Применительно к поставленной задаче **риск** – это возможность отклонения фактических результатов деятельности от ожидаемых значений.

Отклонение фактического результата деятельности человека и общества по реализации своих интересов от намеченных целей, вызываемое угрозами безопасности, – есть риск безопасности.

Мерой риска безопасности является вероятность воздействия угрозы, умноженная на возможную величину отклонения от цели.

Расчет рисков изначально затруднен высокой неопределенностью и динамикой развития обстановки в сфере безопасности. Для упрощения и во избежание путаницы риски должны рас-

сматриваться независимо друг от друга и нейтрализовываться индивидуально (это один из важнейших постулатов теории управления рисками).

В целом, *риск безопасности – это управляемый параметр, на уровень которого возможно и необходимо оказывать нужное воздействие со стороны системы обеспечения национальной безопасности.*

Рассчитав уровень риска безопасности по каждой угрозе, находим средневзвешенное значение уровня риска безопасности по каждому виду интереса. Эта величина и выражает степень защищенности интереса от угроз безопасности. Обобщая аналогичным путем значения рисков безопасности, можно количественно оценить степень защищенности совокупности жизненно важных интересов от угроз по тем или иным объектам безопасности или по сферам жизнедеятельности в зависимости от поставленной задачи.

Как же конкретно осуществлять расчет?

В теории управления рисками уже достаточно детально разработаны многие методы оценки рисков в различных сферах человеческой деятельности. Ряд этих методов вполне можно адаптировать к решению задачи расчета уровня рисков безопасности.

К таким методам можно отнести:

- методы математической статистики;
- расчетно-аналитические методы;
- методы экспертных оценок;
- методы экспертных систем;
- методы математического моделирования при измерении рисков.

Наиболее доступным является метод экспертных оценок как комплекс логических и математических процедур, направленных на получение от специалистов-экспертов информации, ее анализ и обобщение для выбора рационального значения оценки.

Управление рисками безопасности – это заблаговременные действия госу-

дарства, его систем и механизмов по снижению уровня рисков и/или нейтрализации угроз национальной безопасности, а также меры по устранению последствий реализации этих угроз.

К методам управления рисками безопасности относятся:

– метод мониторинга окружающей среды, то есть отслеживания изменений обстановки, позволяющего заблаговременно и в приоритетном порядке планировать меры по упреждению (снижению) возможного ущерба;

– метод стратегического планирования деятельности системы национальной безопасности. Это подразумевает прогнозирование и упреждение появления и проявления угроз безопасности, заблаговременная разработка компенсирующих мер и задействования резервов;

– метод использования международных механизмов (систем) безопасности, то есть нейтрализации угроз безопасности, прежде всего, внешних, за счет возможностей мирового сообщества на основе норм международного права.

Суммируя сказанное о проблеме создания системы на основе единых оценочных критериев количественных показателей интересов и угроз национальной безопасности, отметим, что настоящее время существует лишь общая теория национальной безопасности, где много пробелов, а фундаментальной теории пока не сложилось.

Существующие ныне методы, формы и способы использования органов, сил и средств системы обеспечения национальной безопасности в основном направлены на решение задач борьбы с угрозами безопасности, главным образом, в режиме их эффектов, ликвидации последствий уже материализовавшихся угроз.

Примечания

- ¹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: "Арктогея", 1997. С. 127–130.
- ² Мирзаев Р. Геополитика нового Шелкового пути. М.: Известия, 2004. С. 14, 15.
- ³ People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London, 1991.
- ⁴ Зарудин Ю. Национальная безопасность России // Красная звезда. 1999. 9 сентября, С. 3.
- ⁵ Манилов В. Безопасность в эпоху партнерства. М.: Терра, 1999. С. 31–32.
- ⁶ Курбанов Т. Концепция безопасности личности: международно-правовые аспекты // Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века. М., 2002. С. 181.
- ⁷ Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. Прохожева А. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 253, 257–259.

Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации

Илья Гордеев

Особенности парадигмы постмодерна в применении к власти и политике

Современное состояние мировой цивилизации связано с двумя казавшимися бы оторванными друг от друга процессами. Первый – это глобализация, второй – переход западного общества к так называемому состоянию постмодерна. Оба явления у всех на слуху, и в литературе часто наделяются схожим набором признаков: тотальная информатизация, научно-технологическая революция, гипермобильность, открытость и т.д., однако редко исследуются как целостная система.

На самом деле постмодерн распространяется не только на искусство и философию, но обнаруживает весьма четкие отражения в мировой экономике и политике, и наоборот, глобализация затрагивает культурные основы всех современных государств.

Постмодерн и глобализация отражают западную фазу мирового господства, зародились и распространяются из США и Европы. Они также совпадают исторически – речь идет об отрезке времени начиная примерно со второй половины XX в., достигшем интенсивной фазы в 70-е – 80-е годы.

Суть глобализации – в слиянии национальных экономик в единую систему, основанную на свободном перемещении капитала. Состояние постмодерна – это комплексное состояние общества, отраженное в культуре, политике, науке и связанное с господством информационного производства, смешением культурных архетипов, девальвацией ценностей, и суть его – в возрастании значения высоких технологий, виртуализации экономики и политики, стохастической неопределенности.

Состояние постмодерна было определено Ж.-Ф.Лиотаром как “недоверие в отношении метарассказов”¹. Речь шла о переходе от научной установки на господство тотализирующих “великих учений” к вниманию ко всему локальному и частному, к господству информации и свободного движения дискурсов.

Считается, что на Западе с приходом новой культурной эпохи закончилась всеохватывающая власть Логоса, разума, и восторжествовали релятивизм, скептицизм и иррациональность. Парадигма постмодерна выросла из французской школы лингвистического

постструктурализма и связана с именами Р.Барта, М.Фуко, Ж.Дерриды, Ж.Бодрийара и др.

В самом общем виде постмодернизм как философия – это мышление критического скептицизма во всем, парадигма эпистемологической неуверенности, недоверия к традиционным текстам и институтам, это поворот в сторону иррационального и инстинктивного. Отражающая современное стохастическое состояние мира, своеобразная “постмодернистская чувствительность”² апеллирует к парадоксу, к интуиции и бессознательному, она не верит закабаляющим дискурсам классических философий и одновременно стремится к свободе и движению.

Предыстория глобализации – это вся история человечества, приведшего мир в состояние современной целост-

ности, **предыстория постмодернизма** – вся предыдущая западная философия.

Собственно глобализация и постмодернизм – это две стороны одного процесса – развития Запада и установления его гегемонии во всем мире.

Постмодернизм завершил на сегодняшний день интеллектуальное развитие западной мысли и представляется своеобразной “последней философией”, в свою очередь глобализация претендует на создание окончательного мирового порядка в режиме неолиберального “конца истории”.

Особого внимания заслуживают современные изменения в области политики. Сегодня не существует какой-либо “постмодернистской политологии”, однако парадигма постмодерна предполагает свое оригинальное видение области политического.

Глобальное состояние постмодерна и политические системы постмодернистского типа

Базовый концепт политологии – понятие власти. Политика в науке традиционно понимается как деятельность по достижению и реализации власти, а власть – как отношения господства и подчинения. Парадигма постмодерна стремится рассматривать власть под особым углом, нивелировать традиционные функции власти и доказать, что приписываемые ей научной свойства – ложная теоретизация.

На протяжении последнего столетия политические практики претерпели ряд изменений. Многие в политике остались актуальными со времен Аристотеля, однако существуют и новейшие тренды.

По словам российского философа и политолога А.С.Панарина, тайна новейшей постмодернистской эпохи – это тайна крушения модернистского типа власти и властных отношений. “Из мира словно бы вынули властный стержень, и он стал рассы-

паться на глазах, превращаясь в неупорядоченную и неуправляемую мозаику течений, тенденций, событий”³.

Уходящий модернистский порядок был продуктом догматического Логоса и упорядочивал мир с помощью власти, теперь же, по заверениям постмодернистов, мир выходит из-под контроля, ввергается в бесконечную игру дискурсов, не подлежащую управлению.

Если эпоха политического модерна была эпохой мировых войн и bipolarной системы, то эпоха политического постмодерна – это время условно свободных и независимых государств, под эгидой США, включенных в международное разделение труда и глобальную экономику.

Ценностями современной эпохи постулируются открытые рынки, либерально-демократическая политика, права человека.

Под *эпохой модерна* исследователи понимают период с конца XIX в. по середине XX в., реже – всю историю западного мира, начиная с Нового времени.

Суть, однако, в следующем – время политического модерна было связано с развитием и взаимодействием национальных государств. Суверенная власть, идеология и национальная идентичность – составляли основу межгосударственного взаимодействия. Просвещенческая установка на овладение природой и колонизация мира позволила европейским державам начать процесс, который позднее перерос в глобализацию, а также достичь беспрецедентного научно-технического уровня. Уже в XX в. Европа, США и Советский Союз провели ряд модернизаций своего производства и экономик. В свою очередь рост производства и развитие капитализма привели к мировым войнам и установлению тоталитарных режимов, четко обозначивших тупики модерна.

Изменившие мир последствия мировых войн, к которым привела просвещенческая рациональность, позволили исследователям заговорить о том, что “проект модерна, по всей видимости, провалился. И первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодерна. Экономическая глобализация лишь завершает то, что постмодернизм готовил в интеллектуальной сфере – распад модерна”⁴.

Последним оплотом модерна была биполярная система, не только отражавшая модернистское мышление посредством бинарных оппозиций, но строго упорядочивавшая мир в режиме равновесия. С крахом Советского блока наступила новая эпоха – эпоха глобализации – эпоха однополярного мира, господства гегемона в лице США и экономической географии в режиме “центр – периферия”. Она харак-

теризуется высокой степенью взаимозависимости стран в рамках единой мировой экономики и международного разделения труда, снижением роли национальных государств, высокой мобильностью информации, смещением культур и традиций.

Место суверенной власти теперь занимает власть свободных рынков, идеологии как таковые не приветствуются, однако единственно верной политической моделью считается демократия, национальная идентичность сменяется космополитизмом и толерантностью.

На смену доктринам модернизма приходит качественно новый способ организации политической системы, который в целом можно обозначить как *постмодернистский*⁵.

Состояние постмодерна – это завоевание Запада. Так, политические системы постмодернистского типа процветают в основном в странах “золотого миллиарда”.

Классическая теория политических систем, описанная Д.Истоном, постулирует наличие требований и поддержки со стороны общества, которые, проходя через “черный ящик” самой системы превращаются, при наличии обратной связи, в политические решения.

По словам теоретиков постмодерна, политическая система на самом деле выступает как способ производства власти посредством класса профессиональных политиков. В этом случае отпадает потребность в выражении интересов и артикуляции требований политическим актором. Все эти функции будут исполняться им исключительно для публики в режиме “симулякра”, формальной копии классической либеральной системы артикуляции и реализации интересов общества. Сама же “политическая кухня” профессионалов не будет принимать во внимание эти интересы, ибо они не имеют ничего об-

щего с политической деятельностью как реализацией “чистой власти”.

М.Фуко писал о том, что политика проникла всюду, и буквально пронизывает все отношения в обществе⁶. В то же время она лишается той идеологической основы, которой наделялась в эпоху модерна.

По словам теоретиков постмодернизма, в поле политики сталкиваются не цели и интересы, а политические силы, участвующие в воспроизводстве власти.

Таким образом, политическая система в постмодернистскую эпоху сводится к определенному способу производства власти ради власти. При этом очевидно, что такая политическая система постоянно уменьшает свою способность получить поддержку со стороны общества.

Также считается, что в рамках парадигмы постмодерна политика, наконец, освободилась от своей надстроечности по отношению к экономике. Политика отпускается в “свободное плавание” в режиме игр политических сил, а экономика выходит на первое место.

Так, политика в современную эпоху испытывает на себе влияние двух тенденций:

Первая связана с тем, что любая национальная политика, попадает в зависимость от мировой экономики и поли-

тики мирового гегемона. Эпоха глобализации в свою очередь стремится преодолеть политику в угоду экономике. С точки зрения адептов глобального рынка – национальные государства препятствуют свободному перемещению капиталов, политика мешает экономике. С точки зрения последовательного глобализма, модель мира как совокупности суверенных государств устарела и мешает открытости и свободе. Так, политика, не получившая одобрения Запада, сегодня попадает под подозрение, как деятельность, мешающая прогрессу.

Вторая тенденция связана с проблематичностью политики на глобальном уровне. Это итог экономической глобализации, которая на глобальном уровне захватила политические функции. Объективно – глобальная политика проблематична из-за множественных различий в культуре и истории государств, тяготеющих к тому или иному типу политического устройства. К тому же в мире еще сильны идеологии и религия. Зато язык экономики понятен каждому – вероисповедание и политические предпочтения не мешают целому ряду государств благополучно встраиваться в мировое производство и разделение труда и пожинать плоды глобализации.

Глобальная политика сквозь призму постмодернистской парадигмы

Отчет истоков глобализации традиционно ведется от эпохи Великих географических открытий XV–XVI вв.

Выделяют также разнообразные периоды “протоглобализации.”

Известно, что на Американский континент высаживались викинги, а Китай в XV в. фактически стоял перед возможностью установления морского контроля над всем миром, но эта программа была свернута. Однако именно

европейский человек колонизировал Землю и распространил по ней капиталистическую форму производства. Это связано с особым типом западного этоса – этоса завоевания природы и инструментального отношения к миру.

Примерно с середины XX в. в мировом масштабе, глобализация пришла на смену модернизации⁷, что позволяет говорить об условном соответствии процессов эпохам: модернизации – мо-

дерну, глобализации – постмодерну. При этом глобализация, исходящая из пространства постмодерна (Запад) связана с насаждением модернизационных практик “второму” и “третьему” мирам.

Контраст между модерном и постмодерном, между модернизацией и глобализацией – это контраст между закрытостью и открытостью, стабильностью и мобильностью, единством и множественностью и т.д.

Практика насаждения модернизации бедным странам имеет свою логику. Она говорит о том, что с точки зрения Запада, который уже перешагнул порог постсовременности, тем странам, которые принимают помощь международных финансовых институтов, еще только предстоит войти в модерн. Глобализация и состояние постмодерна не только исходят из Запада, но и приносят свои плоды в основном “золотому миллиарду”.

Глобализация – это в первую очередь экономический феномен. Недаром многие исследователи стремятся редуцировать глобализацию исключительно до деятельности свободных рынков.

Американский финансист Дж. Сорос, например, предлагает уравнивать глобализацию со “свободным движением капитала и возрастающим влиянием глобальных рынков и транснациональных корпораций на национальные экономики”⁸.

Так, суть глобализации в слиянии национальных экономик в единую систему, основанную на свободном перемещении капитала. Это отвечает постмодернистской установке на плюрализм и сметание каких-либо барьеров: культурных, исторических, политических.

Политика же сегодня в глобальном масштабе отстает от экономики. Международные политические институты, такие как ООН, сегодня находятся в

своеобразном кризисе и показывают свою беспомощность. Попытки создания международного правительства пока не увенчались успехом. При этом важно понимать, что международная экономическая система не образовалась сама собой из ничего.

Экономическая глобализация – это результат так называемой политической неоконсервативной волны на Западе, связанной с именами Р. Рейгана и М. Тэтчер, которые в начале 80-х годов своими реформами ослабили на Западе влияние государства на экономику, в результате чего были высвобождены силы свободных рынков. Потому очевидно, что диктатура экономики имеет политическую подоплеку, в режиме, когда политика пожелала самоустраниться, и отдать на откуп экономическим отношениям регулирующие функции.

В то же время Запад понимает, что невидимая рука рынка не может работать без “спрятанного кулака”⁹. Поэтому США продолжают наращивать свой военный потенциал, тратя на содержание армии в разы больше чем любая другая страна. В рамках деятельности Запада, политика вновь попадает в зависимость от экономики. Во-первых, именно политика освободила и своими реформами открыла возможности для экономической глобализации. Во-вторых, теперь у политической власти появляется вспомогательная функция – в странах “третьего” и “второго” миров политика призвана действовать на благо установления демократической формы правления, и создания либеральной экономики, благоприятной для западных инвестиций.

Политика Запада, в свою очередь, несет в себе две тенденции – с одной стороны она действительно трансформировалась в новейших условиях постмодерна, приобрела новые формы,

адаптируясь к требованиям плюрализма; с другой – Запад все еще является наследником модерна и стремится отправлять свою гегемонию под знаком текста, обладающего наивысшей ценностью – либеральной доктрины.

Речь идет о двойных стандартах: как носитель импульса постсовременности США говорят о плюрализме и свободе, как мировой гегемон и победитель в “холодной” войне – утверждают, что единственно верный путь для всех государств – либерализация экономики и внедрение демократических институтов.

Собственно глобализацию следует рассматривать в различных ипостасях – в качестве деятельности прозападных агентов глобализма (и соответственно дискурса, обосновывающего эту деятельность) и в качестве объективного стремления государств к сближению (во французской традиции принят термин мондиализация). В каждом отдельном случае первое не всегда совпадает со вторым.

Политический проект мирового гегемона

В этом политический проект Запада оказался далек от установки на плюрализм – на самом деле **это проект нелиберальной колонизации мира под знаком демократии.**

Глобализация, как объективная закономерность, стремится разделить и смешать все границы и нации.

Глобализация, как идеология США стремится сохранить их статус сверхдержавы при потере остальными государствами любых суверенных статусов.

То есть на современном этапе США как мировому гегемону объективное свойство глобализации на руку. Америка смогла уловить ритм глобальных изменений и использует ее деконструкционные тренды в своих целях. Мировому гегемону выгодны открытые гра-

Дело в том, что объективно глобализации как феномену постмодерна чужды как идеология глобального господства какой-либо идеи, так и однополярная мировая система. Ушла эпоха модернистского противостояния сверхдержав, работавших в режиме жесткого администрирования. Вместе с тем, к управлению миром оказались не применимы старые менеджерские стратегии.

Мировая система просто является слишком масштабной для того чтобы ее можно было контролировать “по-старому”.

В этой ситуации США, как победитель в “холодной” войне были вынуждены перейти к более гибкому способу управления – без четких властных вертикалей, без национальных границ, но с сетевой системой насаждения массовой культуры, потребительских стандартов и демократических ценностей для достижения наибольшей изоморфности политических институтов и мобильности капиталов.

ницы и мировое разделение труда, обеспечивающее достаточный уровень потребления внутри “золотого миллиарда”, именно такое положение вещей позволяет в известной степени управлять глобальным миром. Только в режиме тотальной открытости рынков и культур “сетевая демократия” способна выжить.

Получается, что не только открытость стала достижением современности.

Амбивалентность “*нового мирового порядка*” состоит в том, что с одной стороны он сменил модернистские модели политического администрирования на экономический контроль, а с другой – продолжает насаждать либеральную модель управления, самое

главное свойство которой – лояльность к рынкам.

В теории политические свободы должны предполагать и свободу выбора, но на деле страны “второго” и “третьего” мира попадают в зависимость от того, признает ли их Запад демократическими, и поступит ли к ним помощь от МВФ.

Демократия таким образом видоизменилась вслед за капитализмом – теперь она вместе с экономической стала проникать в интересующие ее регионы.

Таким образом, неолиберальный проект Запада – это проект не столько

постмодернистского плюрализма, сколько модернистской унификации мира в режиме демократизации.

Задача агентов глобализма на местах – привести локальную политику в соответствие с демократическим образцом, чтобы открыть путь свободному движению капитала. В результате появляются режимы-симулякры, формально скопировавшие западную модель, но при этом не удовлетворяющие демократическим презумпциям. В свою очередь сильные национальные государства с самостоятельной независимой властью подвергаются критике со стороны Запада.

Таким образом, глобальная политика в эпоху постмодерна приобретает ряд исключительных свойств:

Во-первых, политика отказалась от вмешательства в экономику, и высвободила энергию глобального рынка.

Во-вторых, политика мирового гегемона связана с интенсивным насаждением демократических институтов по всему миру, призванных стать проводниками экономической глобализации.

В-третьих, самостоятельная, не выгодная Западу политика национальных государств попадает под подозрение как деятельность, тормозящая свободное движение капиталов.

Антиномия современного постмодернистского миропорядка состоит в том, что с одной стороны, в процессе глобализации утверждает свое господство Запад, но с другой – возрастает значение таких процессов как регионализация, локализация и поляризация.

Плоды глобализации достаются в основном “золотому миллиарду” и его анклавам, в то время как до остального мира, глобализация доходит во многом опосредованно и в виде побочных эффектов.

Неравенство, возникающее в результате международного разделения труда, только усугубляется, и возникают горизонтальные связи между государствами, стремящимися противопоставить себя Западу.

Два аспекта современного глобального состояния – становление общества постмодерна и процесс глобализации во многом определяют, каким будет будущее планеты.

Примечания

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 11.

² Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 201.

³ Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 2001. С. 124

- ⁴ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 21.
- ⁵ Гордеев И.В. Трансформация политических систем: от модернизма к постмодернизму // Логика метаисторического времени. М.: Издательство “Социально-политическая мысль”, 2004.
- ⁶ Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С.193.
- ⁷ Дергачев В.А. Глобалистика М.: Издательство Юнити-Дана, 2005. С. 13.
- ⁸ Сорос Дж. О глобализации М.: ЭКСМО, 2004. С. 5.
- ⁹ Уткин А. Новый мировой порядок. М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. С. 28.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Мифологические персонажи аварцев-койсубулинцев

**Магомед Алиев,
Руслан Сефербеков,**
кандидат исторических наук,
(Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН)

Миф – это не идеальное понятие, не идеальное бытие, не вид поэтической образности, не наука, не догмат. “Миф есть сама жизнь”, “жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесность”, “миф есть само бытие, сама реальность”. Это – “энергичное самоутверждение личности” в “выразительных функциях”, это – “образ личности”, “лик личности”, а не ее субстанция. Миф есть в словах данная личностная история. Он есть чудо, как чудом и мифом является весь мир¹. Именно так охарактеризовал миф великий русский философ А.Ф.Лосев.

Важное место в духовной культуре народов Дагестана занимают пережитки ранних форм религий: магии, анимизма, фетишизма, тотемизма... Процесс распространения ислама в Дагестане растянулся на долгие века (с VII по XVI в.). Пережитки язычества органично вплелись в мусульманство, приобретая форму так называемого “народного” “бытового” ислама. Койсубулинцы*, как и большинство аварцев, приняли ислам в XV в. В их духовной культуре сохранилось немало мифологических персонажей былого пантеона пандемониума.

Мифология аварцев – одного из коренных народов Дагестана – содержит богатый материал для исследования культуры и менталитета этноса. Мифы содержат в себе напластования разных событий в различные периоды истории народа.

О существовании в прошлом у аварцев-койсубулинцев пантеона богов и демонов свидетельствуют многие дошедшие до нашего времени обычаи и обряды, не-

* Койсубулинцы – одна из этнических групп аварцев, проживающих по долинам рек Аварское Койсу и Андийское Койсу, Кара Койсу. Койсубулинцы исторически входили в состав Койсубулинского Союза “вольных” обществ с центром в с. Гимри (родина двух имамов Дагестана – Газимагомеда и Шамиля), а в отдельные периоды истории – в состав Аварского ханства. После присоединения Дагестана к России Койсубулинцы были включены в состав Аварского округа Дагестанской области. После установления Советской власти и нового районирования в 30-х годах XX в. они вошли в состав новообразованных Гергебильского и Унцукульского районов Дагестана.

которые жанры фольклора, определенная лексика и фразеология, донесшие до нас образы целого ряда языческих персонажей.

Отсутствие полноты картины объясняется влиянием ислама (и исламской культуры), боровшегося с прежними языческими культурами, многие из которых оказались впоследствии забытыми или же сохранились в неполном и фрагментарном виде.

Мифологические представления, связанные с природой

Наиболее древними богами аварцев, как и у других народов мира, были олицетворяемые и персонифицируемые небо, небесные светила и атмосферные явления. В основе этого олицетворения лежит культ природы.

Аварцы-койсубулинцы клянутся небом (“*зоб*”), солнцем (“*бакъ*”), солнечными лучами (“*бакъул нура*”), луной (“*моц*”), радугой (“*нур*”). Имеется проклятие, связанное с громом (“*гъугъади*”) и молнией (“*пир*”).

Сохранилось космогоническое представление о 7 землях и 7 небесах, что также видно из проклятия: “Чтоб ты провалился сквозь 7 земель и 7 небес!”.

С радугой у аварцев-койсубулинцев связан ряд примет.

Если в момент рождения ребенка на небе появилась радуга, то считают, что он угоден Богу и с ним связывают большие надежды на будущее. Если умер человек и в этот день идет мелкий дождь и на небе радуга – значит покойник попадет в рай.

Если радуга раскинулась в виде моста над рекой – дождя больше не будет, а если радуга расположилась вдоль реки – будет дождь.

Имеется представление, что под концами радуги находятся золото, золотые ножницы, ступка и пестик.

Отдельные клятвы и благопожелания аварцев-койсубулинцев донесли до нас

имена общеаварских верховных богов **Бечеда** и **Цюба**: “Да сбудется с помощью Бечеда!”, – “Чтобы Цюб – Аллах обратил свою милость!”.

Персонификацией божества дождя являлся ряженный – “дождевой ишак”. В с. Ашильта он назывался также “дождевая птица”. Ряженым обычно был мальчик или мужчина, которого наряжали в ветви хмеля, водили по селу, где его обливали водой, а сопровождавших одаривали продуктами. Обряд сопровождался молитвами к Богу с просьбой о дожде.

В с. Колоб в обряде вызывания дождя участвовали только женщины. Одну из них наряжали в зеленые ветви. Ее водили по селу и обливали водой с молитвами о дожде. За ней водили черного жертвенного барана.

После обхода всего села шли к “Дождевой скале”, у которой варили ритуальное кушанье “мугъ” из зерен злаковых и бобовых культур. Его раздавали как подавание детям и старикам, а бульон разливали по земле по периметру села.

В с. Аракани для вызова дождя к каменному катку для укатывания крыши призывали блоху.

Некоторые иррациональные приемы существовали у аварцев-койсубулинцев для остановки града. Во время града стреляли из ружей вверх, выкидывали во двор золу.

Указанные обряды проводились до 70-х – 80-х годов.

Свадебные обряды, связанные с мифами

Вплоть до 60-х годов XX столетия обязательным персонажем свадеб был ряженный – “козел-волк”.

У аварцев села Гергебиль он назывался “шуточный волк”, в селе Тукита – “медведь-волк”, а в селе Карата – “медведь”².

Ряженные неожиданно появлялись в разгар свадьбы, одетые в войлочные маски, папахи и вывернутые мехом наружу шубы, с вымазанными сажей лицами.

Ряжеными могли быть мужчины и женщины, парни и девушки.

Иногда женщина рядилась в мужскую одежду, приделывала усы.

В некоторых случаях, наоборот, мужчина переодевался в женщину.

Бывало, что публику веселила пара ряженных разного пола.

Ряженные всячески проказничали, бросали в толпу муку и золу, пачкали сажей.

Они были персонажами свадеб и у других дагестанских народов.

Например, у даргинцев – цудахарцев они назывались “замаскированные волки” и “переодетые в мужскую одежду женщины”³.

Надо отметить, что ряженные были обязательными персонажами и праздника первой борозды, который широко и красочно отмечали в Нагорном Дагестане.

В наше время ряженные у аварцев-койсубулинцев встречаются только при выступлениях канатоходцев.

Демонические персонажи

Большое место в мифологических представлениях аварцев-койсубулинцев занимают демонические персонажи.

Сохранилась вера о присутствии в каждом доме “*фундаментной змеи*” или “*домовой змеи*”, которая живет под притолкой.

С домовыми змеями связывают благополучие и достаток в доме и семье. Убивать их – тяжкий грех. В этом случае семья распадается, а дом рушится.

Со змеями связаны и некоторые предписания. Если змея переползет перед путником дорогу, ее нельзя убивать. Если встретишь змею ночью – обязательно убей ее.

Демоны, крадущие плод из утробы матери у аварцев-коусубулинцев называются “будулаал”.

В с. Балахуни бытует представление, что они также крадут плод из утробы коровы.

Демоны крадут плод у избранных женщин, отмеченных печатью Бога. Иногда крадут и самих женщин.

Демоны появляются ночью, когда женщины спят. Приняв облик родственницы, соседки, подруги, демоны крадут плод. Женщина обнаруживает отсутствие плода по капелькам крови на полу от кровати до дверного порога (граница миров). Боли она при этом не чувствует.

Сходные персонажи имеются в религиозных представлениях и других народов. Так, у аварцев-хваршин они называются “*Будулла ба*”⁴, у даргинцев-цудахарцев – “*АвлигГуне*”⁵, у лакцев – “*Авдалы*”⁶.

Помимо функций антагонистов рожениц “будулаал” обладают и качествами патронов охоты и диких животных.

По словам жителей с. Балахуни, “будулаал” живут высоко в горах, в пещерах. По облику они как люди, но невидимы. Избранные люди по воле Аллаха также могут быть обращены в “будулаал”. Они могут оживлять убитую охотниками дичь.

Заметное место среди демонических персонажей аварцев-койсубулинцев занимает **домовой**.

Он серого цвета (“*серая шерсть как у мыши*”), иногда является в белом саване. Он живет на мельнице и безмолвен. Появляется в полночь и наваливается на человека, спящего лицом вверх, когда он в комнате один. Домовой давит его своей тяжестью так, что человек не может шевельнуться.

Пошевелить он может только большим пальцем правой ноги (только этот палец не во власти домового). Если сумеешь шевельнуть этим пальцем – домовый уходит.

У него нет одной ноздри, вследствие чего у человека, на которого навалился домовый есть возможность дышать одной ноздрей. Если бы у домового было бы две ноздри – всех бы передушил. Говорят также, что у домового 99 щупальцев, которыми он обвивает и душит человека. Если бы их было 100 – задушил бы насмерть.

В с. Унцукуль существует поверье, что домовый наваливается на человека не на всяком месте. Если в каком-либо доме умер человек, то под покойника надо обязательно положить камень-оберег, который после похорон выбрасывают. Если же камня не положить, то кто бы не лег спать на то место, где раньше лежал покойник, на него будет наваливаться домовый.

Домовой обладает волшебным предметом – “шапкой-невидимкой”, которую он прежде чем войти в комнату кладет над дверным проемом, над порогом (граница миров) (с. Унцукуль) или в отверстие для засова в дверном проеме (с. Балахуни). Если сумеешь высвободиться из-под домового, имеется возможность опередить его и схватить шапку-невидимку. Завладев шапкой, нужно бежать к мечети.

Если сумеешь забежать в мечеть, домовый дальше не преследует и шапка твоя. Если же домовый догонит, то отбирает свою шапку и с размаху бьет пятерней по заду преследуемого. Отпечаток от пятерни остается навсегда на теле человека и его не скроешь никакой одеждой – материя на этом месте будет постоянно рваться.

В с. Ашилъта живет миф о том, что вечером, когда скот возвращается с пастбища домой, на осле, идущим впереди стада, сидит домовый, который невидим для окружающих.

Существовали приемы и средства, призванные уберечь человека от визитов слишком назойливого домового.

Для того чтобы он не наваливался, рекомендовалось спать на боку и не в одиночку. Берегами от домового являлась молитва, прочитанная перед сном, а также положенные под подушку Коран, кинжал, ножницы.

Рассказывают, что в с. Балахуни жил некий Хъамал, которого часто донимал домовый. Для того, чтобы избавиться от него, Хъамал накрыл своей одеждой каток для укатывания крыш и спрятался. В полночь появился домовый и наваливался на каток. Хъамал подскочил к нему и ударил кинжалом. Из домового полилась вода и залила всю крышу.

Интересно отметить, что у аварцев-чародинцев и табасаранцев имелся особый прием избавления навсегда от визитов домового. Для этого нужно было одновременно есть хлеб и при этом мочиться, чтобы очиститься. Аварцы-койсубулинцы остерегались делать это, ибо считали, что после этого во сне больше не будут сниться умершие близкие родственники.

Из других демонов аварцев-койсубулинцев выделяется призрак – предвестник смерти, появляющийся на расвете.

Он высокий, ростом достает до неба. Если человек повстречается с ним, когда он облачен в белое одеяние – к благополучию. Если же повстречаешься с призраком одетым в черное – “умрешь ровно через год в это же время”. Берегом от него служила молитва.

Этот демон также имеет свои аналогии у других народов Дагестана.

Например, в представлениях табасаранцев имелся кладбищенский демон – “курузай”. Он предстает в антропоморфном облике, высоким (достигает крыш домов), узкими, белым. Обитает на заброшенных кладбищах. Бродит по селу в темное время суток и пугает людей⁷.

У русских среди другой нечисти выделялся жердяй. В.И.Даль описывал жердяя так: “...предлинный и претонкий, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей”.

О некоторых мифологических персонажах аварцев-койсубулинцев нам известно из формул запугивания детей⁸.

Например, матери пугали непослушных детей тем, что "демон идет". Надо отметить, что также этот демон называется и в с. Заната Шамильского района Дагестана. У лезгин и табасаранцев демон известен как "Буьгуь". В ветреную погоду шаловливых детей пугали тем, что "Мать ветров придет". В с. Чох она известна как "Алтымаз".

Среди других языческих персонажей мифологии аварцев-койсубулинцев выделяются "Хьартай", "нарты" и др.

"Хьартай" – женщина – великан, ее сыновья – нарты. Груды ее так велики, что она забрасывает их за плечи. Она иногда преследует людей, но при этом не переходит через реку (граница миров) – "боится воды".

Описание мусульманских мифологических персонажей (шайтан, джинны и т.д.) не входит в задачу нашего исследования. Однако, в ряде случаев под личиной шайтана и джиннов могут

скрываться демоны и духи, имеющие местное происхождение.

Шайтан однозначно враждебен человеку. Он может принять человеческий облик. Его можно узнать по вывернутым наружу пяткам (с. Унцукуль) и разрезу глаз не вдоль, а поперек (с. Балахуни). От преследования шайтана можно спастись, очертив вокруг себя магический круг.

У каждого человека будто бы имеется свой джинн.

Он умирает за 40 дней до смерти человека. У человека, у которого умер джинн, пропадает эхо (с. Балахуни).

Джинны помогают понравившемуся им человеку в различных работах. Например, они якобы могут даже подарить человеку за какую-нибудь значительную услугу шапку-невидимку. Однако об этой помощи или подарке нельзя никому говорить.

В противном случае лицо человека перекашивает как при параличе, подарки исчезают или превращаются в навоз, мусор.

Как видно из представленного материала, можно отметить сравнительное многообразие и разветвленность мифологических персонажей, составлявших пантеон богов и демонов аварцев-койсубулинцев. Дальнейшее изучение доисламских мифологических персонажей аварцев и других дагестанцев перспективно в плане реконструкции более полной картины языческого пантеона и пандемониума народов Дагестана.

Примечания

- ¹ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. "Диалектика мифа". Разд. 1. М.: Политиздат, 1991.
- ² Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – нач. XX в. Л.: Наука, 1988. С. 45.
- ³ Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев сел. Куппа. Махачкала, 1999. С. 15.
- ⁴ Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 174–175.
- ⁵ Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Аул Куппа. Историко-этнографические очерки. XIX–XX вв. Махачкала, 1997. С. 122–123.
- ⁶ Халилов Х.М. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 79.
- ⁷ Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 25.
- ⁸ Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К.Королев. М., 1997. С. 171.

Этнография и этнополитика

О предмете исследования

Инал-ипа Наала

С исчезновением с политической карты мира Советского Союза исчезла и “новая историческая общность” – *советский народ*. На территории России, как и на всем постсоветском пространстве осталась совокупность этнических групп.

Причины случившегося глубоки и многообразны. Однако вряд ли когда-нибудь будет подвергаться сомнению факт, что одной из причин социального коллапса, постигшего великую державу, были накопившиеся межэтнические противоречия. Сейчас во всех государствах, образовавшихся на месте СССР, в том числе и в России, эти противоречия выдвинулись на первое место в числе дестабилизирующих факторов.

Межэтнические отношения требуют безотлагательного и эффективного регулирования со стороны политической системы государства. Однако выяснилось, что надлежащая научная база для этого отсутствует. Ведь в советской, интернационалистской по сути, теории и государственной практике не подвергалось сомнению утверждение о том, что при социализме исчезает объективная основа для межэтнических (межнациональных) противоречий, и социалистические нации, движимые объективной исторической необходимостью, утрачивая различия, сливаются в единой общности.

Несомненно, в работах ряда советских исследователей были зафиксированы ценные этнографические данные, касающиеся народов, проживавших на территории СССР, однако идеологический подтекст не мог не влиять на обобщения и выводы советских ученых.

Западной этнографией была создана весьма подробная и многоцветная этническая картина мира, рисующая уклад жизни, обычаи и нравы народов, населяющих планету. Однако, сами по себе благополучные страны Запада либо моноэтнические по своему составу, либо с иной этно-территориальной структурой, чем в СССР, не сталкивались, за редким исключением, с межнациональными проблемами, которые угрожали бы самому существованию государства, и потому смотрели на них, как на нечто чуждое цивилизованному миру.

“Вплоть до недавнего времени, – писал по этому поводу Д.Хоровиц, – область этнических отношений была тихой заводью в обществоведении, и первым ответом на возрастающую волну этнических конфликтов была трактовка последних как эпифеноменов”¹.

Даже в случае известных конфликтов с давней историей, таких, например, как баскский или североирландский европейские эксперты предпочитали видеть причину не в межнациональных противоречиях, а в другом (подчеркивался религиозный, экономический или иные аспекты).

Источники межэтнических проблем до распада СССР не подвергались глубокому теоретическому анализу, и само их существование в границах “цивилизированного мира” оказалось огромной неожиданностью, когда совсем недавно на ночных улицах европейских городов запылали автомобильные стоянки. Только теперь и в Европе стали разделять озабоченность относительно высокой вероятности возникновения и разрастания этнических войн. Многим стало понятно, что человечество может из эпохи мировых войн перейти в эпоху войн этнических, идущих по всему миру.

Категория этнического: к истории вопроса

Что же такое этнос с точки зрения важнейших факторов современной расстановки политических сил, как фактор, угрожающий стабильности мирового порядка? В литературе существует разброс мнений по данному, теоретически фундаментальному вопросу.

В этнологии существует несколько определений *этноса* (этнического), обладающих теоретически значимыми различиями.

Определения:

– С.М.Широкогорова: “этнос – группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп, может быть названа этносом, племенем, народностью. Это и есть этническая единица, объект науки этнографии”²;

– Ю.В.Бромляя: Этнос – “исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)”³;

– Э.Д.Смита: Этнос – это “общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающая чувством солидарности”⁴;

– конструктивистское определение, в частности, в интерпретации Ф.Риггса: этносы – это группы людей, которые, руководствуясь “побуждениями сердца”, способны “преследовать определенные цели или защищать свои интересы” и обладающие “коллективной природой, ... культурной основой и, соответственно, долгосрочными ценностными ориентациями, что очень важно для прогнозирования их политического поведения”, и что очень “ценится политическими партиями”⁵;

– “нигилистическое” определение, принадлежащее В.А.Тишкову, и в принципе, отрицающее объективность этнического⁶: “этносы... есть умственные конструкции, своего рода “идеальные типы”, используемые для систематизации конкретного материала... Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов... В действительности же... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры”.

Две науки и два предмета исследования

Если даже отбросить крайности этнического нигилизма, все равно придется констатировать, что единый предмет в науке этнологии исчез. Классическое примордиальное определение

этноса С.Широкогорова и конструктивистское определение, скажем, в изложении А.Риггса не совместимы ни в логическом, ни в практическом отношении.

Как применить, например, конструктивистское понимание этнического относительно тех этносов, которые не имеют собственного самоназвания (например, некоторые племена Новой Гвинеи), не говоря уже об отсутствии представлений о политических партиях⁶?

В указанном случае этнограф будет руководствоваться примордиальным определением С.Широкогорова, не прибегая даже к уточнениям Ю.Бромлея. Становится очевидным, что практического этнографа и теоретика-конструктивиста этнос интересует с совершенно разных сторон: этнографа – с точки зрения *объективных* языковых, культурных, территориальных и т.д. различий, конструктивиста – с точки зрения политических потенциалов, коренящихся в сугубо *субъективных* симпатиях-антипатиях представителей данной общности.

В данном случае мы имеем дело не с одной, а с двумя науками, составляющими в совокупности этнологию, каждая из которых обладает своим собственным *предметом исследования*.

Это, с одной стороны, классическая *этнография*, изучающая бытовые и культурные особенности, проблемы происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений народов мира, а с другой – только-только отделяющаяся от этнографии новая дисциплина – *этнополитика*, теоретические основы которой, очевидно, формируются на базе конструктивизма.

Предмет этнополитики, как и она сама по себе, еще не в полной мере стал объектом научной рефлексии. Поэтому, руководствуясь лишь кругом проблем, стоящих в центре внимания этнического конструктивизма, можно попытаться определить этнополитику, как *научную дисциплину, изучающую политический потенциал этнических общностей и политические средства использования этого потенциала*.

В рамках такого понимания предмета исследования, теоретические построения конструктивизма приобретают несомненный научный интерес и практическое значение.

Определенные сложности вызывает тот факт, что этнополитика, несомненно, – прикладная, практическая дисциплина, поэтому ее предмет трудно описать в объективных понятиях, как то подобает “истинной” науке.

Неучет этого обстоятельства вызывает порой длительные споры и неконструктивные попытки отрицания самой реальности такой “необъективной” науки.

Различая этнографию и этнологию, первую можно условно определить как науку о настоящем существовании этнических групп с точки зрения их исторического прошлого. В самом деле, этнограф, изучающий сегодняшний уклад жизни, обычаи, обряды, мифы, языковые идиомы и т.д., носителем которых является этническая группа, смотрит на них через призму необходимости, в силу которой они когда-то возникли, через призму их исконного смысла и той первоначальной роли, которую они когда-то играли в повседневной жизни народа⁸.

В отличие же от этнографии, этнополитику можно определить как науку о будущем этноса с точки зрения настоящего. Ведь здесь, если смотреть на этнос с позиции конструктивизма, он выступает субъектом определенной политической воли, носителем некоторой политической цели. Воля – фактор настоящего – посредством группового политического действия движет этнос к цели – к некоторому будущему состоянию. Вот это-то будущее и пытается предвидеть этнополитика как теоретическая дисциплина; на это будущее и пытается воздействовать этнополитика как политическая методология и технология.

С точки зрения указанных различий, этнография и этнополитика – независимые области исследования. Однако сразу же следует оговориться, что эта независимость весьма условна и относительна.

С одной стороны, трудно себе представить этнографическое самописание этнической группы, независимое от политических претензий этой группы, от ее реального места в раскладе политических сил данного общества.

Как не без оснований полагает В.Тишков: “Конструирование прошлого в культурных терминах представляет собою процесс выборочной организации прошлых событий для обеспечения преемственности с современным субъектом идентификации. ... Идентичность – это, прежде всего, вопрос обретения власти (empowerment) в ее широком значении слова (легитимность, статус, полномочия и даже право на насилие)”⁹.

Даже если в приведенной цитате преувеличивается политизация этнографических данных для общего случая, очевидно, в каждом частном случае это преувеличение будет тем меньше, чем больше политических амбиций несет в себе групповое сознание субъектов этнографической идентификации – представителей данного этноса.

Каких масштабов может достигать “конструирование политически потребного прошлого” свидетельствует небольшой отрывок из статьи турецкого историка Текина Аьпа, в которой он пишет как на самом деле творилась история турецкого народа: “Кемаль Ататюрк ... считал, что пора всему миру понять, что турецкая история ... восходит к XII тысячелетию до Христа. Была предписана новая всеобщая мобилизация.

Весь турецкий народ с тем же порывом, и как всегда, двинулся под руководством своего вождя к завоеванию своего прошлого, к завоеванию своей собственной истории, ... провозглашенных Ататюрком исторических истин. Кампания еще не

закончилась, но полученные результаты достаточны для подтверждения этих истин ... Родина турецкого народа находится в Центральной Азии, в области, простирающейся от Байкала ... к бассейну Ители ... и Каракоруму.

В те времена, когда остальное человечество жило в пещерах и вело самый примитивный образ жизни, турки уже были достаточно цивилизованы, чтобы использовать дерево и металл (речь идет о древнем каменном веке! – Авт.)

... Историки, археологи и антропологи могут сколько угодно спорить по поводу этнического происхождения того или иного древнего народа, включаемого в историческую генеалогию турецкой нации. Однако кемалистская Турция прочно хранит свои ретроспективные завоевания ... С 1930 года каждый турецкий школьник постигает, что настоящие турки не те, что были поработены чужестранцами, ... а скорее те, которые впервые заложили основы цивилизации в Центральной Азии за тысячи лет до христианской эры и распространили ее затем в разных частях света”¹⁰.

Признавая это, следует признать и то, что непредвзятая интерпретация “объективных” данных этнографии вряд ли возможна без теоретических нейтральных “разъяснений” этнополитики.

С другой стороны, невозможно понять политические устремления этноса без полной информации о его обычаях и нормах, ценностях и установках, то есть того, что изучает именно этнография.

В самом деле, “политическая воля”, “политическая цель” – это состояния группового сознания, вещи, хотя и субъективные, но вполне реальные, а потому и определенно детерминированные. И опознать эти детерминанты, мобилизующие групповую волю и задающие ей цели, нельзя иначе, чем обратившись к истории этнического сознания, к его легендам и преданиям, к подвигам героев, к сакральному смыслу обрядов и традиций, к тайным свидетельствам языка. И в этом отноше-

нии этнополитика целиком зависит от этнографии, как, впрочем, и от истории.

Итак, этнополитика, как можно опередить ее в первом приближении, – это наука, которая, используя эмпири-

ческую базу этнографии, пытается описать в настоящем вероятную картину будущего, созданного групповой политической волей и групповой политической целью представленных в обществе этносов.

Этнос в моноэтничном государстве

Этнос как объект этнополитики, как группа, обладающая особенными групповыми политическими целями – это, очевидно, часть нации, идентифицирующая себя по этническому признаку.

Идентификация этой группы не совпадает с национальной идентификацией, ее групповые цели не совпадают с национальными интересами (то есть с интересами доминирующей национальной партии). Иными словами, политически мобилизованный этнос не находит в приоритетах существующего государства реализации своих интересов.

Мобилизацию этноса, то есть превращение его в субъект политического действия, можно рассматривать, таким образом, как ино-идентификацию, как субъективное противопоставление членов этнической группы всей остальной нации по рубежу “*мы – они*”, а своих групповых интересов – государственным интересам (“*их интересы – не наши интересы*”).

Можно считать, что опыт моноэтничных наций (моноэтничных государств в расширенном смысле), подтверждает тезис о связи мобилизации этноса с отсутствием национальной

идентификации (то есть с ино-идентификацией). Хотя в современном мире давно уже нет этнически “чистых” государств, в качестве их исторической “тени” можно назвать, например, Японию или Норвегию¹¹.

В этих и подобных случаях название государства производно от самоназвания единственного этноса, а этноним и натоим здесь совпадают. Чаще всего в моноэтничном государстве этнос не может противопоставлять себя нации в качестве субъекта политического действия, поскольку он и есть та самая нация, обладающая государственностью.

Таким образом, если этнос самоидентифицирует себя как нацию (“воплощение этноса в нации”), то это делает невозможной его мобилизацию и превращение в субъект политической деятельности. С другой стороны, очевидно, что, во-первых, нация может быть мобилизована как единая политическая сила против внешнего политического противника; и, во-вторых, гражданин как частное лицо может быть мобилизован под каким-нибудь политическим лозунгом в рамках какой-то политической партии, не противопоставляющей себя нации.

Этнос в полиэтничном государстве

Если нация состоит из многих (больше одного) этносов, возникает совершенно иная ситуация. Вопрос о мобилизации этноса, о его превращении в субъекта политического действия, противопоставляющего себя нации, а сво-

их интересов – национально-партийным интересам, зависит исключительно от того, *идентифицируют ли себя члены этнической группы в качестве членов нации*, считают ли они национальное государство – *своим государ-*

ством, а себя, хотя бы номинально – суверенным источником власти в этом государстве.

Следует сказать, что в современном мире существует много полиэтничных (по советско-российской терминологии – “многонациональных”) государств, в которых по крайней мере на сегодняшний день отсутствуют признаки этнической мобилизации.

В качестве примера можно привести современную Германию, оставив, правда, за рамками рассмотрения непростой вопрос взаимоотношения государства с иностранной рабочей силой, структурированной по этническому признаку.

Если же иметь в виду только немецкую нацию как совокупность граждан государства, то эта нация полиэтнична (а государство – федеративно), она включает в себя в качестве этнических групп баварцев, саксонцев, тюрингцев, франконцев и проч. Однако представители указанных этносов на первое место устойчиво ставят национальную идентификацию (*Deutsch*), то есть в первую очередь воспринимают себя как “немцев”, и лишь во вторую – как уроженцев федеральных земель. Соответственно по крайней мере в XX в., несмотря на две национальные катастрофы, в Германии не зафиксирована мобилизация какого-нибудь этноса.

Трудно назвать всю совокупность причин, позволяющую представителям различных этносов в той или иной стране воспринимать – идентифицировать – себя как представителей единой нации, как граждан единого государства. Скорее можно попытаться определить основные причины, вытекающие из характера национального государства, по которым подобная идентификация может стать невозможной.

Анализ этих причин, можно начать с констатации, что каждый гражданин полиэтничного государства обладает двумя идентичностями: этнической и национальной.

Этническая идентификация в современных демократических обществах,

как правило, является сугубо личной идентичностью человека наряду с вероисповеданием, половой ориентацией и т.д., и лишь в редких случаях, как, например в СССР, она имела официальный статус наряду с гражданством и вписывалась отдельным пунктом в паспорт. Однако, как известно, в новом российском паспорте данная запись исчезла, оставив этническую идентичность делом совести гражданина.

Напротив, *национальная идентичность* (то есть принадлежность к нации) всегда официальна, от нее нельзя отказаться: она присваивается по факту гражданства и “выдается” вместе с паспортом гражданина данного государства. И хочет этого гражданин или не хочет, но предъявляя национальный паспорт, он представляется им по национальному имени – натоному: я – американец (француз, россиянин...).

Таким образом, в полиэтничном государстве каждый гражданин, называющий себя этническим именем, должен принять и другое имя – национальное, а в определенных случаях и называться им.

Так, если национальное имя – натоном – образовано от имени другого этноса, входящего в нацию, тогда самоидентификация представителя другого этноса в соответствии с натоном равносильна отказу от своей этнической идентичности, что в иных случаях субъективно приравнивается к отказу от веры, от родства, и даже – предательству. Если такая ситуация возникает, то национальное имя – натоном – табуируется для самоназвания членов этнической группы.

Другим фактором, объективно препятствующим национальной идентификации граждан полиэтничного государства, является государственный (национальный) язык. Граждане единой страны в силу объективных обстоятельств (единства системы образова-

ния, права, экономики и т.д.) должны говорить на одном языке. И если этот язык опять же является родным языком какого-то другого этноса, входящего в нацию, тогда это обстоятельство сразу же делит нацию на две части: “истинных” носителей национального языка (литературы, культуры и т.п.), и “иноязычных” граждан, как бы “приобщающихся” к национальной культуре.

Это деление имеет и экономические, и социальные последствия, поскольку человек, хуже владеющий государственным языком, с меньшей вероятностью переходит в вышележащий социальный слой; а добиться языкового равенства представителю меньшинства труднее – по крайней мере ему нужно выучить два языка¹². И “средний” класс (его еще называют “мелкой буржуазией”) этнического меньшинства (учителя, врачи, служащие и т.д.), чье экономическое процветание целиком зависит от знания письменного языка, в общем случае не выдерживает конкуренции со стороны языкового большинства.

Но главным препятствием для национальной идентификации представителей этнической группы в рамках полиэтничного государства является этнократический характер государства.

Этнократия представляет собой тот порядок, когда национальная партия контролирует государственную власть, составленную из представителей доминирующей этнической группы, и всегда выбирает в качестве национальных интересов интересы доминирующего этноса. При этом партию следует понимать именно как политически мобилизованную (в данном случае по этническому признаку) часть нации, а не как зарегистрированную политическую партию.

Этнополитические отношения в Российской Федерации представляют собой сложную многоуровневую систему, функционирующую под влиянием самых различных факторов. Проявления этнорегионализма и этносепаратизма стали след-

Очевидно, если государство приобретает этнократический характер, национальная идентификация для представителей этнических групп, не входящих в доминирующий этнос, становится практически невозможной. Государство не только не воспринимается ими в качестве “своего”, но, напротив, воспринимается чуждой силой, потенциально угрожающей безопасности и благополучию этнических меньшинств.

Вплоть до начала 60-х годов XX в. наиболее яркий пример этнократического (и расово-сегрегированного) государства представляли собой Соединенный Штаты Америки. И по своему этническому (расовому) составу, и по этнической (расовой) политике, получившей название джимкромизма (в честь рабовладельца-расиста), институт американского государства представлял машину для откровенного подавления цветного этнического меньшинства в интересах белого этнического большинства. Подавление в данном случае принимало самые разнообразные формы: от “судебного убийства” до элементарного “бытового удобства”: если белым было “неудобно” жить с цветными в одном квартале или ездить в одном вагоне метро, принимался местный закон, запрещающий последним селиться за установленной чертой или входить в вагон с надписью: “Только для белых”, и т.п. Вся Америка была, по сути, расчерчена, на своего рода “резервации”, где отдельно жили белые, черные и т.д.

Деление по этнорасовому признаку и ныне пронизывает всю удостоверяющую личность документацию в США, где обычно фигурируют пять категорий: евроамериканцы, афроамериканцы, мексиканцы (латино), азиатскоамериканцы и коренные американцы¹³.

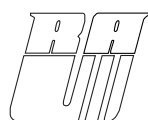
ствием многих причин. В этом ряду следует назвать такие факторы, как слом административно-командной системы управления страной, отсутствие у политического руководства четкой концепции этнической и региональной политики, многочисленные попытки разыграть в политических целях “этническую” и “региональную” карту, всплеск этнического самосознания в обществе¹⁴.

Отечественная наука испытывала огромную потребность теоретического осмысления связи этнической идентичности и политической мобилизации человеческих общностей, анализа тех факторов, которые все чаще вовлекают этнические группы в экстремистские националистические движения, угрожающие порой не только государственному, но и мировому порядку. Очевидно, что для современной многоэтничной России подобные исследования имеют особое значение.

Примечания

- ¹ *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley, etc., 1985. P. 13.
- ² *Широкогоров С.М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922. Он же. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923. С. 13.
- ³ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58..
- ⁴ *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. New-York: Oxford, 1986. P. 30.
- ⁵ *Riggs F.F.* (ed). Ethnicity. INTERCOSTA Glossary. Concepts and Terms Used in Ethnicity Research. Honolulu: International Social Science Council, 1985. P. 12.
- ⁶ *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 7–8.
- ⁷ *Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 66.
- ⁸ *Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966.
- ⁹ *Тишков В.А.* Политическая антропология. М.-Омск, 2001. С. 10–11.
- ¹⁰ *Alp T.* The Restoration of Turkish History // Nationslism in Asia and Africa. Ed. by Elie Kedurie. New York; Cleveland: The World Publishing Company, 1970. P. 207–224.
- ¹¹ *Riggs F.* Ethnonationalism, Industrialism and Modern State // Third World Quarterly. Vol. 15. No 4. 1994. P. 598–599.
- ¹² *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1990. P. 114–121.
- ¹³ *Hollinger D.* Postethnic America. Beyond multi-culturalism. New-York: Basic Books, 1995.
- ¹⁴ *Татуни С.А.* Этносоциология. М.:МАЛП, 1999.

Раскрывая тайны китайской цивилизации

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 17.12.2007. Формат 70x100^{1/16}. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 98.